

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Творчество Л.Ф. Зурова и русская религиозно-философская мысль XIX–XX вв.	Виктория Захарова	7
Полет поэта (Русские поэты-футуристы и авиация)	Владимир Котельников	25
Литературные связи повести А.П. Чехова «Степь» (древнерусские источники, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев)	Светлана Николаева	49
Особенности мифопоэтики Велимира Хлебникова	Валерий Редькин	63
Метод встречного текста как ресурс развития письменной, устной речи и ассоциативного мышления учащегося	Ольга Грекова	79
Сравнительный анализ способов терминообразования в таджикском и русском языках (на примере «Наводир-ул-вакоъ» Ахмада Дониша)	Фатима Асад / Махдин Мухаммадбегии Косвои / Ширин Хантова	95
Прямое и косвенное выражение речевого акта «прощание» в русской культурной среде	Марьям Шафаги	113
.....		
Abstracts		133
Краткие содержания		7

CONTENTS

The works of L.F. Zurov and Russian religious-philosophical thought of the nineteenth and twentieth centuries.	Victoria Zakharova	7
Poet's Flight (Russian poets-futurists and an aviation)	Vladimir Kotelnikov	25
Literaturnye context of the story by A.P. Chekhov "the Steppe" (ancient sources, N.V. Gogol, V.S. Soloviev)	Svetlana Nikolaeva	49
Features of mythopoetics by Velimir Khlebnikov	Valery Redkin	63
Oncoming Text method as a resource for students' written, oral speech and associative reasoning development	Olga Grekova	79
Comparative Analysis of Term Formation in Tajik and Russian Languages ("Navader-ul-Vaghaye" Ahmad Danish)	Fatemeh Asad / Mahdi Mohammad Beygi Kasvai / Shirin Haitov	95
Direct and Indirect Expression of the Speech Act of Farewell in the Russian Cultural Environment	Maryam Shafaghi	113
.....		
Abstracts		133
Persian Abstracts		7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:
Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:
Марзие Яхьяпур

Научный редактор:
С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казнева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джаноллах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран
<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Филологического факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепехин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Ирине Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.

- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) –1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора:
myahya@ut.ac.ir

Творчество Л.Ф. Зурова и русская религиозно- философская мысль XIX–XX вв.

Виктория Захарова*

Профессор, Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматривается творчество Л.Ф. Зурова, представителя русской эмиграции первой волны, с точки зрения соотносительности его творчества с идеями русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. В контексте идеи созерцания проза Л.Ф. Зурова исследуется в ракурсе трудов Вл. Соловьева, о. С. Булгакова, И. Ильина. С позиций включенности его творчества в художественное осмысление духовных традиций семейного воспитания как основы национальной жизни России – в ракурсе работ Н. Лосского, Н. Арсеньева. Объектом исследования являются повесть «Кадет» (1926), романы «Древний путь» (1934) и «Поле» (1936). Созерцательное начало прозы Л.Ф. Зурова способствовало постижению автором онтологической сути бытия, глубинных основ христианского мировосприятия. Выявление духовного потенциала семьи в деле воспитания личности свидетельствовало о том, что основы евангельского благочестия, бескорыстной помощи ближнему, деятельного милосердия, высокой требовательности к себе, какие закладывались в русском семейном кругу, – независимо от социальной принадлежности, – служили формированию духовно- нравственного богатства России. В лице Л.Ф. Зурова русская литература XX в. приобрела самобытного, талантливого православного писателя.

Ключевые слова: проза, Л.Ф. Зуров, религиозно-философские идеи, национальные духовные традиции.

* E-mail: victoriatz@rambler.ru; victoriazaharova95@gmail.com

Введение

Леонид Федорович Зуров (1902-1971), ученик Ив. Бунина, представитель младшего поколения первой волны русской литературной эмиграции, стал талантливым православным писателем. Он был родом из дворянской семьи, детство и ранняя юность прошли на Псковщине. В эмиграцию попал в 1919 г., оказавшись в Эстонии после тяжелых ранений, полученных на фронтах Гражданской войны в составе Добровольческой армии. В начале жил в Прибалтике, затем учился истории в Карловом университете в Праге, мечтая посвятить себя изучению древнерусского искусства. Отсутствие средств помешало ему окончить образование. Пришлось зарабатывать себе на хлеб физическим трудом. Затем в Риге Л.Ф. Зуров устраивается ответственным секретарем детского православного журнала «Перезвоны», становится профессиональным писателем. В отклике на первую книгу Л.Ф. Зурова – автобиографическую повесть «Кадет» (1928) – еще не знакомый с ним И. Бунин признал, что это «подлинный, настоящий талант, – именно художественный, а не литературный только...» (Цит. по: Стрижев 1999. 6)

Целью настоящего исследования является стремление доказать глубокую соотнесенность художественного сознания писателя с идеями русской религиозной мысли XIX–XX вв.

Талант Л.Ф. Зурова формировался в эпоху Серебряного века, получившую название русского религиозного Ренессанса. Именно тогда, в преддверии грядущих трагических катаклизмов, многие представители русского искусства, ощущая кризисность своего времени, устремились к вечным христианским Истинам.

Значительное влияние на умы своих современников и последователей оказал Вл. Соловьев, который писал о высоком назначении искусства, которое, как он считал, должно стать предварением совершенной красоты преображенного Божественной гармонией грядущего мира. Как справедливо полагал философ, необходимо восстановление «той неразрывной связи,

которая некогда действительно существовала между искусством и религией» (Соловьев 1990. 134).

Одной из проникновенных идей русского религиозного сознания истари была идея созерцания. Именно она во многом способствовала интуитивному постижению сакральности бытия. В начале XX в. ее глубоко исследовал отец Сергей Булгаков в труде «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» (1917). Философ считал, осмысляя отношения искусства и религии, что искусство «должно оставаться искусством, ибо, только будучи самим собой, является оно вестью горнего мира, обетованием Красоты» (Булгаков 1994. 334).

Задача преодоления отчуждения между искусством и религией, остро ощущавшаяся мыслителями рубежной эпохи, была в центре внимания и эмигрантской религиозно-философской мысли. И именно идея созерцания тоже оказалась в центре внимания многих ярких мыслителей эмиграции: Николая Бердяева, Ивана Ильина, Владимира Ильина. Полагаем, творчество целого ряда русских писателей XX столетия глубоко соотносимо с интуитивным постижением этой идеи, но до сих пор в этом плане недостаточно исследовано.

В предлагаемой работе мы намерены лишь обозначить наиболее характерные в этом плане черты художественного мировидения Л.Ф. Зурова, а также представить некоторые другие важные параллели его творчества и русской религиозной философии.

Основная часть

Н.А. Бердяев писал о духовной активности созерцания в творчестве, благодаря которым и происходит «прорыв к другому миру» (Бердяев 1991. 223). «Но самые моменты созерцания, – указывал он, – не знают борьбы, конфликта, мучительного противления и затруднения, эти состояния преодолеваются. Этим созерцание отличается от других форм активности духа» (Бердяев 1991. 223).

Л.Ф. Зурову, на наш взгляд, как раз и удалось в произведениях, посвященных трагедии социально-исторического разлома страны, дать картину мира, которая осмыслена в православно-христианских представлениях о жизни. Его проза носит лирико-философский характер. А.Н. Стрижевым было верно замечено, что это произведения, «напоенные светом и лиризмом, отмеченные благородными порывами и смирением, присущими православным людям» (Стрижев 1999. 4).

В произведениях Л.Ф. Зурова явственно ощутимо стремление и умение его героев интуитивно-вдумчиво постигать происходящее. Во многом в этом им «помогают» субстанциональные жизненные начала – природные, глубинно-исторические. Как это свойственно прозе неореализма, – а именно в ее русле творил вслед за И. Буниным Л.Ф. Зуров, – авторское присутствие в тексте проявляется во внефабульной сфере. Подобно бунинской прозе, в произведениях Л.Ф. Зурова природа занимает полноправное место как равнодействующий с другими образ, которому автором «передоверены» самые сокровенные его думы.

Обратимся к роману «Древний путь» (1934). Здесь восприятие трагических событий Первой мировой войны и революции даны через восприятие, в основном, двух героев: вольноопределяющегося Назимова, вернувшегося домой с фронта, и подростка-гимназиста Сережи Львова, сына погибшего на войне офицера. Полагаем, эти герои представляют разные грани, – вовсе не противоречивые, – alter ego автора. Тем более, что их же мы встречаем и в следующем романе Зурова – «Поле». Возможно, что через разные возрастные градации – отрока и рано возмужавшего молодого человека – писатель стремился более полно и многогранно выразить свое представление о происходящем.

Главную роль здесь играет образ Назимова, мечтавшего вернуться к мирной жизни и вынужденного бросить свое родовое гнездо, маленькую провинциальную усадьбу, вывозить оттуда мать и больного отца, опасаясь поджога усадьбы крестьянами. Углубленная лирическая созерцательность

всегда присуща любимым героям Л.Ф. Зурова. Так, Назимову принадлежат многие важные для понимания концепции романа лирико-философские размышления, – причем, именно постижение природных состояний помогает ему выйти на уровень духовного осмысления бытия.

И.А. Ильин оставил чрезвычайно глубокие размышления о «сердечном созерцании» как о творческом компоненте, которого не хватает и современному человеку, и современной культуре. Он писал: «*Созерцать* – почти то же самое, что «видеть» или «рассматривать», но созерцание означает *духовное* видение и рассмотрение, способное очистить наше чувственное зрение, символически углубить его, придать ему действительность.

Созерцать – почти то же самое, что и «наблюдать», но это такое наблюдение, которое *прозревает сущность* вещей» (Ильин 2007. 502) (Курсив автора).

Черты подобного необычного художественного сознания явно обнаруживаются в романе Зурова. Вот как даны воспоминания, подъезжавшего домой с фронта Назимова, о приездах из города, из гимназии на Рождественские каникулы: «Паровоз редко вздыхал. *Восходя* по-утреннему столбами, весело розовел его дым <...> У станции пахло деревней, по-зимнему было очаровательно тихо... Полозья, отрываясь от снега, визжали и легко шли по накатанной дороге. *Начиналось белое, чистое, радостное для глаз поле*» (Зуров 1985. 33). (Здесь и далее в цитатах курсив мой. - В.З.).

Очевидна онтологическая нагрузка текста. Визуальная картина ассоциированно вводит мотивы чистоты, радостного всеединства мира.

Однако трагическая ситуация гражданской войны, казалось бы, разрушила эти благотворные жизненные начала, с детства свойственные герою. Между тем, к концу романа эти мотивы «возвращаются», обогащенные новыми обертонами смысла, мощно окольцовывая повествование.

После пережитых страданий своего героя, перед грядущими новыми, автор вновь делает его созерцателем красоты мироздания, – на этот раз ночного зимнего сада в родной усадьбе. Именно этот эпизод, по нашему

мнению, выражает главные, проникновенные мысли автора, основы его жизненной философии: *«Небо было открыто, и в его синеве по-зимнему дрожали деревенские звезды над яблонями, снегами и домом в необыкновенном сиянии и чистоте, звезды детства, которые, словно очистившись, теперь он снова благодарно обрел. Он видел все таким же чистым, согласованным, как в рождественские вечера в детстве».* (Зуров 1985. 123).

Обогащенность этого мотива рождественской чистоты и гармоничной согласованности мира заключается в усилении мысли о совершенстве изначального Божественного мироустройства и детски-доверчивом приятии его: *«И было отечески простерто над садом и домом какое-то рождественское и благословенное небо, какая-то древняя обитель всех дышащих душ»* (Зуров 1985. 124). Очень важен мотив возвращения к утраченному благодатному состоянию души, впускающей в себя вечную Божественную Истину, благодаря которой человек способен выстоять перед драматическим настоящим.

В контексте подобных размышлений отчетливо понимается роль образа подростка Сережи Львова. Созерцательно-проникновенное восприятие им картин окружающего оттеночно углубляют увиденное и осмысленное Назимовым. Вот, например, Сережа, тревожно наблюдая с крыши дома за тушением пожара от орудийных выстрелов в городе, замечает после того, как все утихло: *«Река холодна и бела. На крепостных шербатых стенах щеткой стоят замерзшие травы, а среди стен, белым камнем – святой Никола. В его закругленной груди темнеют узкие щели окон. Белая шея несет тяжелобокую, в бледных при месяце звездах, главу. Молчат и стыннут колокола. Все спит <...> В церковных парках, в гнездах, по-древнему, не смыкая глаз, спят вороны. Звенит в полынях теплая и сильная вода – и идет подо льдом, согревая каменистое дно, идет из моховых болот, глухими берегами, к Пскову, где на утесе Дитинец охраняет Троицу о пяти куполах».* (Зуров 1985. 69). Одухотворенные антропоморфические образы храмов, реки, связующие

времена и пространства, позволяют писателю создать неповторимый эффект единства вневременных, вечных и прекрасных субстанциональных начал бытия, воплощающих надежное охранительное начало, внушающее веру и надежду.

В романе «Поле» (1938) образ Сережи Львова выходит на первый план, уже как бы закрывая собой мятущегося Назимова. Очевидно, именно способность подростка, почти еще ребенка, увидеть мир, несмотря ни на что, цельным и Божественно прекрасным, важна была автору.

На первой странице романа представлена в глубинно-созерцательном восприятии Сережи символическая картина: «Стояли вечера таинственного рождения, когда покрытые пушком хрущи выходили из теплой земли, прорезая ее, как острые травы, а потом раскрывали влажные крылья, и совершалось чудесное человеческих снов – *они летели, стоя, как ангелы, вверх, на золотистую зарю над вершинами яблонь, на клены и распустившиеся у реки тополя*». И чуть ниже: «В этот вечер Сережа Львов долго стоял над рекой. *Было время, когда в особой чистоте живет молодая листва, воды ровны, тепло, мягки и округлы вершины заречного парка, к вечеру все меняет свои очертания, все становится легче, таинственнее и полнее*» (Зуров 1983. 7).

Как это свойственно прозе Л.Ф. Зурова, визуальная картина мира имеет глубокий онтологический смысл. Сквозь нее прозреваются сущностные основы бытия. Для мальчика это, прежде всего, интуитивное чувство неслучайности таинственной преобразующей динамики природного мира. Подтекст, насыщенный ассоциативной символикой, позволяет обнаружить стремление писателя утвердить на первых страницах своего скорбного произведения представление о высшей гармонии природного мироустройства. Мотивы *чистоты, тишины, округлости, устремленности к озаренному небу* делают эту страничку интродукцией, заключающей в себе идеальные начала жизни, которые в вечности своей противостоят безжалостному разрушению в войнах и социальных катаклизмах.

Сергея Львов с тревогой и доверчивостью вглядывается в небо в самые трудные времена: «...в дали, которую он мысленно связывал с фронтом, стояло за перевалом одинокое дерево, наклонившись к путям, что всегда маячило там, в пустоте, на закате. И самое печальное было в том, что в вечном склонении над линией дерева не было никакой надежды. *Жила надежда лишь в западном небе, в бесплотной чистоте которого светился закат, в котором жило что-то от возведения храма, предстояния, воздетых рук, где в склонении облаков жило страдание*» (Зуров 1983. 118). Ближе к финалу дается сцена посещения Сергеем кладбища, после чего он размышляет: «Смерти не было. Была лишь оживающая вечно земля, согретая солнцем, в которой все исчезало, на которой, рождаясь, все снова жило, в вечно обновляющемся божественном круге, поднимающем от морей облака» (Зуров 1983. 132).

И этот роман, как и предыдущий, проникнут идеей неизбывности страдания. Но, считал писатель, есть только одна надежда: вера в Божественное преображение жизни, в благую Божественную волю. Много значит для Л.Ф. Зурова и мотив благодарения Богу за счастье жить на этой земле, – что тоже дается через восприятие глубоко чувствующего живую красоту бытия гимназиста.

И.А. Ильин писал обобщенно о писателях (он называет их поэтами), тип сознания которых был созерцающим: «он *приобщился сокровенному естеству мира и воспринял его священную самосуть* <...> и постепенно слагается новое чувство, новая уверенность в том, что он прикоснулся к иному миру: «Нет, это не поэтический вымысел поэта. Это *древне*, как мир... и в то же время – *ново* и *юно*, как сегодняшний день... То, что я воспринял, было существенно, как хлеб жизни, и драгоценно, как откровение... Я коснулся правды мира и был счастлив»...» (Ильин 2007. 233-234). (Курсив автора).

Полагаем, сказанное в полной мере соотносится с сутью художественного сознания замечательного русского созерцательного поэта Л.Ф. Зурова. Причем, именно созерцательное начало придало эффект некоей вознесенности ее над конкретикой воспроизводимых событий, судеб.

Разумеется, контекстуальные связи творчества этого автора с русской религиозной философией были многомерными. Выделим еще одно начало — связь с традициями воспитания в российской православной семье.

Сегодня очевидно, сколь велик духовный потенциал философского наследия русской эмиграции. Среди огромного свода проблем, привлекавших внимание ее известных представителей, важное место занимали и вопросы, связанные с осмыслением значимости национальных духовных традиций в русской семье. Об этом писали о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский. Мы остановимся на именах Н.С. Арсеньева и Н.О. Лосского, — выбор этих авторов обусловлен меньшей известностью и изученностью интересующих нас работ, особенно Н.С. Арсеньева.

Николай Сергеевич Арсеньев (1888—1977) принадлежал к старинному дворянскому роду. Семейное древо Арсеньевых уходило своими корнями в древнерусскую эпоху. Детство и юность будущего философа прошли в Москве и родовом имении деда в Тульской губернии в обстановке патриархальных дворянских традиций. После окончания Московского университета Н.С. Арсеньев обучался в немецких университетах, а, возвратившись в Россию, работал в Московском университете; после революции стал профессором Саратовского университета на кафедре сравнительной истории религии (деканом был С.Л. Франк). После закрытия кафедры в 1920 г. Н.С. Арсеньев эмигрировал.

Долгие годы связывали его с Кенигсбергским университетом, а после Второй мировой войны он преподавал во Франции и США. В Православной Свято-Владимирской Академии при Колумбийском университете ему довелось работать с такими известными религиозными философами русской эмиграции, как Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, о. Г. Флоровский, о. А. Шмеман и др.

В своих трудах Н.С. Арсеньев указывал на огромную роль традиции, разрыв с которой чрезвычайно опасен для национального самосознания. Особенно важной в представлениях философа была традиция семьи.

Разумеется, воспитанному в лоне традиционной русской православной культуры Н.С. Арсеньеву семья воспринималась неотрывно от религиозных корней своего народа. Одну из глав в своем замечательном труде «Из русской православной традиции» Н.С. Арсеньев так и назвал: «Русская семейная культура и ее религиозные корни». Работа эта интересна во многом тем, что автор, не ограничиваясь богатым опытом собственной семьи во многих ее поколениях, приводит многочисленные примеры из воспоминаний различных людей, из русской литературы. Ссылаясь на множество литературных источников, Н.С. Арсеньев утверждал, что «значение матери, женщины в русской патриархальной, культурной семье решающе и основоположно. В русской культурной семье женщина — мать и жена — играет духовно более важную роль, чем мужчина, и не только в воспитании детей. Она — внутренний очаг семейной жизни <...> вместе с тем через нее, через ее молитвы, через ее участие в молитве детей, через ее пример, через ее наставление, поток религиозной энергии, струи иного — облагодатственного бытия <...> вливаются в ежедневные, самые будничные и обычные, жизненные ее проявления. Здесь мы касаемся самого глубокого, самого святого из творческих корней русской семейной культуры и русской культуры вообще. И этот образ русской матери и жены, центра семьи и семейного очарования и носителя религиозного принципа, не умер, не отжил. Он живет и ныне во многих русских матерях!» (Арсеньев 1953. 227)

О своей матери Арсеньев пишет так: "Моя мать стремилась к духовному благу, к духовному росту своих детей не меньше, чем к их физическому здоровью и преуспеянию... Она учила своим примером, как нужно давать там, где есть нужда... То же было и в области жизни религиозной: она была укоренена в этом, это не было учение словами; просто мы, дети, видели религиозную действительность, реальность Божию, силу Христову, проявляющуюся наглядно в жизни самого близкого нам человека. Это уже не уроки, а смиренное и подлинное свидетельство жизни – самое убедительное

или, вернее, единственно убедительное: действительная жизнь во Христе, постоянная направленность сердца к Господу Иисусу, но без всякой экзальтации, жизненно и просто» (Арсеньев 1974. 73-74). Философ писал свой труд с опорой на библейские источники, в частности, на послания святого апостола Павла. Апостол Павел писал, что именно от Господа нашего Иисуса Христа «именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа 1996. 421).

В верующих семьях носители этого принципа «Отечества» — отец и мать, искали последней, решающей точки опоры для себя и детей в этом «Отечестве» небесном, к нему направляли взоры своих детей» (Арсеньев 1953. 230).

Труд Н.С. Арсеньева строился на знании благочестивых традиций русских семей различных сословий, — здесь дано множество прекрасных примеров древнерусского благочестия, запечатленного в фольклоре, памятниках древнерусской письменности. Много внимания уделено обычаям, царившим в благочестивых семьях русских царей.

Замечательный свод многочисленных источников сформирован Арсеньевым в главе, посвященной русским праведникам различных времен, вышедших из самых различных сословий. Но главное в том, что эти примеры служат подтверждению мысли философа о том, что прекрасные духовно-нравственные традиции были не исключением, касавшимся избранных личностей, и являлись неотъемлемой частью общенационального бытия России: «Сколько религиозно-укрепленных, нравственно крепких, просветленных, праведных и благостных, сияющих тихим светом любви, личностей, известных, а еще более неизвестных, которые составляют, может быть, *высшее украшение русской национальной жизни*, вышли из недр благочестивой русской семьи, теснейшим образом срослись с этим бытом и освятили его...» (Арсеньев 1953. 222). (Курсив мой. — В.З.). Нельзя недооценивать такое представление о национальной аксиологии, которое философ внедрил в сознание своих современников, стремясь во что бы то ни

стало удерживать такие традиции русской жизни, когда быт освящался духовным бытием.

Н.О. Лосский (1870-1965) в своей замечательной книге «Характер русского народа» (1957) небольшой, но богато иллюстрированной ссылками на произведения русской литературы с древнейших времен до современности, раздел посвятил русской женщине, – он так и называется «Русская женщина». Здесь, выстраивая убедительную типологию женских характеров в их необычайной многогранности, Н.О. Лосский заостряет внимание на чертах христианского милосердия, активного «действия» во имя ближнего, которое так было присуще русской женщине, независимо от ее положения в обществе.

В русской классической литературе Н.О. Лосский находит много ярких примеров самоотверженности и нравственной силы русских женщин. Своей убежденной нравственной позицией, воспринятой в православной традиции воспитания, они необычайно благотворно воздействовали не только на членов своей семьи, но и на окружающих. Особое внимание философ уделяет образу русской няни, художественно воплощенной во многих произведениях русской литературы и в воспоминаниях.

Когда Н.О. Лосский размышляет о русских женщинах, и, в частности, о русских нянюшках, он считает, что в их поведении «обнаруживается высокая *одаренность* русского народа, связанная с глубокой религиозностью и любовью к человеку, особенно к ребенку, ум и воображение, богатые содержанием, и скромное сознание собственного достоинства» (Лосский 1991. 295). (Курсив мой. – В.З.). Раздел о даровитости русского народа в книге Н.О. Лосского изобилует многообразным материалом, доказывающим постулаты автора. Стоит актуализировать и такую позицию во взглядах философа: «К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит *чуткое восприятие чужих душевных состояний*, – писал Н.О. Лосский. – Шубарт говорит: «Русский переживает мир, исходя не из «я» и не из «ты», а из «мы». Он приводит из книги графа Кейзерлинга «Дневник путешественника» его

замечание о русском народе: «Он один из всех европейцев обладает *непосредственным отношением к душе своего ближнего*» (Лосский 1991. 258). (Курсив мой. – В.З.). Вообще достоинством книги Н.О. Лосского является ее насыщенность отсылками к мнениям иностранцев, изучавших Россию (Шубарт, Бэринг, Грахам). Заканчивается этот раздел цитатой из Г. Грахама, который в книге «Неизвестная Россия» (1912) («Undiscovered») говорил, что русские женщины всегда «стоят пред Богом; благодаря им Россия сильна» (Лосский 1991. 296).

Полагаем, произведения Л.Ф. Зурова во многом иллюстрируют все эти положения известных философов. В его ранней повести «Кадет» (1926), романах «Древний путь», «Поле», анализ которых был представлен выше, неоконченной повести «Иван-да-марья», которую мы здесь не затрагиваем, – везде заметна важность женских образов, благодаря которым так много прекрасного было заложено в души людей. Это, конечно, прежде всего – образ матери. В повести «Кадет» юный Митя Соломин в годы революционного лихолетья не раз вспоминает свою мать, так много добра всегда творившая крестьянам и наивно верящая, что они не тронут их имение.

Трогательно милосердной показана в повести бывшая няня, которая давно уже жила в городе и, когда раненый Митя, сброшенный солдатами с поезда, появился у нее в доме, она не просто приняла его у себя, а предложила ему все свои сбережения. Митя от них отказался, но, засыпая, «...тихо улыбнулся. Словно солнечный луч промелькнул» (Зуров 1999. 216). Стоит добавить, что няня сказала Мите о своем решении передать эти деньги в церковь.

Благодаря воспитанной с детства религиозности Мите и его двоюродному брату Степе легче удалось пережить ужасы тюремных застенков: спасала молитва. А когда мальчиков неожиданно выпустили и радость переполнила их души («...казалось, что никогда в жизни так ярко не светило солнце и так хорошо не блестел под его лучами снег»), Митя не забывает сказать Степе: «Знаешь, Степа, что я вспомнил... когда меня из поезда выбросили, мне няня сказала: «Видно, за тебя мама молилась...» (Зуров 1999. 293).

Кульминационной сценой того внутреннего эпилога, каким нам представляется текст завершающих глав, является *предпасхальная исповедь и причащение* героев перед поступлением в армию и уходом на фронт гражданской войны. Звучит мотив *непреходящей красоты православной традиции*, животворными соками питавшей многие поколения русских людей: «Мите были *памятны с детства робкие огни четверговых свеч, розовые отсветы родимых предпасхальных песен*, и алоствольная верба с теплыми пушками, и чтение Евангелий, когда в перерывах вздыхал хор о славе и долготерпении и с колоколен падали редкие звоны». (Зуров 1999. 304).

В романе «Древний путь» (1934) эти начала тоже связаны, прежде всего, с образом матери. Выделяются образы двух женщин: матери Александра Назимова Дарьи Федоровны и матери убитого поручика, бабушки гимназиста Сережи Львова – Анастасии Михайловны. Обе они – живое воплощение христианского стоицизма, высокого смирения перед лицом страшной опасности. Дарья Федоровна, оставшаяся в усадьбе одна с больным мужем, переживает страшную ночь: вполне реальна была возможность поджога усадьбы крестьянами. Даже когда было видно зарево соседней усадьбы, она не потеряла мужества, всю холодную февральскую ночь провела на краю сада, стоя под высокой елью, чтобы, если понадобится, успеть вывезти мужа на телеге.

Обходя накануне вечером со свечой дом, она вспоминает, как гимназистом сын Саша приезжал перед Пасхой. «К Светлой Заутрене она ездила с сыном. До церкви было восемь верст <...> Она передавала через сына привезённые к запрестольному кресту *гиацинты* и становилась у любимой иконы *Богородицы Умиления*. Божья Мать держала на руках Сына. Он щекой прижимался к Ее щеке. Склонив голову, Она смотрела грустно и умиленно.

Саша, стройный и худой, стоял со строгим лицом» (Зуров 1985. 13).

Так акцентированно вводится в повествование библейская интонация. Соотнесённость человеческой судьбы с Вечными евангельскими образами

переводит повествование с житейского на онтологический уровень.

Это отчетливо обозначено и далее: «Возвращались на рассвете. Словно омытое, большое, розовое солнце выходило из-за леса. Дорога шла по весёлым затопленным лугам и казалась короче. С большака были видны Засеки, дом, где она прожила жизнь и где родила сына» (Зуров 1985. 14).

В этой главе, одной из первых в романе, заложен ещё один важнейший мотив повествования – мотив «древнего пути». Дарья Федоровна вспоминает: «Начиналась какая-то преображённая, светлая служба, словно несшая все радости и счастье древности. Радостно пел хор о воскресшем Христе, священник кадил, кланялся, христосовался, и ему отвечала вся церковь» [Зуров 1985. 14]. Так, с первых страниц романа раскрывается одно из важнейших толкований символики названия романа: утверждение великого преображающего значения христианской веры, издревле присущей русской жизни, той пасхальной радости, которую она всегда несла с собой (о категории пасхальности русской литературы см. [Замечательна глава, в которой дан эпизод чтения Библии Анастасией Михайловной Львовой. Великолепен сам образ Библии: «Библия была древняя, в дубовом, обтянутом кожей переплете <...> От листов пахло воском и зрелой землёй <...> Меж страниц лежали лёгкие ландыши, розы, жасмины <...> Библия была в цветных закладках, бабкина, парчовая – серебряные травы по зелёному полю, и любимая материнская – голубая с бисерной вышивкой, и девичья тёмно-синяя лента из косы. Её Анастасия Михайловна положила в день свадьбы. Среди закладок была алая анненская лента сына, снятая ею с рукоятки его шашки» [Зуров 1985. 54]. Верно замечено А.В. Громовой на примере малой прозы Л.Ф. Зурова, что присущая писателю тенденция к лаконизму «увеличивает смысловую нагрузку на отдельные образы и детали, что, в свою очередь, ведёт к их символизации» (Громова 2007. 287)

Нельзя лучше, чем через образ Книги Книг, так проникновенно показать древний путь православной духовной традиции, питавшей поколения русских людей. Всего лишь деталь (закладка) помогает пластично обозначить

естественность, органичность существования этой духовной подпитки.

Заключение

Итак, отметим, что, по мнению известных представителей русской религиозно-философской мысли, значение духовного потенциала семьи в деле воспитания личности трудно переоценить. Те живые творческие основы евангельского благочестия, доброты, самопожертвования, бескорыстной помощи ближнему, активного, деятельного милосердия, высокой требовательности к себе, какие закладывались в русском семейном кругу, – независимо от социальной принадлежности, – служили формированию духовно-нравственного богатства нации, народа, России.

В данной работе мы выделили доминантные, по нашему мнению, качества прозы Л.Ф. Зурова, созвучные ряду аксиологически важных положений русской религиозной философии XX в. Полновесное осмысление подобной проблематики – дело будущих исследований.

Литература

- Арсеньев Н.С. (1953). *Русская семейная культура и ее религиозные корни* // Православие в жизни. – Сб. ст. под ред. С. Верховского. Нью-Йорк. "Изд-во им. Чехова".
- Арсеньев Н.С. (1974). *Дары и встречи жизненного пути*. Изд-во «Франкфурт-на-Майне».
- Бердяев Н.А. (1991). *Самопознание*. Москва. Изд-во «Книга».
- Булгаков С.Н. (1994). *Свет не вечерний. Созерцания и умозрения*. Москва. Изд-во «Республика».
- Громова А.В. (2007). *Поэтика малой прозы Л.Ф. Зурова: (Сборник «Марьянка»)* // Пушкинские чтения–2007. Санкт-Петербург. Изд-во «ЛГУ им. А.С. Пушкина».
- Зуров Л.Ф.(1985). *Древний путь: Роман*. Париж. Изд-во «Франкфурт-на Майне», С. 33. Далее ссылки на это издание.
- Зуров Л.Ф. (1939). *Поле: Роман*. Париж. Изд-во «Франкфурт-на-Майне». С. 7. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- Ильин И.А. (2007). *Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований* // И.А.Ильин. Огни жизни. Москва. Изд-во «Русская книга» – XXI век.

- Ильин И.А. (2007). *Поющее сердце. Книга тихих созерцаний* // И.А. Ильин. Огни жизни. Москва. Изд-во «Русская книга» – XXI век.
- Лосский Н.О. (1991). *Характер русского народа* // Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. Москва. Изд-во «Политиздат», С. 294. Далее ссылки на это издание в тексте.
- Послание к ефесянам святого апостола Павла (3,15)* // Новый завет господина нашего Иисуса Христа. (1996). Т. 2. Москва. Сретенский монастырь. Изд-во «Новая книга».
- Соловьев В.С. (1990). *Общий смысл искусства* // Вл. Соловьев. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. Москва. Изд-во «Книга».
- Цит. по: Стрижев А.Н. (1999). *Леонид Федорович Зуров. Биографический очерк* // Леонид Зуров. Обитель. Повести, рассказы, очерки, воспоминания. Москва. Изд-во «Паломник».

Bibliography

- Arsen'ev N.S. (1953). *Russkaja semejnjaja kul'tura i ee religioznye korni* // Pravoslavie v zhizni. – Sb. st. pod red. S. Verhovskogo. N'ju-Jork. "Izd-vo im. Chehova".
- Arsen'ev N.S. (1974). *Dary i vstrechi zhiznennogo puti*. Izd-vo «Frankfurt-na-Majne».
- Berdjaev N.A. (1991). *Samopoznanie*. Moskva. Izd-vo «Kniga».
- Bulgakov S.N. (1994). *Svet nevechernij. Sozercanija i umozrenija*. Moskva. Izd-vo «Respublika».
- Gromova A.V. (2007). *Pojetika maloj prozy L.F. Zurova: (Sbornik «Mar'janka»)* // Pushkinskie chtenija–2007. Sankt-Peterburg. Izd-vo «LGU im. A.S. Pushkina».
- Zurov L.F.(1985). *Drevnij put': Roman*. Parizh. Izd-vo «Frankfurt-na Majne», S. 33. Dalee ssylki na jeto izdanie.
- Zurov L.F. (1939). *Pole: Roman*. Parizh. Izd-vo «Frankfurt-na-Majne». S. 7. Dalee ssylki na jeto izdanie dajutsja v tekste s ukazaniem stranicy.
- Il'in I.A. (2007). *Vzgljad vdal'. Kniga razmyshlenij i upovanij* // I.A. Il'in. Ognj zhizni. Moskva. Izd-vo «Russkaja kniga» – HHI vek.
- Il'in I.A. (2007). *Pojushhee serdce. Kniga tihih sozercanij* // I.A. Il'in. Ognj zhizni. Moskva. Izd-vo «Russkaja kniga» – HHI vek.
- Losskij N.O. (1991). *Harakter russkogo naroda* // N.O. Losskij. Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovy jetiki; Harakter russkogo naroda. Moskva. Izd-vo «Politizdat», S. 294. Dalee ssylki na jeto izdanie v tekste.
- Poslanie k efesjanam svjatogo apostola Pavla (3,15)* // Novyj zavet gospoda nashego Iisusa Hrista. (1996). Т. 2. Moskva. Sretenskij monastyr'. Izd-vo «Novaja kniga».

Solov'ev V.S. (1990). *Obshhij smysl iskusstva* // VI. Solov'ev. Stihotvorenija. Jestetika. Literaturnaja kritika. Moskva. Izd-vo «Kniga».

Cit. po: Strizhev A.N. (1999). *Leonid Fedorovich Zurov. Biograficheskij ocherk* // Leonid Zurov. Obitel'. Povesti, rasskazy, ocherki, vospominanija. Moskva. Izd-vo «Palomnik».

Полет поэта (Русские поэты-футуристы и авиация)

Владимир Котельников*

Профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинского Дома) Российской Академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: сентябрь 2015 г.; дата принятия: октябрь 2015 г.)

Краткое содержание

Интенсивное развитие авиации в начале XX в. отразилось во многих сферах жизни; пространство обитания человека резко расширилось, многократно увеличилась скорость передвижения, открылись новые горизонты познания. Авиация стала тогда одним из самых эффектных проявлений технического прогресса, и у выступавших активными апологетами последнего футуристов тема авиации оказалась значительной творческой темой, которая иногда опиралась и на личный опыт полетов. В поэзии с темой авиации был связан новый образ мира, раскрылись новые, нередко трагические аспекты отношений человека и машины. Самой замечательной фигурой в ряду поэтов-авиаторов выступил футурист Василий Каменский, ставший профессиональным пилотом и развернувший тему полета в поэтических произведениях мажорной тональности. В них он создал богатый словарь тематических неологизмов, отличавшихся яркой экспрессией благодаря своей необычной морфосемантике и фонетическому строю. Глубоко драматизирует «воздушные пути» человека В. Хлебников, описывая их зачастую на фоне мировых катастроф, к чему приходит в некоторых стихотворениях об авиации и Блок.

Ключевые слова: Футуризм, авиация, поэтический язык футуристов-авиаторов, новый образ мира, человек и машина.

* E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

Введение

Первым из поэтов поднялся в воздух футурист – и это закономерно.

Футуризм выступил как совершенно новый тип творческой активности. Футуристический акт должен был стать единством образотворения и житнетворения. Автор создавал образ (словесный, пластический, живописный, графический), но, кроме того, он совершал жизненно-реальное, уже внеэстетическое действие – действие, прежде всего, социально-практическое, резко выходящее за пределы традиционной области искусства и морали, действие, манифестирующее абсолютно новую позицию футуриста в обществе, в культуре, в жизненном пространстве. Препрежнее кабинетное писательство, вообще камерное творчество, сосредоточенное на собственном процессе, отвергалось. Слово должно слиться с поступком, с резким жестом, с ударом, овладеть миром с позиции силы, движения, преодоления. Стремись реализовать такую функцию слова, футуризм теснее и демонстративнее, чем любое другое течение в искусстве, связывал его с событиями жизни самого творца и с социальной событийностью.

Слово в футуристическом акте форсировалось семантически и эмоционально. Это выражалось в образном гигантизме, непомерных гиперболох и симфорах футуристического текста, с чем связана артикуляционная напряженность речи, потребовавшая небывалого стихостроения, ориентированного на публичную вокализацию повышенной громкости, усиленную к тому же средствами внелитературного словесного, костюмного и поведенческого эпатажа.

Так же форсировалось и практическое действие автора, входящее в футуристический акт, – это не обыденный поступок, а вызов, разрушение установленных границ и барьеров, радикальная модернизация форм жизни и самой человеческой природы. Важную роль в этом футуристы отводили новейшей технике, ускоряющей движение, усиливающей мощь воздействия на вещи и людей.

Основная часть

Интерес к авиации – преимущественно эмоциональный и художественный, а иногда и практический, – в ту пору испытывали многие футуристы: И. Северянин, Гр. Тулин (сборник «Воздушные корабли», 1911), К. Олимпов (К.К. Фофанов; сборник «Аэропланские поэты», 1912), Д.В. Петровский, В.Е. Татлин, В.В. Хлебников, В.В. Маяковский, В.В. Каменский. Последний, однако, занимает в этом ряду особое место.

В 1909–1910 гг. В.В. Каменский начинал со стихов в стиле натуралистического примитивизма, но уже тогда пытался изменить свое поэтическое зрение и свой язык.

Перелом произошел в 1910 г., когда его «нестерпимо потянуло к крыльям аэроплана» (Каменский 1990. 450) и он на гатчинском аэродроме под Петербургом совершил свои первые полеты. Тогда же В.В. Каменский так объяснил смену своего положения в мире: «Уж если мы действительно футуристы <...>, если мы – люди моторной современности, поэты всемирного динамизма, пришельцы-вестники из будущего, мастера дела и действия, энтузиасты-строители новых форм жизни, – мы должны, мы обязаны уметь быть авиаторами» (Каменский 1990. 450). С этих пор, вспоминал потом В.В. Каменский, «я так окрылился, что земным больше не считал себя – весь ушел на воздух, всем существом слился с аэропланом» (Каменский 1990. 451).

Здесь возник один из основных и сквозных в стихах 1910-х гг. эгообразов В.В. Каменского – крылатого, летающего поэта. В этом образе почти не используется банальная метафора «поэт-птица», отсутствует тривиальный мифопоэтический мотив Икара. В него вписаны технические детали аэроплана, использованы техноморфные образные средства (имитация звука работающего мотора), в нем человек максимально сближен с летательной машиной. Подобный образ впоследствии получал продолжение в советской песенной поэзии, которая сохраняла некоторые мотивы и приемы футуризма. Так, в популярной в 1930-е гг. песне «Все выше...» (на слова П. Германа) сливаются воедино физиологические и машинные компоненты: «Нам разум

дал стальные руки – крылья // А вместо сердца – пламенный мотор».

В.В. Каменский позже репрезентирует себя в стихотворении «Вызов авиатора» (1916):

*Какофонию душ
Ффррррррр
Моторов симфонию
Это Я – это Я –
Футурист-песнебоец
И пилот-авиатор
Василий Каменский
Эластичным пропеллером
Взметнул в облака.
<...>*

На свое выступление в Политехническом музее в Москве он вышел с нарисованным на лбу аэропланом и в ответ на вопрос, зачем это, сказал: «Это знак всемирной динамики» (Каменский 1990. 472).

В 1911 г. В.В. Каменский отправился в Париж к авиатору-конструктору Л. Блерию, прошел курс обучения, потом побывал в Италии, где его более всего очаровал Неаполь. Там он встречался со студентами, которые рассказывали о недавнем выступлении миланских футуристов, чей призыв к «освобождению Италии от бесчисленных музеев и антиквариев, превративших “страну жизни” в археологические кладбища» (Каменский 1990. 459), В.В. Каменский одобрил. Вернувшись в Россию, он совершал уже на собственном моноплане демонстрационные полеты в разных городах. В ноябре он получил диплом пилота-авиатора Императорского аэроклуба и затем продолжал полеты в России и Польше, читал лекции об авиации.

29 апреля 1912 г. близ польского города Ченстоховы он решил подняться в воздух, несмотря на начавшуюся гроу; на большой высоте порыв ветра ударил

в крыло, аэроплан перевернулся и с заглохшим мотором рухнул на землю.

В огромной толпе зрителей, как сообщали репортеры, 23 дамы упали в обморок. В местных газетах напечатали панегирические некрологи о «знаменитом летчике и талантливом поэте». Эти известия так подействовали на все-таки выжившего В.В. Каменского, что от восторга он стал быстро выздоравливать.

Образную и языковую программу поэтического продвижения темы полета Каменский заявил в стихотворении «На аэропланах» (1913). Оно представляет собой непрерывный поток словообразов с опорой на сему «крыла»: «Раскрываются крылья <...> Крыльями воля // Людей окрылилась <...> Крыловые пути // Людей-лебедей <...> Из крыльев мостами // Разлет развели» (Каменский 1966. 64).

Вскоре, в русле упомянутой поэтической программы, и корневая тематическая сема слова «полет» получила богатое морфосемантическое развитие в стихотворении того же года «Лечу» (Каменский 1918. 32).

**Морфологические модели образования
неологизмов с корнем ЛЕТ**

<i>Лечу над озером</i>	
<i>Летайность совершаю</i>	ЛЕТ + -айн-ость (←случ-айн-ость)
<i>Летивый дух</i>	ЛЕТ + -ив-ый (←крас-ив-ый)
<i>Летит со мной.</i>	
<i>Летвистость в мыслях</i>	ЛЕТ + в -ист-ость (← порыв-ист-ость)
<i>Летимость отражаю –</i>	ЛЕТ + -им-ость (←вместимость)
<i>Леткий взор глубок</i>	ЛЕТ + -к-ий (←меткий)
<i>Лет верен и устойчив</i>	ЛЕТ = полет (нулевой префикс)
<i>Летокеан широк.</i>	ЛЕТ + океан (воздушный)
<i>Летистинная радость</i>	ЛЕТ + истинная
<i>Летисто улетать</i>	ЛЕТ + -ист-о (←луч-ист-о, рос-ист-о)
<i>Летинною весной.</i>	ЛЕТ + -ин-→ <летина> (←пучина,путина) + -н-

Не менее изощренно развитие данной семы представлено в стихотворении «Улетан» (1914), где в сюжетном движении темы показанные дериваты дополняются новыми: «*в разлетинности*», «*в залетайный стан*» и др. (Поэзия русского футуризма 1999. 244).

В еще одном неологизме поэт удачно совместил названную сему с квазисемой другого слова из актуального тогда социально-политического лексикона. Стихотворение «На Великий Пролом» (1916) он завершает: «*Для нас – пролетальщиков*» (пролет-а- | ть | + -льщик- ← пролетар-ий).

В.В. Маяковский чутко уловил такую возможность смыслозвукового сближения и использовал ее в своей посвященной авиации поэме «Летающий пролетарий» (1925), как в заглавии, так и в рифме (Маяковский 1957. 311, 338 и др.).

Вообще образ полета у футуристов, поддержанный практикой авиаторства, стал поэтическим символом движения с максимальной скоростью и напором, что, в их представлении, наиболее соответствовало современной социальной и творческой динамике. Поэтому на «Великий Пролом» – к окончательному революционному выходу из плена старого мира поэт-футурист со своими соратниками не идет, а именно летит.

Стремительное расширение человеческого присутствия в пространстве задало новую траекторию движения активного субъекта, который теперь может в полете озирать весь мир, захватывать его и изменять. Материалом поэзии стало скрещение земных и воздушных путей человека, новых социальных целей и новейших технических, на грани фантастичности, средств их достижения. Занимающий такую позицию человек, прежде всего сам автор, героизируется и поэтизируется футуристами, что и происходит в упомянутом стихотворении «На Великий Пролом»:

Я разлетелся Уральским орлом

<...>

Я лечу на Великий Пролом.

<...>

Под небесами

Видеть друзей

Крыловейными стаями –

Вот мои радости детские,

<...>

Друзья-открыватели,

Искатели вечные,

Фантазеры-летатели,

<...>

Давайте внесем

Свои легкие головы

На отчаянное Высоко.

<...>

Океанским крылом

Взмахнем по земле

И полетим

На Великий Пролом.

Естественно для футуриста, что такое чрезвычайное событие, как подъем поэта в высь, сопровождается столь же чрезвычайным речетворческим подъемом – в этой сфере особенно интенсивно создаются небывалые слова, рождается новый язык.

Кроме приведенной выше группы неологизмов в стихотворении «Лечу», нужно отметить, что получила многообразное морфосемантическое развитие и разошлась по многим стихам и другая корневая сема, относящаяся к теме полета и входящая в лексему «крыло». Она, как показано выше, доминирует в стихотворении «На аэропланах», с нее начинается и ею завершается стихотворение «Карнавал Аэронц» (1914):

*Нам остались только крылья
Авиаторского утра
Эй – на подвиг эскадрилья –
В лозунг – нон – плюс – ультра.
<...>
Что земное – когда поднебесные
Футуристы Искусственных Солнц
Создают острова безтелесные
Крыловой карнавал Аэронц.*

Она появляется в стихотворении «Небовесную песнопьяный» (1914): «*Раскрыляет мой полет...*»; в «Тифлисе» (1914): «*Здесь всё – внесено, крыловейно...*» (**крыло + ваять**); в «Улетане» (1914): «*Раскрыленность укрывая // Раскаленный метеор // Моя песня крыловая // Незамолчный гул – мотор*» и т. п.

Если у Каменского тема полета была порождена и наполнена живым личным опытом, связана с крупным и рискованным жизненным делом, у других поэтов она тогда же выступала подчас как одна из современных тем, используемая в чисто литературных целях. Она могла разрабатываться в порядке самодовлеющего лингвопоэтического эксперимента, за которым оказывался неразличим реальный субъект нового жизнечувствования и действия. Пример чему – стихотворение Василиска (Василия Ивановича) Гнедова «Летана» (1913): «*Уверхаю лёто на муравой // Крыло уверхаю по зеленке...*». Это был, по верному замечанию К. Чуковского, «в сущности, переодетый Крученых» (Чуковский 1914. 120).

Для эгофутуриста Игоря Северянина авиация предстала в ряду столь импонировавших ему явлений новейшей цивилизации, которые он использовал как эффектный антураж своей поэзии, вводя в нее и эстетизируя остромодные предметы современного городского быта: «синематограф», «ландолет бензиновый», «эластичный экспресс» и пр. И реальная

предметность авиации, и художественная игра с нею неоднократно возникают в поэзии Северянина. В стихотворении «M-me Sans-Gêne» (1910) экзотическая удаленность «тропической Мексики» от цивилизации определяется тем, что там «еще не спускался биплан» (Северянин 2004. 51). В фантазийном сюжете стихотворения «Воздушная яхта» (1910) технизируется образ «воздушного корабля», возникший в старинных легендах и перешедший в новую литературу; таков был образ «Летучего голландца» – в частности, в стихотворении австрийского поэта J. Zedlitz «Geisterschiff» (1832) и в вариации его мотивов в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840). У И. Северянина он получающий черты современного аэроплана:

*Я вскочила в Стокгольме на летучую яхту,
На крылатую яхту из березы карельской.
Капитан, мой любовник, встал с улыбкой на вахту, –
Закружился пропеллер белой ночью апрельской.
<...>*

Многие образы «авиационной» тематики у И. Северянина несут на себе печать его постоянной манеры – демонстративно «изысканной», навязчиво эффектной. Но есть у него и иные «авиационные» образы, которые талантливо и эстетически достойно представляют лучшие стилевые приемы футуристической разработки темы. Так он дал на редкость точный звукообраз «комфортабельного летуна» в стихотворении «На летуне» (1912):

*<...>
Вперед! – осолнечен пропеллер,
Стрекочет, ветрит и трещит.
Моторолет крылит на север,
Где ощетинен бора щит.
<...>*

В 1910 г., в пору своего наиболее сильного увлечения темой авиации И. Северянин создает, хотя и не основанный на личном опыте, но литературно яркий манифест летающего поэта в стихотворении «Авиатор» (1910):

Я песнопевец-авиатор...
Моих разбегов ледяной старт –
Где вест Севера штандарт,
А финиш мой – всегда экватор.
<...>
Меж изумленных звезд новатор,
Лечу без планов и без карт...
Я всемогущ, – я авиатор!
И цель моя – небес штандарт!

Первая строка стихотворения на некоторое время стала именованием автора в откликах критики – «поэт-авиатор».

Хотя, разумеется, с большим правом и в самом прямом смысле слова так должен был именоваться исключительно В.В. Каменский. Позже это осуществилось в его автопрезентации футуриста-летчика в стихотворениях «Вызов авиатора» (1916) и «Моя карьера» (1916) – в последнем не без северянинского оттенка, нужно заметить:

<...>
Поэт-мудрец и авиатор,
Художник, лектор и мужик,
Я весь изысканный оратор,
Я весь последний модный шик.
<...>

По мере подъема в высоту, физического перемещения снизу вверх не только менялся зрительный образ мира – наблюдаемое сверху низменное

человеческое скопище вызывало отрешенно-презрительное отношение к нему одинокого в небе поэта. Взгляд с высоты становился взглядом свысока. В «Ироническом памятнике» (1916) В.В. Каменский зафиксировал этот взгляд:

<...>
Знаю, что высотой
Вам наскучу.
На аэроплане
Летавший в Варшаве, я
Часто видел внизу
Муравьиною кучу.
И никому не было дела
До футуриста-летчика.
<...>

И сопровождает его характерным для этой позиции футуристическим жестом (в стихотворении «Над Грустинией», ранней редакции «Улетана»):

<...>
Будем мы небовать, крыловать,
А на нелюдей нежно плевать.
<...>

Существенно отличается идейным направлением и поэтикой от прочих футуристов разработка темы полета у Велемира Хлебникова.

Он начинает с традиционно-поэтического (хотя и сопровождаемого лексико-семантическими осложнениями) использования мотива полета как символа творчества, связывая его, также традиционно, с образом птицы, у В. Хлебникова – стерха (белого журавля) в стихотворении 1908 г.:

Я славлю лёт его насилый,

*Тех крыл, что в даль меня носили,
Свод синезначимой свободы,
Под круги солнечных ободий,
Туда, под самый-самый верх,
Где вечно песен белый стерх.*
(Хлебников 1987. 44).

Позднее, в стихотворении «Гонимый – кем, почему я знаю?..» (1912), поэт поначалу среди «птичьего гама» сохраняет как будто родство с белой птицей, хотя в то же время лексический ряд уводит и к теме авиации:

<...>
*Как снежный сноп, сияют лопасти
Крыла, сверкавшего врагам.*
<...>

Далее через уподобление выясняется, что сущность этого полета совсем иная: он остается небесным, но «синезначимой свободы» в нем уже нет, лирический герой летит не своей волей:

<...>
*И я, как камень неба неся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.*

Что, возможно, готовит смену субъекта действия, потому что затем полет продолжает уже не поэт:

*С венком из молний белый черт
Летел, крутя власы борожки...*

Однако завершает полет все-таки сам поэт, обремененный теперь зрелищем суетного мира:

*И в этот миг к пределам горшим
Летел я, сумрачный, как коршун,
Воззреньем старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.*

Ненадолго появляются у В. Хлебникова в разработке темы полета «авиационные» приметы – когда он сближается в 1916 г. с поэтом Дм.В. Петровским и художником В.Е. Татлиным и они организуют в Царицыне выступление с лекцией «Чугунные крылья». Еще в начале этого года В. Хлебников излагает тему в свойственном ему стиле скрытых смысловых связей и отнесений:

*<...>
Моих друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
<...>
Теперь их грезный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!
<...>*

25 мая, в день лекции, он уже поэтизирует и углубляет до прозрений в тайну летательной машины ранний «авиационный» конструктивизм художника:

*Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутинный дол снастей*

*Он железною подковой
Рукой мертвой завязал
В тайновиденье щипцы.
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслышанны и вещи
Жестяные кистью вещи.*

Сам аэроплан, однако, ассоциируется у В. Хлебникова с неизбежной катастрофой машинного полета, при том, что поэт провидит в ней веселье гибели. Это позволило ему связать данный образ с фигурой В. Маяковского в стихотворении «Кто?» (1922). В его облике, наряду с «железной» деталью, В. Хлебников пронципательно отмечает беззащитность, предвещающую гибель в этой «мрачности миров» – как беззащитна и обречена на крушение «птица железная».

*Парень
С слоновьим затылком
И нежными и добрыми громадными неловкими ушами
Выпятил вперед,
Свесив губу, как слово «так!»,
Свой железный подбородок
Вождя толп
Прет вперед и вперед, и вперед!
С веселыми глазами
Крушения на небе летчик,
Где мрачность миров осыпана
Осколками птицы железной,
Веселой птицы осколками.
<...>*

Изображение опустошающего жизнь выгнивания и *отлета* «клетчатки жилой» представлено в стихотворении «Москва будущего» (1921). «Летающие горницы», парящие кельи, оставшиеся от «крылатого села» скважины окружают срединный образ:

<...>

И, весь изглоданный полетами,

Стоял осенний лист

Широкого, высокого дворца

Под пенью улетающих хат.

Лист города, изглоданный

Червем полета.

<...>

Такой полет очевидно направлен в неизбежную смерть, одним из знаков чего выступает «костлявая ладонь узорного листа». И вся картина улетающих поселений знаменует не только будущий упадок враждебного В. Хлебникову урбанизма, но и вообще отлет в неизвестность всей оседлой цивилизации. Интересно сравнить с этой картиной «странную грезу» Аркадия Долгорукого при виде «петербургского утра, гнилого, сырого и туманного» (в романе Ф.М. Достоевского «Подросток», 1875): «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметя с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото» (Достоевский 1975. 113).

О порождаемой этой цивилизацией чудовищной железной птице, пожирающей младенцев, о «восстании вещей», о «союзе трупа и вещи» В. Хлебников писал в поэме «Журавль» (1909). Именно в полете, как изображает то поэт, происходит конструирование этой птицы:

<...>

В дожде летящих в небе дуг

*Летят, как листья в непогоду,
Трубы, сохраняя дым и числа года.
<...>
Летели труб изогнутых пиявки –
Так шея создавалась из многочисленных труб.
И вот в союз с вещами летит поспешно труп.
<...>*

Тем не менее, в 1922 г. появляется типично футуристический мотив «*всеобщей борьбы // За полет в небеса*» («Ну, тащися Сивка...», 1922), но такие эпизодические использования мотива не придают теме полета у В. Хлебникова жизнотворческого, оптимистического характера.

В наполнении образа полета негативной семантикой к В. Хлебникову оказался близок символист А.А. Блок. Названный образ почти не получал у него метафорического, вообще условно-поэтического характера, а, как и у большинства футуристов, был связан с современной реальностью.

Появление авиации, первые полеты вызвали у него интерес и побудили поэта осмыслить эти события как открытие новых горизонтов жизни. По непосредственным впечатлениям от них, когда А.А. Блок, начиная с весны 1910 г. часто посещал Коломяжский аэродром, он говорил, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук» (Пяст 1923. 51). Матери он писал 24 апреля того года: «В полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно – высокое» (Бекетова 1930. 133).

Позже взгляд А.А. Блока на те события изменился, и в первой главе поэмы «Возмездие» (1910–1921) вторжение авиации в жизнь вызывает совсем другие ассоциации и вопросы:

*<...>
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...*

И отращение от жизни,

<...>

О чем – машин немолчный скрежет?

Зачем – пропеллер, воя, режет

Туман холодный и пустой?

<...>

(Блок 1960. 305–306)

В ноябре 1910 г. поэт создает такой образ полета, в котором человек почти неотличим от бездушной машины, и оба они обречены на гибель: в таком полете неизбежно «остановится сердце – и винт». К этому ведет наполненный отрицательными значениями опорный лексико-семантический ряд:

В неуверенном, зыбком полете,

Ты над бездной взвился и повис.

Что-то древнее есть в повороте

Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться

Без любви, без души, без лица?

О, стальная, бесстрастная птица,

Чем ты можешь прославить Творца?

<...>

В 1910 г. был сделан черновой набросок стихотворения «Авиатор», которое поэт дорабатывал в 1911 г. и в котором отразилось впечатление от гибели одного из первых русских летчиков В.Ф. Смита, случившейся 14 мая 1911 г. на Коломяжском аэродроме, где присутствовал тогда А.А. Блок. Уносящий человека в нечеловеческие стихии аэроплан получает в стихотворении бестиальные черты:

*Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.
<...>
И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!
<...>*

Но в крушении этого монстра обнажается бездушная железная конструкция, с которой сливается в своей смерти летевший в ней человек: «*В сплетеньи проволоки машины // Рука – мертвее рычага*».

Два возможных смысла предполагает А.А. Блок в трагическом событии: экстатическое влечение современного человека к смерти или предчувствие военной катастрофы, к которой ведут технические взлеты цивилизации.

*<...>
Или восторг самозабвения
Губительный изведал ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной,
Земле несущий динамит?*

Предвиденье А.А. Блока вскоре оправдалось, и авиация уже в начале Первой мировой войны становилась мощной разрушительной силой, что почти

документально зафиксировал В.Я. Брюсов в стихотворении «Аэропланы над Варшавой» (1914):

<...>

*А там воздушные пираты,
Спокойно правя лет машины,
Вонзят сквозь пар голубоватый,
Свой взор, как мы, на дно равнины.*

*Увидят, как темнеют зыбко
Квадраты крыш и зданий ромбы...
С какой змеящейся улыбкой
Качнут два немца в небе бомбы!
(Брюсов 1973. 150)*

С начала 1920-х гг. разработка темы полета (связанной теперь почти исключительно с авиацией) резко меняет свое направление, и происходит это в деятельности В.В. Маяковского. Прежде тема разрабатывалась в широком русле футуристической эстетики, в становлении новой позиции поэта в мире, в ходе решения больших творческих задач, в контексте философской и социокультурной проблематики эпохи.

Теперь тема подчиняется пропагандистским и агитационным целям. Испытанные приемы футуристической образно-речевой компрессии, лексика и синтаксические формы повышенной экспрессивности служат усилению звучания, немедленному ударному воздействию одного наглядно-простого, но общественно злободневного тезиса, который получает вид безусловного требования времени, – как в стихотворении «Издательство летчика» (1923):

*Тесно у вас,
грязно у вас.
У вас*

*душно.
Что ж
в этом грязном,
в тесном увяз?
В новый мир!
Завоюй воздушный.
<...>*

В стихотворении «Итог» (1923):

*<...>
Только что
приказ
крылатый
дан:
– Пролетарий,
на аэроплан! –
А уже
гроши за грошами
слились
в мощь боевых машин.
Завинти винты
и, кроша ими
тучи,
в небе
крылом маши.
<...>*

В написанной в 1923 г. серии агитпроповских стихотворений на эту тему (кроме цитированных, к ним относятся «Это значит вот что!», «Разве у вас не

чешутся обе лопатки?», «Авиачастушки», «Авиадни») и в примыкающих к ним стихотворениях 1925 года «Даешь мотор!», «О. Д. В. Ф.» («Общество друзей воздушного флота»), «Вот для чего мужику самолет» уже нет полета как осуществления жизненной и творческой свободы личности, полета как отражения проблемы отношений человека и мира. Есть только призыв к полету, есть прямая пропаганда, разъяснение массам, зачем нужно создавать советскую авиацию, и все это продиктовано социальной прагматикой и военно-политическими задачами государства.

Экспрессивно прописанные «авиационные» сюжеты в поэме «Летающий пролетарий» (1925) предстают иллюстрациями к революционно-классовой футурологии В.В. Маяковского, упрощенными до схемографии и лозунгового языка. В первой части это картины последней «аэробитвы» с американским империализмом, завершающейся победой, присоединением «*Великой Американской федерации <...> к Союзу советам*» и маршем «*летчиков республики рабочих и крестьян*». Вторая часть, «Будущий быт», – воздухоплавательная утопия коммуны XXX в., за которой следует тот же призыв, что составляет суть упомянутых выше стихотворений.

Полет у В. Маяковского появляется в стихотворении «Москва – Кенигсберг» (1923): поэт описывает свой перелет по этому маршруту, и на мгновенье возникает ритмико-фонетически воссоздаваемое лирическое единение человеческого тела и машины:

<...>
 Сердце,
 чаще!
 Мотору вторь.
 Слились сладчайше
 я
 и мотор.
 <...>

Здесь даже появилась нередкая прежде у В. Маяковского поэтическая фиксация реальной психофизической подробности: наслаждение телесным резонансом на ритмическую пульсацию, идущую из внешнего мира, в данном случае – отклик тела на звук и вибрацию работающего мотора.

Однако это единственное эхо прежних футуристических мотивов ничем более не поддержано в тексте. Поэт стал пассажиром, не он летит – его перевозят по воздуху. Но не только поэтому его позиция здесь пассивна, нефутуристична, а и потому, что теперь она подчинена интересам и власти господствующего «стальнорукого класса», к которому с каким-то самоуничижением обращается В. Маяковский:

<...>

Я

благодарю тебя

за то,

что ты

в полетах

и меня,

слабейшего,

вковал своим звеном.

<...>

Вольный полет поэта окончательно обрывался в 1920-е гг.

Заключение

Футурист занимает не только новые идейные и моральные позиции, с которых ведет наступление на старый мир, он *физически* меняет свое положение в пространстве и свои вещественные отношения со средой. Поэт выходит на улицу и там вовлекает в свой творческий акт всю урбанистическую реальность. Он дает слово голосам, шумам – всей какофонии

городской жизни; этот грубый, сырой материал делается стихом под воздействием почти осязаемых речевых усилий автора. Художник рисует на стенах и заборах, на одежде и лицах; поэт и художник действуют в непосредственном и жестком контакте с человеком и толпой.

Наконец, футурист поднимается над землей и занимает позицию в воздухе, а в воображении еще выше – в космосе. Это был апогей телесной и духовной свободы человека, и переживавшая тогда период бурного развития авиация становится средством и символом такого освобождения.

Литература

- Бекетова М.А. (1930) *Александр Блок. Биографический очерк*. Изд. 2-е. Л., Изд-во «Academia».
- Блок А.А. (1960) *Собрание сочинений*. В 8 т., Т. 3. М.–Л., Государственное издательство художественной литературы.
- Брюсов В.Я. (1973) *Собрание сочинений*. В 7 т., Т. 2. М., Изд-во «Художественная литература».
- Достоевский Ф.М. (1975) *Полное собрание сочинений*. В 30 т., Т. 13. Л., Изд-во «Наука».
- Каменский В. (1918) *Звучаль веснянки. Стихи*. М.–Пг., Изд-во «Китоврас».
- Каменский В.В. (1966) *Стихотворения и поэмы*. М.–Л., Изд-во «Советский писатель».
- Каменский В. (1990) *Путь энтузиаста // Каменский В.В. Сочинения*. М., Изд-во «Книга».
- Маяковский В.В. (1957) *Полное собрание сочинений*. В 13 т. Т. 6. М., Государственное издательство художественной литературы.
- Поэзия русского футуризма (1999) *Поэзия русского футуризма*. СПб., Гуманитарное агентство «Академический проект».
- Пяст В. (1923) *Воспоминания о Блоке*. П., Изд-во «Атеней».
- Северянин И. (2004) *Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы*. М., Изд-во «Наука».
- Хлебников В. (1987) *Творения*. М., Изд-во «Советский писатель».
- Чуковский К. (1914) *Эго-футуристы и кубо-футуристы // Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник»*. Кн. 22. М., Изд-во «Шиповник».

Bibliography

- Beketova M.A. (1930) *Aleksandr Blok. Biograficheskiĭ ocherk*. Izd. 2-e. L., Izd-vo «Academia».
- Blok A.A. (1960) *Sobranie sochinenij*. V 8 t., T. 3. M.–L., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- Brjusov V.Ja. (1973) *Sobranie sochinenij*. V 7 t., T. 2. M., Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- Dostoevskij F.M. (1975) *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t., T. 13. L., Izd-vo «Nauka».
- Kamenskij V. (1918) *Zvuchal' vesnejanki. Stihi*. M.–Pg., Izd-vo «Kitovras».
- Kamenskij V.V. (1966) *Stihotvorenija i pojemy*. M.–L., Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- Kamenskij V. (1990) *Put' jentuziasta // Kamenskij V.V. Sochinenija*. M., Izd-vo «Kniga».
- Majakovskij V.V. (1957) *Polnoe sobranie sochinenij*. V 13 t. T. 6. M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- Pojezija russkogo futurizma (1999) *Pojezija russkogo futurizma*. SPb., Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt».
- Pjast V. (1923) *Vospominanija o Bloke*. P., Izd-vo «Atenej».
- Severjanin I. (2004) *Gromokipjashhij kubok. Ananasy v shampanskom. Solovej. Klassicheskie rozy*. M., Izd-vo «Nauka».
- Hlebnikov V. (1987) *Tvorenija*. M., Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- Chukovskij K. (1914) *Jego-furisty i kubo-furisty // Literaturno-hudozhestvennyĭ al'manah izdatel'stva «Shipovnik»*. Kn. 22. M., Izd-vo «Shipovnik».

Литературные связи повести А.П. Чехова «Степь» (древнерусские источники, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев)¹

Светлана Николаева*

Профессор Тверского государственного университета,
Тверь, Россия.

(дата получения: июль 2015 г.; дата принятия: октябрь 2015 г.)

Краткое содержание

Программная повесть А.П. Чехова «Степь» глубоко укоренена в русской литературе и философии. Для адекватного прочтения ее нравственно-философского смысла необходимо выявить и прокомментировать круг источников, на которые опирался А.П. Чехов, изучить тот философский контекст, в котором формировался замысел повести «Степь». В частности, расшифровка фразы «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению», сказанной одним из героев повести, позволяет сделать вывод о том, что на А.П. Чехова оказали влияние как древнерусские источники, так и сочинения Н.В. Гоголя – автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», В.С. Соловьева, философа и поэта, автора трудов: «Вера, разум и опыт», «Духовные основы жизни», «Три речи в память Достоевского». Философские категории, которыми оперировали Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев, оказались созвучными чеховскому художественному мышлению, были использованы А.П. Чеховым как средство характеристики его персонажей. Взгляды А.П. Чехова не ограничивались позитивизмом, писатель отдал дань философскому идеализму, религиозной философии.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев, древнерусская литература, позитивизм, идеализм.

1. Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта № 14-14-69005 («Проблема литературных связей А.П. Чехова: повесть «Степь» в историко-литературном процессе. Монографическое исследование»).

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Введение

Интерпретация повести А.П. Чехова «Степь» (1888) для литературоведов и критиков всегда была задачей провокационной, неоднозначной. По словам автора, в этом произведении он рассчитывал на искушенного читателя и раскрыл дорогие его сердцу образы и картины, решившись «выступить оригинально» (Чехов 1974. Письма. Т 2. 178).

Велико искушение заявить, что в чеховской повести есть не просто пейзаж, а нечто большее. Тогда что именно? Е.Н. Разумова, например, критикуя самых тонких исследователей «Степи» М. Громова и Р. Джексона за то, что они «сводят содержание повести к национально-исторической проблематике» и тем самым следуют канонам «советского литературоведения», обещает «взглянуть на «Степь» в другом аспекте, связанном с движением философских представлений Чехова и предполагающем более широкий масштаб осмыслений сюжета». Но итоговый вывод исследовательницы звучит далеко не лучшей парафразой изящных суждений вышеупомянутых ученых: «...повесть пронизана духом поиска истины, смысла жизни человека в этом необъятном и непостижимом мире. <...> Очевидно, именно неразрывное соединение универсальных проблем бытия и глубоко личного переживания обуславливает глубоко национальный дух повести, не сводимый ни к особенностям поэтики, ни к социально-исторической проблематике. В «Степи» Чехов впервые достиг ... масштабности содержания и ... гармоничности его воплощения» (Разумова 1998).

Очевидно, что для адекватного прочтения философского смысла повести необходимо, прежде всего, раскрыть и прокомментировать круг источников, на которые опирался А.П. Чехов в процессе своей работы, изучить тот философский контекст, в котором формировался замысел «Степи».

Основная часть

Прежде всего, стоит напомнить, что в чеховской повести имеется одна

загадочная фраза подчеркнута философского содержания. В разговоре с Егорушкой о пользе книжного учения отец Христофор говорит, как бы вспоминая «кое-что из философии и риторики»: «Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполнению» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 21). Слова о «существе» представляют собой терминологически точное определение субстанции – «общее место» всех трактатов и руководств по логике, философии, риторике и диалектике еще со времен Аристотеля. «Из философии и риторики кое-что еще помню», – замечает отец Христофор (Там же).

Из какого источника взята эта фраза? Восходит ли она вообще к какому-либо конкретному источнику? Томская исследовательница считает это определение «подчеркнуто безличным, лишённым субъективности, «ничьим»», по ее мнению, оно «резко выделяется своей неуклюжей архаичностью и безжизненностью».

На самом деле известно, что отец Христофор, вслед за Чеховым, «знает» это определение по книге Петра Могилы «Собрание краткия науки об артикулах веры» (1649) (Мои́ла 1649. 5). А.П. Чехов реалистичен и документален в построении образа: отец Христофор когда-то готовился стать «ученейшим мужем», «светильником церкви», хотел «в Киев ехать, науки продолжать»; ведя беседу о пользе книжного учения, он постоянно ссылается на Нестора-летописца, апостола Павла, на одного из трех первосвятителей – Василия Великого (Кесарийского) и, наконец, на самого Петра Могилу – основателя Киевской духовной академии, слушателем которой отец Христофор так и не стал. А.П. Чехов редко делает «глухие» отсылки, он почти всегда дает знак, сигнал, указание на источник. В данном случае таким знаком послужило имя Петра Могилы.

Однако А.П. Чехов не просто цитирует, он как бы восстанавливает историко-культурный контекст, в котором «жила» цитата. Дело в том, что фрагмент о «существе», включенный в сочинение киевского митрополита, контрастирует своим философским содержанием с чисто катехизическими

поучениями Петра и тем самым заставляет думать, что у него есть первоисточник, что он тоже с чего-то «списан» или переведен. И действительно, первоисточником цитаты о «существе» является «Изборник Святослава» 1073 г. В состав этого памятника входит трактат Георгия Хировоска «О образех», то есть элементах аристотелевской риторики, а также логико-философский трактат Феодора Раифийского о категориях аристотелевской диалектики. В частности, там имеется определение существенного (сущности), к которому восходит текст Петра Могилы: «Сущее есть вещь особе состоящая, не требуя иного на бытие» (Изборник 1983. 223).

По-видимому, и этот источник был известен А.П. Чехову. В 1880 г., при жизни писателя, он был напечатан фотолитографическим способом в Обществе любителей древней письменности, а в 1882-1884 гг. было начато его издание Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Впервые отрывки из философского сочинения Феодора Раифийского по «Изборнику» 1073 г. опубликовал Ф.И. Буслаев в своей знаменитой хрестоматии (Буслаев 1861. 274).

Очевидно, философская традиция, утвержденная на русской почве составителем «Изборника Святослава», была очень мощной, влиятельной. Ее присутствие обнаруживает себя во многих источниках, имеющих отношение к сфере образования, школы, науки. Например, очень близкий к приводившимся выше вариантам цитаты о «существе» текст имеется в одном из «Азбуковников», обнаруженном среди рукописей Соловецкой библиотеки А. Карповым: « – Что есть существо? – Вещь самодеятельна, никогоже иного требуя на свое составление» (Карпов 1877. 188).

Своеобразие источников цитаты о «существе» находится в полном соответствии со спецификой образа о. Христофора в целом. Среди книг, прочитанных А.П. Чеховым в период работы над «Врачебное дело», была «Краткая церковная российская история» митрополита Платона (Николаева 1990. 80), предисловие к которой стало автохарактеристикой церковного иерарха и основой характеристики чеховского персонажа.

Замечательно, что митрополит Платон отстаивал в своем предисловии принцип исторической объективности, предельно понятный и близкий А.П. Чехову, писал о «первом любезном и привлекательном истории свойстве», то есть об «истине и беспристрастии». На этих страницах неожиданно возникал яркий образ русского священника, «от молодых лет» чувствовавшего склонность к чтению исторических книг. И когда мы обращаемся к последним словам Платона: «...объяснив сие, не остается мне более, как желать и молить Бога, чтоб сия издаваемая мною история послужила к пользе и наставлению юношества... дабы они, подражая древним духовным святым мужам, не столь, по Апостолу, в научения странна и различна прилагались, сколь добродетелью и благодатию утверждали бы сердца свои» (Платон 1805. VIII-X), – то становится очевидным, что некоторые черты митрополита Чехов воскресил в образе добродушного о. Христофора, в таких, например, его речах: «С самого раннего возраста Бог вложил в меня смысл и понятие»; «Ты только учись да благодати набирайся, а уж Бог укажет, кем тебе быть ... Апостол Павел говорит: на учения странна и различна не прилагайтесь ... Надо воспринимать только то, что Бог благословил ... Со святыми соображайся...» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 20, 98).

Напрашивается вывод о том, что понятие «существо» воспринималось А.П. Чеховым в религиозно-философском ключе. И влияние на него оказали в данном случае такие мыслители, как Н.В. Гоголь – автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» (эту книгу, как и творчество Гоголя в целом, Чехов хорошо знал) и В.С. Соловьев, философ и поэт, во времена чеховской юности печатавший в русской периодике свои стихотворения и первые философские труды: «Вера, разум и опыт» (1877, газ. «Гражданин»); «Духовные основы жизни» (1882-1884); «Три речи в память Достоевского» (1881-1883, газ. «Новое время», журнал «Русь»). Философские категории, которыми оперировали Н.В. Гоголь и В.С. Соловьев, оказались созвучными чеховскому художественному мышлению, были использованы А.П. Чеховым как средство характеристики его персонажей.

Несомненная связь с традицией Н.В. Гоголя проявилась в характеристике такого персонажа «Степи», как о. Христофор. В переводе с греческого имя это означает «Христоносец». Согласно библейской мифологии, он покровитель путников, моряков, врачебного искусства, но самое интересное для нас – он переносит мальчика, оказавшегося Христом, через реку, помогает ему преодолевать огромные пространства и подстерегающие его опасности. Чеховский Христофор переправляет Егорушку (по поручению его маменьки) через «степь, прости Господи, протяженно-сложенную» в будущую жизнь и вместе с тем указывает ему путь жизни истинной: «Учись и благодати набирайся» (Чехов 1974. Сочинения. Т.7. 94, 98). Науку и веру Христофор ставит рядом, не противопоставляет их друг другу, не исключает что-то одно, а связывает их друг с другом к одно целое, необходимое современному человеку.

Данная концепция находит соответствие в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, также размышлявшего над проблемой соотношения веры и знания: «Ум не есть высшая в нас способность. <...> Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию. <...>. Разум есть несравненно высшая способность, но она приобретается не иначе, как победой над страстями. Его имели в себе только те люди, которые не пренебрегли своим внутренним воспитанием. Но и разум не дает полной возможности человеку стремиться вперед. Есть высшая еще способность; имя ей — мудрость, и ее может дать нам один Христос. Она не наделяется никому из нас при рождении, никому из нас не есть природная, но есть дело высшей благодати небесной» (Гоголь 1967. 254-255).

Поучения о. Христофора, обращенные к Егорушке, созданы по канве рассуждений Н.В. Гоголя и приведены в соответствие с характером старенького благодушного священника. О. Христофор показан с явной симпатией и юмором и явно олицетворяет собой положительный

нравственный полюс в повести. Комические элементы в его облике обусловлены авторским пониманием наивности этих поучений: осознавая нравственную правоту и высоту Гоголя, вкладывая множество сочувственных нот в ткань образа о. Христофора, А.П. Чехов прекрасно понимал: самое трудное – воплотить в жизнь те наставления, которые получил Егорушка.

В гоголевской книге «Выбранные места из переписки с друзьями» «существо» как философское понятие появляется в двух контекстах, одинаково актуальных для Чехова в конце 1880-х гг.

Первый контекст – это значение христианства в жизни современного человека, вопросы православного вероучения. По утверждению Н.В. Гоголя, в православной (восточной) церкви есть «простор не только душе и сердцу человека, но и разуму, во всех его верховных силах; в ней дорога и путь, как устремить все в человеке в один согласный гимн верховному существу» (Гоголь 1967. 276). «Верховное существо» – Бог, и именно определение Бога дает в своей речи о. Христофор. Это определение своей стилистикой вполне соответствует позиции А.П. Чехова, считавшего вопросы веры глубоко внутренним, интимным делом каждого человека.

Второй контекст – это вопрос о происхождении и назначении искусства. Идеалом поэта, истинным поэтом в глазах Гоголя был Пушкин, который сумел показать, «что такое в существе своем поэт, это чуткое создание, на все откликающееся в мире и себе одному не имеющее отклика», «показать в себе это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе», «чудный образ, на всё откликающийся и одному себе только не находящий отклика» (Гоголь 1967. 381-382).

Как известно, именно в период работы над повестью «Степь» у А.П. Чехова окончательно сложилось его творческое кредо: объективность и независимость от партий данной минуты и злобы дня. «Самобытное существо» в «Степи» – это и сам автор, творчество которого возникает вовсе не «из ничего», как считали некоторые критики, а из глубин национальной

русской самобытности.

Удивительно, что Н.В. Гоголь в своей книге перечислил такие же претензии критиков к А.С. Пушкину, с которыми столкнулся А.П. Чехов после публикации «Степи». Сочинения А.С. Пушкина, по свидетельству Н.В. Гоголя, «в глазах людей весьма умных, но не имеющих поэтического чутья, ... отрывки недосказанные, легкие, мгновенные; в глазах людей, одаренных поэтическим чутьем, они – полные поэмы, обдуманые, оконченные, всё заключающие в себе, что им нужно» (Гоголь 1967. 381). О содержательности пушкинского творчества тоже спорили, как и о «безыдейном» творчестве А.П. Чехова: «Зачем, к чему была его поэзия? Какое новое направление мысленному миру дал Пушкин? Что сказал он своему веку? Подействовал ли на него если не спасительно, то разрушительно? <...> Зачем он дан был миру и что доказал собою? Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше, — что такое поэт, взятый не под влиянием какого-нибудь времени или обстоятельств и не под условием также собственного, личного характера, как человека, но в независимости от всего» (Гоголь 1967. 282). В этих тезисах Н.В. Гоголя А.П. Чехов не мог не найти для себя поддержку, оправдание собственных творческих исканий.

В эпоху А.П. Чехова формулировки, близкие гоголевским, использовал В.С. Соловьев. Проблематика и топика его сочинений перекликается с гоголевской и чеховской. Это обусловлено типологическими пересечениями, общностью принципов романтизма и философского идеализма, а также, возможно, и генетическими связями, сознательным интересом и творческой ориентацией Чехова на молодого философа – москвича, сына ректора Московского университета, выпускником которого был и Чехов. Чехова – в силу его медицинского образования и естественно-научного мировоззрения – чаще всего признают позитивистом, материалистом, сугубым реалистом. Сам по себе этот тезис дискуссионен, но при этом он не отменяет интереса Чехова к иным взглядам и философским системам, к «пропастьям русского искусства и

русской жизни», над которыми он, по словам Блока, «бродил немало» (Блок 1962. 117). В 1880-е гг., именовавшиеся годами «безвременья», он не мог пройти мимо такого яркого явления молодой русской мысли, как философия В. Соловьева. О ее значении для русского самосознания эпохи 1880-х гг. позднее писал А. Блок: «Когда раздались нечеловеческие вопли грубого либерализма и «либеральная жандармерия» <...> стала <...> распинать Истину, Добро и Красоту <...> На великую борьбу вышел гигант – Соловьев... Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое древо вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой» (Блок 1963. 23).

В работе «Вера, разум и опыт» (1877) молодой В.С. Соловьев защищал «определенные основания для нормального единства или синтеза веры, разума и опыта, откуда само собою должен следовать синтез религии, философии и положительной науки» (Соловьев 2014) – близкая Чехову мысль. В книге В.С. Соловьева «Духовные основы жизни» (1882-1884) внимание А.П. Чехова не могли не привлечь размышления философа «о природе, о смерти, о грехе, о законе и благодати». Некоторые высказывания Соловьева перекликаются с повествованием в «Степи», с автокомментарием Чехова к своей повести: «Два близкие между собою желания, как два невидимые крыла, поднимают душу человеческую над остальной природой: желание *бессмертия* и желание *правды*, или нравственного совершенства» (Соловьев 2015).

Наиболее значим тот факт, что фраза о «существе», произнесенная о Христофором, получает в тексте Соловьева блестящий завершающий и объясняющий комментарий, который Чехов оставил в подтексте: «Это сущее Добро, то есть существо, само по себе обладающее полнотою и источником благодати, есть Бог» (Соловьев 2015). Н.В. Гоголь говорит «Христос», В.С. Соловьев – «Бог», А.П. Чехов же оставляет возможность читателю восполнить недосказанное, помогая читательскому восприятию с помощью художественной ономастики: Христофор – «Христоносец».

В.С. Соловьев затрагивает в своих сочинениях понятие нравственной нормы, столь важное для А.П. Чехова. Анализируя творчество Ф.М.

Достоевского, философ разворачивает доказательство необходимости положительной нравственной нормы: «Он слишком хорошо знал все глубины человеческого падения; он знал, что злоба и безумие составляют основу нашей извращенной природы и что если принимать это извращение за норму, то нельзя прийти ни к чему, кроме насилия и хаоса» (Соловьев 1988. 311). Вспомним, что Чехов считал одной из задач художника показывать, насколько современная жизнь отклоняется от нравственной нормы.

В своих письмах-послесловиях к «Степи» А.П. Чехов, как известно, обсуждал с Д.В. Григоровичем сюжет, могущий служить продолжением повествования о Егорушке, – сюжет о русском юноше-самоубийце, поступок которого можно объяснить только в рамках проблемы «человек и природа»: «Самоубийство Вашего русского юноши есть, по моему мнению, явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ рядом с широким полетом мысли; с другой – необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия...» (Чехов 1974. Письма. Т. 2. 198).

Здесь еще одна точка пересечения концепций А.П. Чехова, В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского. Критикуя «все свободное просвещение Европы», европейских «мистиков», «квизетистов», «пиэтистов», «гуманистов», «натуралистов», «реалистов и материалистов», которые то «отворачивались от материальной природы» и видели «в Боге только зародыш человека, а в природе – только его тень», то, напротив, преклонялись перед «мертвым механизмом природы» (Соловьев 1988. 314), Соловьев ценил Достоевского за то, что «его вера в человека была свободна от всякого одностороннего идеализма или спиритуализма: он брал человека во всей его полноте и действительности», за

то, что он показал человека, ищущего веру, переживающего кризис веры: «Сознавая свой недуг, он не верит в исцеление и потому приобретенную тем сознанием силу и свободу может употребить только на самоуничтожение. К самоубийству приходит всякий, кто сознает всечеловеческое зло, но не верит в сверхчеловеческое Добро. Только этой верой человек мысли и совести спасается от самоубийства» (Соловьев 1988. 313). Именно в России поиск веры человеком может завершиться трагедией, погибелью.

Проблему «человек и природа» В.С. Соловьев, как и А.П. Чехов, увязывает с проблемой самоубийства, а решает с религиозно-философской точки зрения: «Верить в царство Божие – значит с верою в Бога соединять веру в человека и веру в природу. Все заблуждения ума, все ложные теории и все практические односторонности и злоупотребления происходили и происходят от разделения этих трех вер. Вся истина и все добро выходят из их внутреннего соединения. С одной стороны, человек и природа имеют смысл только в своей связи с Божеством – ибо человек, предоставленный самому себе и утверждающийся на своей безбожной основе, обличает свою внутреннюю неправду и доходит, как мы знаем, до убийства и самоубийства, а природа, отделенная от Духа Божия, является мертвым и бессмысленным механизмом без причины и цели, – а с другой стороны, и Бог, отделенный от человека и природы, вне своего положительного откровения является для нас или пустым отвлечением, или всепоглощающим безразличием» (Соловьев 1988. 313).

Добавим, что использованные А.П. Чеховым мифологемы оказались востребованными в полемике русских религиозных философов начала XX в. о путях русской истории. Д.С. Мережковский, хорошо знавший чеховскую «Степь» и бывший одним из ее критиков, иронизируя над «русской идеей» В.С. Соловьева и Вяч. Иванова, саркастически смеясь над тем, что в России якобы решается «вопрос мировых судеб», использовал не только библейские, но и чеховские мотивы и образы и отрицал, что «народ наш — «христоносец» по преимуществу», что он, «подобно св. Христофору, через темный брод истории несет он на плечах своих младенца Христа». Напротив, по мнению

Мережковского, «Св. Христофор не узнал Младенца Христа, которого нес на плечах. Не так же ли Россия, слепой великан, не видит, кого несет, — только изнемогает под страшной тяжестью, вот-вот упадет раздавленная? Не видит Россия, кто сидит у нее на плечах, — Младенец Христос или щенок Антихристов» (Мережковский 2009. 8-9, 15). Так расшифровал Мережковский символические подтексты чеховской «Степи».

Заключение

А.П. Чехов выстраивает художественную концепцию своей повести и ее возможного продолжения в явном соотношении с религиозной философией и Н.В. Гоголя, и В.С. Соловьева и, отчасти, в полемике с ней: свою литературную задачу он видит в постановке вопросов, а не в том, чтобы навязывать читателю тот или иной ответ. Но совершенно очевидно, что вопрос о Боге, о поисках веры современным «русским мальчиком» становится в «Степи» центральным и для автора, и для главного героя, и для читателя. Чехов не замыкается в рамках дарвинизма, позитивизма, материализма, реализма, его мировоззрение гораздо шире. При этом концепты «природа (степь)», «человек», «существо (Бог)» организуют художественный мир повести.

А.П. Чехов в повести «Степь» изобразил вовсе не множественность, относительность и равноправие разных «правд», а подтвердил абсолютный характер истинно христианской нравственности, «сущего Добра», по В.С. Соловьеву, и продемонстрировал, как трудно современному «русскому мальчику» вопреки всем искушениям и испытаниям остаться верным Христу, не превратившись в «щенка Антихристов».

Литература

Блок А.А. (1962). *О реалистах // Собрание сочинений: в 8 т. ГИХЛ, 1960-1963. Т. 5. М.-Л., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы» («ГИХЛ»).* 799 с.

- Блок А.А. (1963). *Дневник 1901-1902 г.* // Собрание сочинений: в 8 т. ГИХЛ, 1960-1963. Т. 7. М.-Л., Изд-во «Государственное издательство художественной литературы» («ГИХЛ») 780 с.
- Буслаев Ф.И. (1861). *Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков.* Москва. «Б.И.». 850 с.
- Гоголь Н.В. (1967). *Собрание сочинений:* В 7 т. Москва. Изд-во «Худож. лит.». Т. 6. 558 с.
- Изборник Великого Князя Святослава Ярославича 1073 г.* (1983). Москва. Изд-во «Наука».
- Карпов А. (1877). *Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей.* Казань. «Б.И.».
- Мережковский Д.С. (2009). *Земля во рту* // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге: История в материалах и документах. 1907-1917: в 3 т. Т. 2. Москва. Изд-во «Русский путь». С. 8-15.
- Мои́ла Петр (1649). *Собрание краткия науки об артикулах веры.* Москва. «Б.И.».
- Николаева С.Ю. (1990). *Чехов и Достоевский: проблема историзма.* Учебное пособие. Тверь. Изд-во «ТвГУ». 85 с.
- Платон (1805). *Краткая церковная российская история:* В 2 т. Т. 1. С. III-XX. СПб., «Б.И.».
- Разумова Н.Е. (1998). «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // Вестник Томского государственного университета. Т. 266, январь. С. 134-138. Цит. по: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html). Дата обращения 10.09.2014.
- Соловьев В.С. (1988). *Три речи в память Достоевского* // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва. «Мысль». 822 с.
- Соловьев В.С. (2014) *Вера, разум и опыт.* Цит. по: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/1877vera.html Дата обращения 10.09.2014.
- Соловьев В.С. (2015) *Духовные основы жизни.* Цит. по: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Toc121205340 Дата обращения 10.07.2015.
- Чехов А.П. (1974) *Полное собрание сочинений и писем:* В 30 т. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва. «Наука». 1974-1983.

Bibliography

- Блок А.А. (1962). *O realistah* // Sbranie sochinenij: v 8 t. GIHL, 1960-1963. Т. 5. М.-Л., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury» («GIHL»). 799s.

- Blok A.A. (1963). *Dnevnik 1901-1902 g.* // *Sobranie sochinenij*: v 8 t. GIHL, 1960-1963. T. 7. M.-L., Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury» («GIHL») 780 s.
- Buslaev F.I. (1861). *Istoricheskaja hrestomatija cerkovno-slavjanskogo i drevnerusskogo jazykov.* Moskva. «B.I.». 850 s.
- Gogol' N.V. (1967). *Sobranie sochinenij*: V 7 t. Moskva. Izd-vo «Hudozh. lit.». T. 6. 558s.
- Izbornik Velikogo Knjazja Svjatoslava Jaroslavicha 1073 g.* (1983). Moskva. Izd-vo «Nauka».
- Karpov A. (1877). *Azbukovniki, ili Alfavitny inostrannyh rechej.* Kazan'. «B.I.».
- Merezhkovskij D.S. (2009). *Zemlja vo rtu* // *Religiozno-filosofskoe obshhestvo v Sankt-Peterburge: Istorija v materialah i dokumentah. 1907-1917*: v 3 t. T. 2. Moskva. Izd-vo «Russkij put». S. 8-15.
- Mogila Petr (1649). *Sobranie kratkija nauki ob artikulah very.* Moskva. «B.I.».
- Nikolaeva S.Ju. (1990). *Chehov i Dostoevskij: problema istorizma.* Uchebnoe posobie. Tver'. Izd-vo «TvGU». 85 s.
- Platon (1805). *Kratkaja cerkovnaja rossijskaja istorija*: V 2 t. T. 1. S. III-XX. SPb., «B.I.».
- Razumova N.E. (1998). «Step'» *Chehova: variant interpretacii povesti* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 266, janvar'. S. 134-138. Cit. po: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html). Data obrashhenija 10.09.2014.
- Solov'ev V.S. (1988). *Tri rechi v pamjat' Dostoevskogo* // *Solov'ev V.S. Sochinenija*: v 2t. T. 2. Moskva. «Mysl'». 822 s.
- Solov'ev V.S. (2014) *Vera, razum i opyt.* Cit. po: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/1877vera.html Data obrashhenija 10.09.2014.
- Solov'ev V.S. (2015) *Duhovnye osnovy zhizni.* Cit. po: http://krotov.info/library/18_s/solovyov/03_299.htm#_Toc121205340 Data obrashhenija 10.07.2015.
- Chehov A.P. (1974) *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*: V 30 t. Sochinenija: V 18 t. Pis'ma: V 12 t. Moskva. «Nauka». 1974-1983.

Особенности мифопоэтики Велимира Хлебникова

Валерий Редькин*

Профессор Тверского государственного университета,
Тверь, Россия.

(дата получения: июль 2015 г.; дата принятия: октябрь 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматриваются особенности мифопоэтического стиля В. Хлебникова, акцент делается на эпическом и национально-историческом характере его поэзии, космизме, философичности его художественного мышления. Особенно сильно художественного сознания В. Хлебникова является его явное пристрастие к русскому национально-историческому времени и национальному пространству. Но национальное у В. Хлебникова как бы расширяется на весь Земной шар в духовном плане, включая в себя католицизм и протестантство, язычество и православие, буддизм и мусульманство. При этом польская культура воспринимается В. Хлебниковым как что-то самое родное и близкое, поэтому в свой эпический мир поэт включал и Польшу, которая становится одной из мифологем, позволившая ему на различных структурных уровнях утверждать русскую национальную идею всеединства. Велимир Хлебников дает слово полякам с их идеей свободы и независимости, способствуя взаимопониманию народов и преодолению накопленных в историческом времени обид и недоразумений.

Ключевые слова: В. Хлебников, мифопоэтика, неоромантизм, русская идея, всеединство.

* E-mail: foidid-red@rambler.ru

Введение

О мифотворчестве Велимира Хлебникова, характерного для неоромантизма начала XX в., написано немало, но особый интерес представляет жанрово-стилевой аспект этой проблемы. В свое время П.Н. Сакулин, разрабатывая проблемы мифологического стиля, сделал выводы, не утратившие свое значение и теперь. «Мифологические признаки стиля нужно искать, – писал он, – а) в его тематике, б) в его эйдологии (то есть в образной системе – В.Р.), в) в композиции преобладающих жанров, г) в семантике и композиции поэтической речи» (Сакулин 1990. 143). Мифологизация у В. Хлебникова не художественный прием, а своеобразное художественное видение мира. Она проявляется на всех уровнях поэтической системы. При этом, с одной стороны, создавать миф заставляет художника ощущение своих безграничных творческих возможностей, а с другой, стремление к корням народной культуры. Истинный поэт всегда стремится выявить скрытые явления мира, чтобы постигнуть его суть. Возможно, это и обусловило обращение художников XX в. к мифологическим формам искусства. Д. Максимов справедливо подчеркивал, что мифопоэтическая литература «может преломлять содержание действительности в таких фантастических, гротесковых, гиперболических образах, которые, противореча эмпирически воспринимаемому порядку вещей, воспроизводят их объективно-субъективную, то есть пропущенную через человеческое восприятие, сущность точно и обобщенно» (Максимов 1979. 18). Мифопоэтическое творчество В. Хлебникова, так же как и А. Блока, В. Маяковского, А. Белого, С. Есенина углубляет и обогащает наше постижение бытия, а не извращает и не разрушает его.

Основная часть

Прежде всего, следует отметить, что В. Хлебникову свойственно эпическое мышление, масштабное во времени и пространстве, космическое, планетарное, историко-философское при всем его мифологизме. Эпическая поэзия (по Гегелю) раскрывает «целостность духовного мира перед внутренним представ

лением в форме внешней реальности», рисует «события, которым вещь сама по себе свободно отдается (Гегель 1958. 224). Именно эти принципы лежат в основе художественной структуры поэм Хлебникова. Незримые связи мира, предполагаемые, подсознательно ощущаемые или рационально, не без доли утопизма, вычисленные, выражаются у Хлебникова развернутой метафорой, сложной, опосредованной ассоциацией, мифотворчеством, откровенной фантазией, сказкой, притчей и т.д. Характерна мысль, выраженная ранее А. Потебней: «Как ни назовем великую связь причин и следствий – Богом или роком, миром, – все равно она в целом иррационалистична, недоступна нашему пониманию» (Потебня 1976. 450).

Достаточно обратиться к дореволюционному лиро-эпосу Хлебникова, чтобы понять: духовные искания поэта воплощаются в форме «внешней реальности», объективированной действительности, а ряд его произведений основан на последовательно развивающейся системе событий. Так, при всем необычном личностном видении мира, проявляющемся в ярких тропах, своеобразном ритме и звукописи, поэма «Лесная дева» легко вписывается в круг обычных сюжетно-повествовательных поэм. Рассказ о смертном бое «волшебника напева» и «пришлеца красавца» за юную «златокудрую девицу» ведется, по сути, в русле пушкинской традиции «Руслана и Людмилы». Поэма «И и Э» прямо именуется «повестью». А в «Сельской дружбе» разворачиваются события, утверждающие прочную дружбу и взаимовыручку.

Подчас, в поэмах Хлебникова геополитические по своим масштабам картины исторической действительности вплетаются в, казалось бы, отвлеченное повествование или интимный разговор. Так, события национальной истории буквально насыщают текст поэмы «Любовь проходит страшным смерчем ...»: «Я их встречу как Кутузов рать нестройную французов», «Были ведомы ошибки и под Плевной и на Шипке», «Ах, Казбек давно просился под владычество Москвы...» и т.д. Более того, события и чувства частной жизни вводятся в космологический, вселенский контекст: «Останься странник. Посох брось. Земного шара хочет ось». Наконец, эпический мир Хлебникова возникает на мифологиче

ской основе с философским осмыслением бытия, смысла жизни, природы страсти и т.д. («Атлантида», «Вилла и Леший»). Истоки мифа могут лежать в античности, язычестве древних славян или других народов, а порой поэт соединяет и сталкивает эти мифологемы («Шаман и Венера»). Впрочем, автор и сам способен мифологизировать современную действительность («Журавль»).

Таким образом, другой особенностью художественного сознания В. Хлебникова является его явное пристрастие к национально-историческому времени и национальному пространству. Но национальное у Хлебникова как бы расширяется на весь Земной шар, в духовном плане включая в себя католицизм и протестантство, язычество и православие, буддизм и мусульманство. Воспевая в поэме «Хаджи-Тархан» православный собор: «И к белым и ясным ночным облакам высокий и белый возносится храм», поэт тут же отдает дань иным конфессиям:

*Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам.
Милы глаза, немного узкие,
Как чуть открытый ставень рам*
(Хлебников 1987. 248).

В духе философии «общего дела» Н. Федорова здесь соединены в родственном единстве эпохи и народы.

Кстати, в произведениях В. Хлебникова нет богоборчества в подлинном, атеистическом или сатанинском смысле этого слова. Напротив, все прекрасное в мире освящено божественным именем. Синие глаза в поэме «Поэт» словно сошли с иконы, а «священная живопись храма» ассоциируется с «праздником поцелуя». Победа тех, «кто без креста», о которой речь идет в ряде послереволюционных произведений Хлебникова, не вызывает у него восторга. Страдающий поэт с позиций персонифицированной, обожествленной природы не приемлет страданий человечества. Именно поэтому он ощущает себя в «Каменной

бабе» «последним живописцем земли неслыханного страха»:

*Я каждый день жду выстрела в себя.
За что? За что? Ведь всех любя,
Я раньше жил, до этих дней,
В степи ковыльной меж камней* (Хлебников 1987. 255).

Поэт «вечный узник созвучий», которые воспринимаются как объективная божественная данность. Безбожие в этом контексте воспринимается как что-то ненормальное, уродливое. Это болезнь, судорога: «И будто судорогой безбожья / Его закутан гордый рот» (Хлебников 1987. 217). Переводя время в единое пространство национальной жизни, автор видит в нем существующими рядом и языческих богов и святых, чтимых в христианстве. Не случайно в лиро-эпическом произведении «Поэт» герой-повествователь обращается к русалке со словами, необычайно поднимающими статус этого фольклорно-мифологического персонажа:

*Тогда рукою вдохновенной
На Богоматерь указал.
«Вы сестры. В этом нет сомнений
Идите вместе, – он сказал. –
Обеим вам на нашем свете
Среди людей не знаю места
(Невеста вод и звезд невеста)»* (Хлебников 1987. 271).

В системе ценностей В. Хлебникова высшие сферы всегда занимает духовное начало. Он «революционер духа, а не революционер брюха». Поэтому понятия веры, Всевышнего, благословения, Неба, священного служения становятся в его поэзии первообразами и первословами на мифологическом уровне духовного состояния мира. И сам поэт ощущал себя порой «священником цветов». Поэтому поэтизируя красоту мира или женщины художник вновь и

вновь обращается к церковной лексике и фразеологии. Характерны примеры из поэмы «Три сестры»: «молитвенник дальнего неба», «идет как священник», «неба священный подсолнух», «боги пришли красивыми глазами все на земле благословить», «звезды раскинул Всевышний», «о, строгая ликом расколница» и т.д. И опять в его сознании неразделимы язычество и христианство, как носители национального духа: «И вновь таинственна и молода молилась глина властелину» – это вариация на библейскую тему. И тут же глубинный пантеизм: «Она пчелиным божеством / На службу тысячи шмелей / Идет, хоть труд но меж ветвей / Служить молитву божествам» (Хлебников 1987. 279). В. Хлебников всем сердцем принимает всех богов русского народа.

Если для символистов образ приобретал значение знака как воплощения иного мира в его религиозном аспекте, то для В. Хлебникова стремление постигнуть тайну бытия носило, скорее, научно-познавательный характер в том смысле, что он стремится выявить неразгаданные связи явлений. Это устремленность всего его творчества во вне придает ему объективно эпический характер. Конечно, он способен абсолютизировать те или иные связи. Научные понятия поэта опять-таки мифологизируются, а творческому процессу придается особый, таинственный, близкий к мистическому смысл. И в этих многочисленных оригинальных гипотезах звуковой, зрительный или «мыслительный» образ становится той пружиной, подчас, видимой только самому художнику, на которой крепится и, покачиваясь, гордится своей прочностью вещный мир. Связь духа художника с природными, социальными и нравственными явлениями он устанавливал, как абсолютно достоверный «научный» факт. Так или иначе он перекидывал мостик от науки к мифу, а от мифа к науке, и все это заключал в глубинную концепцию своих произведений. Поэзия воспринимается им как проект будущей жизни, а поэты – «творяне», как ее творцы. С русской религиозной философией его роднит нравственный, а не социально-классовый подход к истории.

В поэме «Зверинец» рисуется образ прекрасного Сада, вбирающий в себя смыслы и библейского рая, и утопического золотого века, и фольклорного сада

– счастливой жизни, и сада как результата творческой деятельности человека. Но не надо забывать, что «садок, садик» по Далю – «всякое устройство для содержания в неволе животных» (Даль 1955. 128). Сад у В. Хлебникова – это зверинец, которым стала вся наша Земля. При этом слово «русский» символизирует мир страдающего добра и потенциальной доблести, укорененной в героическом прошлом. Не случайно лирическому герою «у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударя по струнам, воспеть подвиги русских», «хочется отомстить за Порт-Артур». «Вспоминая, что русские величали своих искусных полководцев именем сокола..., мы начинаем знать, кто были учителями русских в военном деле», – размышляет поэт, и свой мир для него – это мир соколов и орлов, лебедей и лосей, слонов и медведей, тюленей и буйволов, это мир красивых и гордых, но унижаемых людей и животных. А чужой – это мир уродства, духовной нищеты и кровожадной силы, «где немец ходит пить пиво, а красотики продавать тело», «где обезьяны разнообразно злятся и выказывают разнообразные концы туловища», где властвуют тигры и нетопыри. Эпический мир поэмы – это трогательный и милый мир нереализованных возможностей.

Страшно, если в жизни побеждает «союз трупа и вещи». Человек, вливший в вещи «дух жизни», становится их данником. В поэме «Журавль» возникает фантом гигантской птицы, состоящей из труб, мостов, городского дыма и гари, олицетворяющий античеловечный и бездуховный антимир, «лопающий людшек», пожирающий младенцев. Дома в этом мире «только ягель, покрывающий болото», а люди – лягушки, лакомая пища пляшущего журавля. Жуткая пляска смерти – итог безумного развития цивилизации. Впрочем, реальность конца XX в. порой подтверждает самые мрачные предсказания поэта.

В свой эпический мир В. Хлебников включал не только Россию, но и Польшу, которая, судя по его творениям, занимала особое место в творческом сознании поэта. Фактически она становится одной из мифологем, которая позволяет ему на различных структурных уровнях утверждать идею всеединства. При этом здесь имеется ввиду целостность, связанная с традиционным национальным образом мира, о которой писал В. Соловьев. «Я называю истинным, или

положительным, всеединством такое, – подчеркивал он, – в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» (Соловьев 1990. 63).

С одной стороны, Польша оказывается в числе стран (Китай, Индия, Иран, Япония и др.), на примере которых показывалось историко-биологическое единство жизни Земли, «мыслезема», как выражался В. Хлебников. С другой стороны, объединяя мысленно Европу, Азию и Африку, славянство поэт ставил на особое место, подчеркивая, что Азийский голос – «железно-медный», Африканский – «серебряный звук», а славянский – «золотой». «Славянское чистое начало в его золотой липовости» (Хлебников 1987. 36). И в стремлении свободно плавить славянское слово, выявляя исконные звуки праязыка, он не мог не обратиться к речи поляков и полабских славян.

В. Хлебников особый, сакральный смысл придавал числу. Но, заменяя под час веру мерой, он и в числе способен видеть душу, не случайно у него возникает образ рыдающего числа. По его мысли, каждые 28 лет истина меняет свой знак. И, приводя в пример этого «закона поколений» ряд «величавой веры» и «жалкого неверия» в Русь (Каченовский – Одоевский – Тютчев – Блаватская), Велимир Хлебников тут же вспоминает эволюцию идеи национально-освободительного движения в Польше, разделяя и связывая имена Костюшко и Юлия Словацкого цифрой 28, умноженной на 2 (Хлебников 1987. 648). Обнаруживая цифру 413 как время соединения и разделения государств, в знаменитом произведении «Учитель и ученик» поэт соотносит Куликовскую битву с разделом и присоединением Польши (Хлебников 1987. 588). Рассуждая «о расширении пределов русской словесности», автор не раз сетует, что «она мало затронула Польшу» (Хлебников 1987. 593) и в письме к Крученых ставит перед собой цель решить эту задачу.

«Мозг земли не может быть великорусским, лучше, если бы он был материковым», – размышляет поэт (Хлебников 1987. 593), и в этом приобщении Руси к вселенскому миру Польше он отводит особую роль, как проводнице света с Запада. «Через Польшу, – по его словам, – Украина была доступна лучам Запада, что давало ей особую от Московского государства природу и вызвало Мазе

пу». Единство дало «окно в Европу» Петра 1, которое, по мысли автора, уравняло народные ориентиры: «Сноп одинаковых лучей Запада прошел через обе половины народа», – пишет он в статье «Спор о первенстве» (Хлебников 1987. 647). Польша в сознании В. Хлебникова ассоциируется с «ветром свободы». Польское восстание он вводит в круг планетарных событий:

*День мировой непогоды!
И если восстали поляки,
Не боясь у судьбы освистанья,
Щеку и рот пусть у судьбы раздирает свисток,
Пусть точно дуло, точно выстрел суровый,
Точно дуло ружья, смотрит угрюмый Восток
На польского праздник восстанья*
(Хлебников 1987. 491).

Подобные образы возникают у поэта в трех «сверхповестях»: «Зангези», «Дети Выдры», «Война в мышеловке».

Впрочем, поэт обращается к историческим событиям и иного рода. В стихотворении «Мы желаем звездам тыкать...» Острица символизирует восстание 1638 года против польского владычества. Однако характерно, что, обращаясь к традиционному для песен гайдамаков мотиву разгула кровавых страстей, когда «панов сплавляли по рекам, а дочери ходили по рукам», автор стремится дистанцироваться от их исполнителей, вводя в произведение отрезвляющий голос, выражающий явные симпатии к шляхетству: «– Нет, старче, то негоже: Парча отстоит от рогожи» (Хлебников 1987. 79). Больше того, лирический герой и сам подчас ощущает себя в мире «шляхтичем на сейме». Он готов, «руку положив на рукоятку сабли, тому, отсвет желаний чей мы, мира осям», то есть самому Богу, самой Природе, крикнуть: «Не позволям!» (Хлебников 1987. 73). Возможно такое мироощущение было связано с тем, что корни поэта по материнской линии (Екатерина Вербицкая) уходили в Сечь и далее на Запад. Не

случайно Польша и Сечь в поэме «Марина Мнишек» оказываются в одном стане.

Польская культура в сознании В. Хлебникова жила как что-то самое родное и близкое. Не случайно, считая Врубеля великим художником, он называл его «Мицкевичем в живописи». В «Зангези» автор, опираясь на аллюзию из пушкинского «Бахчисарайского фонтана», воссоздает образ Потоцкой, как не исчерпаемого человеческого горя. А в «Детях Выдры» Коперник оказывается «на острове высокого звездного духа» в ряду самых выдающихся деятелей Земли.

Особенно впечатляет развернутая метафора поэмы «Синие оковы». Польша символизирует для Хлебникова не только идеалы вольности и красоты, но и высокой духовности, воплощающейся в ее чарующей музыке. Прекрасная фортепьянная импровизация, «бросая за чарами чары вал», становится воплощением единства и гармонии всех народов планеты: «...Дальше и больше, / Дальше и дальше, / Пальцами Польши, / Черных и белых народов / Уносят лады / В голубые ряды, / Народов, несущихся в праздничном шуме / Без проволочек и проволочек» (Хлебников 1987. 364). Мир, как «с сотнями стонными проволочек ящик», полон боли и страдания.

Глубоко гуманистическая, антивоенная мысль заключена в поэме «Берег невольников», где по мановению «жирного пальца мирового зла» идет все «более и более орд в окопы Польши», и «Колосья синих глаз, / Колосья черных глаз / Гнет, рубит, режет / Соломорезка войны» (Хлебников 1987. 341). Если В. Хлебникову нужно выразить абсурдность и невероятность ситуации, то она будет сравнима с Варшавой, у которой отобрали бы Прагу (Хлебников 1987. 208), если надо преодолеть рефлексии и утвердить мысль, что новый человек, пришедший в мир, «не Хам, а Сам», то и тут поэт заявляет: «Отгоним Собеским Яном от Вены» (Хлебников 1987. 171). Польша для В. Хлебникова становится ярким примером пульсации истории, символом «маятника судьбы»: «На белом мохнатом коне / Тот в Польше разбил короля. / Победы, коварны оне, / Над прежним любимцем шая» (Хлебников 1987. 70). С этим же связана

мысль об историческом возмездии: «России нет, не стало больше. / Ее раздел рассек, как Польшу» (Хлебников 1987. 61). Высказывая свое заветное желание полного единения мира, такой частной собственности на землю, когда каждый имеет во владении не менее, чем земной шар, автор ясно понимает, что для этого необходима духовная свобода для всех и остро чувствует необходимость раскрепощения. Общие цели навсегда снимут проблему вражды и взаимного непонимания. Поэтому с такой страстью поэт восклицает в стихотворении «Когда казак с высокой вышки...»: «Над нами иноземцев иго, / Возропщем русские, возропщем! / Поймите, что угнетенные и мы – те ж!» (Хлебников 1987. 51). Признание самого факта органичного присутствия в творческом сознании В. Хлебникова Польши позволяет глубже и всестороннее понять некоторые его произведения. Так, героине известного стихотворения «Мария Вечора», не сомненно, приданы черты гордой, страстной и свободолюбивой польки. Хотя в основе сюжета лежит история трагической любви эрцгерцога Рудольфа и румынской баронессы, само изменение имени на славянский лад (Вечера на Вечора) и поэтический контекст (в стихотворении «Гонимый – кем, почему я знаю?», написанном в том же году, образ румынки, «дочери Дуная», сливается с песней «про прелесть польки») довольно убедительно подтверждают этот вывод, Мария Вечора становится символом необычности и загадочности судьбы славянства.

Неразгаданной остается замечательная поэма В. Хлебникова «Марина Мнишек». Вряд ли можно согласиться с мнением Н. Степанова, что поэт в этом произведении «обращается к истории в ее традиционном понимании, без попыток видеть в событиях прошлого предварение современности» (Степанов 1975. 65). Сужает и невольно извращает смысл произведения М. Поляков. С его точки зрения «сюжетную основу поэмы составляет отчаянное решение Самозванца добиться любви Марины ценой собственной гибели». «Исторический материал (пир у Мнишка), – по его словам, – имеет характер романтизированного стереотипа. Смерть во имя любви (Самозванец) и смерть во имя честолюбия (Марина Мнишек) – такова тема поэмы» (Поляков 1987. 27). Не уделя

ет, к сожалению, должного внимания этой вещи, отмечая только ее эпический характер, такой тонкий ценитель Хлебникова, как Р.В. Дуганов (Дуганов 1990. 133). Большинство ученых не учитывают сложную природу ассоциативно-мифологического стиля поэта, а отсюда не замечают у Хлебникова внутренней полемики его с концепцией А.С. Пушкина. Конечно, трудно не заметить, что сквозь текст поэмы Хлебникова как бы просвечивает текст пушкинского «Бориса Годунова». У патриарха русской поэзии: «Пока твоя нога / Не оперлась на тронные ступени, / Пока тобой не свержен Годунов, / Любви речей не буду слушать я» (Пушкин 1975. 231), а у его преемника в XX в. более просто, по-домашнему, но с тем же смыслом: «Пока я не московская царица, я говорю вам: до свиданья» (Хлебников 1987. 237). У В. Хлебникова Марина горда и честолюбива, а не холодна и не рациональна, что передается соответствующей речевой характеристикой.

В системе ценностей В. Хлебникова на одном из первых мест естественность, не просто близость к природе, а «слиянность» с ней. А в каком состоянии человек сбрасывает с себя шелуху отпавшей от природы цивилизации? В состоянии невменяемости, когда эмоции, как в детстве, довлеют над рассудком. Ребенок – сквозной образ в творчестве В. Хлебникова, символизирующий природное, истинно гуманное начало в человеке. Это тоже своеобразная мифология, восходящая к библейской заповеди Христа: «Будьте, как дети». Желание Марины Мнишек стать русской царицей в этом произведении скорее детская прихоть, чем продуманный план. Трогательно и мило выгладит сцена ее разговора с отцом: «Вся покрасневшись дочь прильнула / К усов отцовских седине / И, в шуме став с ним наедине, / Шепнула: «Тату! Тату! Я буду русская царица!» / Не верит и смеется, / И смотрит ласково на дочку...» (Хлебников 1987. 238). Марина противопоставлена своей сестре Урсуле более прагматичной и замкнутой в семейном быте. В конце поэмы вновь возникает тема детства, связанная с гибелью сына Марины. Трогательно и жалобно звучит его голосок: «Мамо! Мне хочется пить!» Трагически-безысходными оказываются вопросы Марины: «Где сын мой? Ты знаешь! – с крупными слезами, / С больши

ми черными глазами, – / Ты знаешь, знаешь! Расскажи!» И получает краткое в ответ: «Кат зна!» (Хлебников 1987. 244). Все симпатии автора и читателя, несомненно, на стороне героини. Поэт любуется Мариной, подчеркивает ее гармоничное единство с природой:

*Блошанку дева с плеч спускает
И тушит бледную свечу.
И слабо дышит, засыпает,
Доступна лунному лучу
Золотокудрой головой
И прочь простертую рукой... (Хлебников 1987. 239).*

Ее образ рисуется в фольклорно-поэтическом стиле: «Ты снимала сапожок, одевала ножку скоро...», и мечтает она о высоком и прекрасном; о том, чтобы «К ее ногам красивым током, / Царицы белого плаща, / Упали юг, восток и север. / Везде затихнут мятежи... / Она примирит костел с Востоком» (Хлебников 1987. 241).

В поэму включена сказочно красивая картина охоты. Но автор против насилия над природой, он на стороне «матерого кабана» и «нежной косули», судьба которой символизирует судьбу Марины. У А.С. Пушкина судья всему происходящему – народ. У В. Хлебникова – природа. Именно она свидетель и судья поступков героев. И если планы Самозванца она воспринимает настороженно:

*Стояла ночь. Как полководцы
Стояли тихо тополя.
Смотрели в синие колодцы
Звезды, лучами шевеля,*

то Марине природа сочувствует и сопереживает с ней. В ней происходит «очищение, высветление природной сущности», о котором в отношении геро

ев других поэм Хлебникова пишет Дуганов (Дуганов 1990. 261).

Но беда в том, что Марина оказалась игрушкой разнородных, жестоких и эгоистичных сил. Как косули гибнут и русские девы, «рукой осязая трепетное сердце». Антиприродное начало несут в себе любители легкой наживы, ксендз, мечтающий о духовном подчинении России, король Владислав, который «повел на битву племя людей суровых и усатых» и особенно Самозванец. Последний хочет стать кумиром, но «стада кумирных людей» не могут победить стихию. Как «камень с изображением борьбы» только мнит, что он в движении, так и «самозванец мнит себя державой». Самозванец – кумир – камень – эта ассоциативная цепочка несет в себе, несомненно, отрицательный заряд. «В своем решении камня, / Он ходит строг и нелюдим», – подчеркивает автор отчужденность Самозванца от окружающего мира. «Камень-кумир» становится не просто метафорой, но своеобразной мифологемой, на которой строится глубинный смысл всего фрагмента. Поляков поэт называет «народом бога тырей», но среди них есть «воду жечь охотники», творящие бессмысленные разрушения и насилие.

Марина Мнишек в своем сумасшествии вырывается за пределы жестокого времени вражды и крови к истинной жизни красоты, любви и музыки. В конечном счете, она, как бы, выпадает из времени, Ее помешательство, возвратившее ее к детству, окончательно оправдывает и сближает героиню с Истиной:

Потом вдруг встанет и несетя

В мазурке легкокрылой,

С кем-то засмеется, улыбнется,

Кому-то шепчет: «Милый» (Хлебников 1987. 244).

«Смерть, милостивая смерть! Имей же жалость! Приди и утоли ее усталость», – молит автор в надежде, что смерть – ступень к новой вечной жизни. В судьбе Марины Мнишек проявились нереализованные возможности единства славянских народов. В этом главная мысль произведения. Россия и Польша

в творческом сознании В. Хлебникова имеют корневое духовное единство, и свободолюбивые воды Дона и Вислы текут в его стихах рядом.

В поэме «Марина Мнишек» сталкиваются свой и чужой миры, «отчизна и чужбина». Русских людей, «святую чернь», дворян, бояр, «соединила к отчиз не ревность», и они превозмогли «пыл нестерпимый иноверца».

Заключение

Важно понять многоуровневую природу стиля В. Хлебникова, в которой звук, слово, образ, мысль приобретая до известной степени самостоятельность, способны нести в себе черты мифологемы, чтобы затем, «взаимодействуя и взаимосодествуя», воплотиться в особой стилевой системе, позволяющей проникать в сущностные пласты бытия.

Когда Велимир Хлебников пишет, «что словом разностопным ручей пел славу допотопным спутникам прошлых миров», он ощущает таким ручьем и себя. И главное, что на первом месте в его произведениях именно *миры*, в которых запечатлен образ и самого певца.

Литература

- Гегель Г. (1958). *Лекции по эстетике. Кн. 3.* // Гегель Г. Сочинения: в 14 т. Т. XIV. Москва. Государственное социально-экономическое издательство, «Полиграфкнига». 440 с.
- Даль В. (1955). *Толковый словарь живого великорусского языка.* Москва. «Гос. изд-во иностранных и национальных словарей». Т. 4. 684 с.
- Дуганов Р.В. (1990). *Велимир Хлебников. Природа творчества.* Москва. Изд-во «Наука». 336 с.
- Максимов Д.Е. (1979). *О мифологическом начале в лирике Блока* // Творчество А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сб. III. Тарту, С. 17-27.
- Поляков М. (1987). *Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика* // Хлебников В. Творения. Москва. Изд-во «Художественная литература». С. 3-32.
- Потебня А.А. (1976). *Эстетика и поэтика.* Москва. Изд-во «Искусство». 614 с.
- Пушкин А.С. (1975). *Собрание сочинений:* в 10 т. Т. 4. Москва. Изд-во «Художественная литература». 520 с.

- Сакулин П.Н. (1990). *Филология и культурология*. Москва. Изд-во «Высшая школа». 239 с.
- Соловьев В.С. (1990). *Литературная критика*. Москва. Изд-во «Высшая школа». 452 с.
- Степанов Н. (1975). *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество*. Москва. Изд-во «Советский писатель». 404 с.
- Хлебников В. (1987). *Творения*. Москва. Изд-во «Художественная литература». 782 с.

Bibliography

- Gegel' G. (1958). *Lekcii po jestetike. Kn. 3.* // Gegel' G. Sochinenija: v 14 t. T.HIU. Moskva. Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, «Poligrafkniga». 440 s.
- Dal' V. (1955). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. Moskva. «Gos. izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej». T.4. 684 s.
- Duganov R.V. (1990). *Velimir Hlebnikov. Priroda tvorcestva*. Moskva. Izd-vo «Nauka». 336 s.
- Maksimov D.E. (1979). *O mifologicheskom nachale v lirike Bloka* // Tvorcestvo A. Bloka i russkaja kul'tura HH veka. Blokovskij sb. III. Tartu, S.17-27.
- Poljakov M. (1987). *Velimir Hlebnikov. Mirovozzrenie i pojetika* // Hlebnikov V. Tvorenija. Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura». S. 3-32.
- Potebnja A.A. (1976). *Jestetika i pojetika*. Moskva. Izd-vo «Iskusstvo». 614 s.
- Pushkin A.S. (1975). *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4.* Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura». 520 s.
- Sakulin P.N. (1990). *Filologija i kul'turologija*. Moskva. Izd-vo «Vysshaja shkola». 239 s.
- Solov'ev V.S. (1990). *Literaturnaja kritika*. Moskva. Izd-vo «Vysshaja shkola». 452 s.
- Stepanov N. (1975). *Velimir Hlebnikov. Zhizn' i tvorcestvo*. Moskva. Izd-vo «Sovetskij pisatel'». 404 s.
- Hlebnikov V. (1987). *Tvorenija*. Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura». 782 s.

Метод встречного текста как ресурс развития письменной, устной речи и ассоциативного мышления учащегося

Ольга Грекова*

Доцент кафедры РКИ МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия.

(дата получения: июль 2015 г.; дата принятия: сентябрь 2015 г.)

Краткое содержание

Статья посвящена использованию метода встречного текста (контртекста) для обучения иностранных аспирантов-филологов учебному комментированию и реферированию. Типы психологических реакций читающего (как содержательных, так и релятивных) на письменный текст рассматриваются в общем русле диалогизации преподавания РКИ на современном этапе. Наряду с реакциями оценки и мнения как наиболее распространённых, анализируются реакции аргументации, свободного ответа, ориентировки, констатации, осложнения, вывода, генерализации, визуализации, «перевода», перефразирования, ассоциаций, инфиксации, предположения, «интертекста», прогноза, замещения смысла. Квалификация и интерпретация явления, представленного в предъявляемом письменном тексте, так же, как и разнообразные психологические личностные реакции на него в ряде случаев вызывают затруднения у иностранных учащихся в их учебном курсе РКИ. Поэтому названные реакции вводятся в обиход. Основой для этого служит развитие так называемого ассоциативного мышления (понимаемого как умение связать факты как близлежащие, так и весьма отдалённые), проводимое по двум линиям – логической и грамматической. Предлагаются образцы конкретных типов заданий, ведущих к этой цели, и материал для создания встречного текста.

Ключевые слова: письменный текст, встречный текст, типы психологической реакции, развитие ассоциативного мышления.

* E-mail: olggre@list.ru

Введение

I. Суть метода и сфера применения

Идея встречного текста, или контртекста, разрабатывалась вначале в русле чисто психологических исследований процедуры проведения информации в мозг человека и каналов её восприятия в трудах Н.И. Жинкина (Жинкин 1982.10). Суть метода заключалась в том, что респондентам предлагался текст, требующий реакции, а затем по разным параметрам анализировались их ответы.

Идея встречности изучалась также в таких областях, как психология, социо- и психолингвистика. В социолингвистике метод встречного текста неоднократно применялся в экспериментах по изучению языкового сознания региональных социумов гомогенной природы (например, Омской и Челябинской областей РФ в 2012 г.), молодёжных полиэтнических социумов (в Сибири в 2010 г.) и в целом – языкового сознания нации. На наш взгляд, идея встречности может быть реализована не только при психологическом анкетировании и в социологических исследованиях, но и в педагогике и методике обучения иностранным языкам, в частности, РКИ.

Современное психолингвистическое представление о восприятии письменного текста базируется на гипотезе активной роли реципиента (Новиков 2003. 64-76). Восприятие письменного текста, как и восприятие звучащего (Грекова 2012. 37), предполагает активную интракоммуникацию, взаимодействие с поступающей информацией. Возникает феномен так называемой внутренней речи. Причём она не является ни зеркальным отображением того, что было прочитано, ни последовательной реакцией на блоки поступающей к читающему информации. Его сознание наполняют лишь «обрывки», недооформленные фрагменты последней. Они и поступают в «монтажную мастерскую» сознания.

Основная часть

Метод встречного текста, или контртекста, может быть применён к

текстам разных функциональных стилей: публицистического, научного, художественного, разговорной речи. Предъявляемый учащемуся текст должен:

- а) включать пронумерованные ключевые положения текста (предложения) или
- б) состоять только из них (что бывает довольно редко). Он должен быть предварён следующим блоком заданий.

- 1) Прочитайте текст и сконструируйте свой встречный текст. Встречный текст – это всё, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного выделенного предложения. Он должен включать реакцию не только на то, о чём прямо сказано в предложении, но и на то, что только подразумевается.
- 2) Запишите номер обдумываемого предложения.
- 3) Запишите свою интерпретацию, не забегая вперёд, то есть не читая текст дальше.
- 4) После составления контртекста сформулируйте общий смысл прочитанного Вами авторского текста.

II. Диалогизация процесса обучения РКИ.

В процессе обучения иностранным языкам, в частности РКИ, диалог уверенно теснит монолог, некогда превалявавший во всех сферах, особенно при обучении грамматике и лексике. Хотя в учебных пособиях по РКИ названных двух сфер по-прежнему преобладают задания на завершение предложения нужной грамматической формой, на приложение ранее сформулированного авторами правила и обусловленный им выбор единицы, на комбинаторику приведённых фрагментов предложения – и на выходе возникает такая синтаксическая единица как предложение, но можно отметить и иную тенденцию. Это тенденция к диалогизации учебного материала, которая в практике РКИ находит место более всего в таких курсах, как «Употребление русских глаголов движения» и «Употребление видов русского глагола».

Механизм выстраивания структуры изучаемого языка в сознании инофона должен быть органичен окружающему миру и деятельности человека в нём.

Психолингвисты, методисты разных стран приходят к выводу о том, что мир скорее диалогичен, чем монологичен, если учитывать наличие и эксплицитного и имплицитного диалога. Что касается русского вида, то логика выбора видовой формы глагола в ряде случаев обусловлена позицией реплики в ходе диалога или полилога, определённой точкой отсчёта в развитии мысли, отнесённостью к модальной предфазе или определённой фазе развития действия – в зависимости от того, как оно раскрывается в диалоге. Так диалог, в отличие от монолога, задаёт определённую речевую стратегию и она гораздо доступнее пониманию инофона.

Что касается глаголов движения, то в этой области диалог в ряде случаев является единственным показателем реального распределения движений, передвижений в мыслимом пространстве действий. Только он, даже кратчайший, включающий всего две реплики, проясняет точку отсчёта, начала движения, местоположение говорящего и пункт назначения движения. А ведь именно эти факторы определяют выбор приставки и видовой формы. Рассмотрим короткие диалоги

[1]. «На факультете».

– *Расписание на второй семестр вывесили?*

– *Ещё нет. Староста собирался пойти к инспектору узнать.*

[Назавтра] – Он уже ходил за расписанием?

Спрашивающий в третьей реплике находится вне учебной части.

[2] В учебной части.

– *Староста второй группы уже приходил за расписанием?*

– *Ещё нет. Он на каникулы уезжал домой. Должен прийти завтра.*

Спрашивающий в первой реплике находится в учебной части или поблизости или имеет к ней непосредственное отношение. Движение третьего лица мыслится как приближение к говорящему.

Только через диалог можно адекватно и доступно объяснить особенности

анализируемой ситуации и логику выбора адекватной формы. При предъявлении учащимся монолога, выбор осуществить практически невозможно (например: *Староста уже ходил/ приходил за расписанием?*). Также исключительно через диалог можно прокомментировать ошибочность некоторых высказываний.

Создание встречного текста базируется на реструктурировании предъявленного текста. Процесс переработки информации свидетельствует о ходе процесса понимания. Воспринимая информацию, реципиент ведёт внутренний диалог с текстом, порой и с его автором и в то же время с самим собой.

Можно утверждать, что использование встречного текста – ещё один шаг в сторону диалогизации учебного курса РКИ.

III. Типы реакции на текст и развитие мыслительной и речевой деятельности.

Обратиться к встречному тексту как методическому и педагогическому приёму автора год назад заставила реализация Программы обучения аспирантов филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эта программа, обеспечивающая развитие разнообразных языковых и речевых компетенций, включает в качестве составной части курса реферирования текстов языка специальности – учебное комментирование высказываний и фрагментов текста, вынесенное на устную часть экзамена кандидатского минимума по русскому языку. Однако многолетняя практика обучения свидетельствует о несформированности этого навыка, а в ряде случаев и более того – о полном незнании сути подобной речевой деятельности.

Комментарий для представителей некоторых культур сводится главным образом к верификации (правда/ неправда) и выражении интенции согласия/ несогласия. Так возникла необходимость раскрыть содержание понятия «учебное комментирование» для иностранных аспирантов и не только для них. И вот в течение 2014/2015 учебного года на кафедре РКИ филологического

факультета МГУ им. М.В. Ломоносова нами проводился эксперимент учебного комментирования текста с иностранными аспирантами из разных стран.

По сути дела, учебное комментирование высказывания или текста, как указывалось выше, представляет собой не что иное, как различные реакции на предъявляемый текст. В трудах А.И. Новикова, разработавшего метод в психолингвистическом аспекте, описаны 15 видов психологической реакции реципиента письменного текста, составляющих встречный текст: *ассоциация, вывод, *визуализация, генерализация, интертекст, инфиксация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, перевод, предположение, прогноз, перефразировка, свободный ответ* (Новиков 2003. 64-76). Реакция визуализации выделена при восприятии художественного текста. Н.П. Пешковой позднее были обнаружены ещё два вида реакции: *компликация* и *замещение смысла* (Пешкова 2013. 51).

Не останавливаясь на тех названиях видов психологической реакции, которые представляются прозрачными, мы позволим себе прокомментировать лишь некоторые из них:

генерализация – формулирование некоего общего суждения о предмете (которое может быть как глубоким, так и банальным);

интертекст – понимается как реакция реципиента на другие высказывания о том же предмете;

инфиксация – понимается как вставка информации преимущественно на основе жизненного опыта;

констатация – предполагает утверждение наличия/ отсутствия знания о предмете, при этом незнанию часто сопутствует самокритика;

ориентировка – представляет собой попытку проникнуть в содержание текста и его композицию;

компликация – суть усложнение реакции на информацию, при этом

создаётся узел реакций, например, *инфиксация + мнение + оценка* или *ориентировка + ассоциация + оценка*;

замещение смысла – происходит, когда реципиент, ощущая, что его реакция выходит за рамки ожидаемого, подгоняет её под общепринятый стандарт.

Виды психологической реакции на письменную информацию различаются в зависимости от типа текста. Если для научных текстов характерна аргументация, то для художественных текстов – визуализация, то есть создание зрительных образов.

Разные исследователи классифицируют виды психологической реакции несколько по-разному, но все они выделяют ядро, периферию и комбинированные реакции. По данным А.И. Новикова, при восприятии научного текста в ядро, кроме мнения и оценки, входят ориентировка, аргументация, вывод и предположение, а при восприятии художественного текста первое место принадлежит переводу, второе – оценке, пятое – мнению, седьмое – генерализации (Новиков 2003. 68-69).

Психологи делят все реакции, формирующие поле встречного текста, на содержательные (касающиеся предметного содержания текста) и релятивные (отражающие отношение реципиента к поступившей информации, связанные с его личностными установками и интенциями). Содержательные реакции в среднем составляет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всех реакций для научного/ научно-популярного текста, в то время как релятивные реакции составляют, соответственно, от $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всех реакций для тех же текстов. Отметим, однако, что для наших учебно-педагогических целей конкретное соотношение не представляется релевантным.

Соотношение частотности реакций в рамках одного психолингвистического эксперимента, в порядке убывания частотности, мы, для полноты картины, приводим по Я.А. Давлетовой (Давлетова 2012. Табл.1)

Вид реакции	%
Оценка	25,6
Мнение	15,1
Свободный ответ	8
Ориентировка	7,8
Констатация	7,3
Комплективная	7,1
Вывод	4,5
Генерализация	4,2
Визуализация	3,9
«Перевод»	3,7
Перефразирование	3,1
Ассоциация	2,6
Инфиксация	2,3
Предположение	2,1
«Интертекст»	1,8
Прогноз	0,9

Доминирование (с весьма значительным отрывом) в данном списке реакций оценки и мнения не приносилось извне, эти реакции оказались предпочтением самих респондентов, и это не случайность. Оценка, по мнению психологов, является специфическим свойством человеческого сознания и мышления. При этом оценка является одновременно и инструментом, и итогом когнитивной активности. Она является единственной реакцией, не уходящей из ядра поля восприятия любого типа текста, занимая первое-второе места, не говоря о том, что она выполняет некие весьма важные функции в психическом состоянии человека.

Именно внутренняя необходимость оценить заставляет читающего текст квалифицировать и интерпретировать полученную информацию о некоем фрагменте картины мира. Но как раз квалификация и интерпретация явления в ряде случаев становится камнем преткновения для иностранных аспирантов в их учебном курсе. Это может быть связано с разной степенью знакомства с русской и мировой культурой, с образом мыслей, привычным кругом ассоциаций, коннотаций, коллективных мнем конкретного народа.

Предписания родной для учащегося культуры в ряде случаев рекомендуют ему поразмышлять над чем-либо, в других же случаях принять что-то как факт, а то и обойти что-либо молчанием.

Итак, придя к выводу о необходимости разработки новых подходов к пониманию письменного текста для наших иностранных учащихся, мы использовали названные нами выше достижения современной психолингвистики в учебном процессе преподавания РКИ. Понимание текста для нас, вслед за А.А. Леонтьевым, – это « процесс перевода смысла текста в *любую другую форму* (выделено нами – О.Г.) его закрепления» (Леонтьев 2005.141-142). Иначе говоря, это может быть процесс парафразы, пересказа другими словами. При желании реципиента это может быть перевод на другой язык фрагмента текста, комментирование имён (онимов). Приветствуется процесс смысловой и формальной трансформации (компрессии или, наоборот, расширения), в результате чего формируется реферат, аннотация, резюме или даже набор ключевых слов. Эта работа ведётся преподавателем под лозунгом «Понятно то, что может быть иначе выражено», ибо лишь те или иные преобразования текста могут свидетельствовать о том, что механизм понимания запущен.

Немаловажную роль в понимании текста играют имена. Возможность трактовать имя выступает показателем осведомлённости учащегося об истории культуры страны изучаемого языка. На этом участке, разумеется, не стоит ждать стопроцентного результата, но следует помнить, что размышления над именами приводит в действие механизм обработки имплицитной информации текста. А это, в свою очередь, сопровождается процессом интеграции содержательной стороны произведения с содержимым сознания и памяти индивида.

Оценка преподавателем работы этого механизма на продвинутом этапе может включать вычерчивание так называемого денотатного графа встречного текста (Пешкова 2013. 48-49), то есть сетки денотатов, присутствующих в сознании учащегося. Другими словами, это глубинная содержательная

структура текста, так или иначе передаваемая читающим текст в его контртексте.

Частные модели понимания разных типов текстов с учётом названных и иных особенностей являются составляющими общей интерактивной модели.

IV. Встречный текст как ресурс развития ассоциативного мышления.

Первой составляющей снятия трудностей, перечисленных выше, служит посещение лекций и семинаров по истории русской культуры. Более 20 таких курсов ведётся на кафедре РКИ филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова для иностранных магистрантов и аспирантов, что отражено в Программе «Русский язык и культура в современном мире» 2015 г. Второй составляющей является развитие так называемого ассоциативного мышления.

Понятие *ассоциация* (объединение, связь) используется в психологии со времён Аристотеля для объяснения такой зависимости между явлениями, когда появление одного из них влечёт за собой появление другого. И так называемая ассоцианистическая психология, первые постулаты которой были сформулированы им же, имеет своё продолжение и развитие в наши дни. История науки убеждает в том, что именно ассоциации помогли в разные времена совершить многие знаменательные открытия в разных областях знания. Напротив, ограниченный круг ассоциаций сужает поле сознания и, мешая видеть связь явлений реальную и гипотетическую, не позволяет прийти к решению (в том числе новаторскому) той или иной проблемы.

Утверждают, что процесс порождения и становления ассоциативных связей, отражая индивидуальные особенности нашего сознания, подчиняется неким законам и поддаётся акселерации. Хотя, кажется, что каждый пользуется только тем набором ассоциаций, который был собран на протяжении жизни, всё же круг их может быть значительно расширен, а привычка мыслить ассоциативно внедрена в наше сознание.

Типы возникающих ассоциаций основываются на двух формальных критериях – логическом и грамматическом (Милорадова 2000.94-95). На основании логического критерия, характеризующего наличие смысловой связи

явлений, выделяются два типа ассоциаций: 1) центральные, где эта связь обнаруживается непосредственно (например, *учебник – знание, сооружение – строитель*); 2) периферические, с опосредованной или вовсе отсутствующей смысловой связью (например, *авария – дождь, учитель – дорога*).

На основе грамматического критерия также выделяют два типа ассоциаций: 1) синтагматические, построенные на основании связей, в которых обнаруживается зависимость между разными грамматическими категориями, то есть связей, в которых отражаются речевые отношения (*материал – качественный, трос – рвётся*); 2) парадигматические, построенные на основании связей в пределах одной грамматической категории по типу причина – следствие, противоположность (*стройка – грязь, весна – почки*). Это связи, отражающие языковые отношения. По данным, приведённым Н.Г. Милорадовой, число центральных ассоциаций составляет не менее 66 о/о от общего числа. Большое число периферических ассоциаций свидетельствует либо о плохом знании языка, либо о заторможенности мыслительного процесса. Число парадигматических ассоциаций в среднем составляет не менее 70 о/о. Увеличение числа синтагматических ассоциаций свидетельствует, как правило, об инфантильности мышления взрослых.

В наши дни на территории РФ проводятся разнообразные тренинги, в которых развитие ассоциативного мышления является неотъемлемой частью.

Аналогичная работа может вестись и на занятиях по иностранным языкам, в том числе РКИ. Подобного рода задания служат также неплохим ресурсом развития навыков письменной и устной речи, аналитизма и селективности мышления.

Ряд заданий, выстроенных по принципу возрастающей сложности, может выглядеть следующим образом.

Задания на ближние ассоциации. Их можно использовать в курсе обучения русской лексике языка специальности. Предъявляется одно слово, слова берутся, предположим, из словаря активных понятий филолога: абзац, конспект, отрывок, рубрика, семинар, цитата.

Задания на дальние ассоциации. Предъявляются два или три слова, а ассоциация должна быть общей. Например, *бумажный, осенний (лист); горячий, кафельный (пол); вкусный, английский (чай); глава, раздел, параграф (учебника); понятие, концепт, термин (субъект); конверсия, компрессия, сжатие (предложения); типология, классификация, разновидности (предикатов); возрастание, убывание, сохранение (звучности); сопоставление, противопоставление, соположенность (понятий); начальная, средняя, завершающая (фаза действия).*

Следует отметить, что две-три предъявляемые единицы могут находиться в разнообразных отношениях друг с другом (синонимических, антонимических, градуальных по какому-либо признаку) или эти отношения могут отсутствовать.

Материал для подобных заданий на кафедре РКИ филологического факультета МГУ нередко берётся из учебного пособия по аудированию для иностранных филологов (Грекова, Кузьминова 2010. 8-27).

Задания на осложнённые ассоциации. Учащимся предъявляют две, три или четыре единицы и при поиске ассоциаций допускаются дополнительные действия над ними, такие, например, как изменение грамматической формы слова и использование предлогов: *часы, скрипка, единство (мастер по часам/ часовой мастер, скрипичный мастер, единственный мастер).*

Такая деятельность подходит только для групп продвинутого этапа обучения. Внимание развитию ассоциативного мышления может уделяться преподавателями на занятиях по лексике, грамматике, развитию речи письменной и устной – как на материале общелитературного языка, так и на материале языка специальности. Подобного рода задания могут быть включены также в так называемые лексико-синтаксические диктанты.

Активнейшим методом поиска ассоциаций является работа учащихся в группе, или так называемый брейнсторминг. Типы заданий предлагаются те же, но выполняют их все члены группы, последовательно «бросая» идеи в общую «копилку». Ассоциации записываются на доске, не будучи

регламентированы особыми дополнительными правилами, но подлежат обсуждению. Удивление, несогласие, разногласия по поводу высказанных идей, как правило, способствуют порождению новых связей и ассоциаций, умножая их число довольно значительно. Резкая критика идеи должна быть исключена, насколько бы непривычной и индивидуальной она ни была.

Целью дискуссии является отбор наиболее популярных в группе ассоциаций без ранжирования их по степени привлекательности и без указания авторства. Авторство всех без исключения ассоциаций признаётся не индивидуальным, а коллективным.

Ассоциативное мышление психологами уже давно было признано поддающимся развитию. Некоторые исследователи утверждают, что ассоциация при восприятии письменного текста – это только рефлекс головного мозга на поступившую по зрительному каналу информацию, но всё же внешние воздействия некоторым образом записываются в нашей памяти и в случае повторного воздействия сходных составляющих начинает работать ассоциативная память, которая намного сложнее и глубже рефлекса.

Заключение

Таким образом, включение в практический курс иностранного языка (РКИ) специальных заданий на развитие ассоциативного мышления тренирует оба полушария мозга и вырабатывает привычку к более объёмному видению и осмыслению проблемы, прорисовывая новые возможные связи рутинных явлений.

Российская материалистическая психология мышления, в отличие, скажем, от английской или американской, исходит из диалектической логики. Можно думать, что ассоциативное мышление не чуждо логике индивида и способствует развитию его креативного потенциала. Методика встречного текста, представленная разнообразно, динамично и подчас незаметно для учащегося в разных аспектах курса РКИ, развивает общее умение концентрироваться и совершенствует разные виды речевой деятельности.

У каждого реципиента своя стратегия обработки получаемой информации и, практикуясь в учебном комментировании, совершенствуя возможности ассоциативного мышления, учащийся расширяет диапазон доступных для него стратегий.

Пользуясь методом встречного текста, мы выстраиваем в сознании учащегося интерактивную модель понимания. Изучение понимания как мыслительного процесса в его разнообразных формах, несомненно, должно быть продолжено.

Приложение. Образец текста по специальности *филология* для создания встречного текста.

Из очерка дворянского быта онегинской поры.

На общем фоне быта русского дворянства начала XIX века, «мир женщины», при всей невозможности его полностью отграничить и обособить, выступал как весьма своеобразная сфера. [1].

Образование девушек очень отличалось от образования юношей и, в основном, было домашним [2]. Для этого приглашались учителя, известные в определённом кругу. Занимаясь ненапряжённо несколько лет двумя-тремя иностранными языками, основным среди которых в то время по некоторым историческим причинам считался французский, они ограничивались навыками бытового разговора [3]. Начинали практиковаться они, беседуя с членами своей семьи.

Довершали женское образование самые основы географии, истории и русской словесности, то есть родного языка и литературы [4]. Достаточно было получить только общие представления об этих областях, чтобы уметь поддержать беседу.

Крайне важным считалось умение грациозно танцевать и держать себя в обществе [5]. Очень приветствовались самые элементарные навыки рисования, пения и игры на музыкальном инструменте, главным образом, фортепиано [6].

Значительную часть кругозора молодой дворянки с начала XIX века определяли книги [7]. Условно говоря, это было поколение Татьяны Лариной

из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» – барышни «с французской книжкой в руках». А ведь ещё в XVIII веке читающая девушка была редкостным явлением.

Хотя, как уже было сказано, в семье уделялось внимание и образованию молодой дворянки, всё-таки главной целью было сделать из девушки привлекательную невесту и в дальнейшем достойную жену [8]. Естественно, что со вступлением в брак всякое образование прекращалось.

В брак молодые дворянки в начале XIX века вступали рано. Правда, вопреки традициям XVIII века с замужеством 14- и 15-летних девочек в XIX веке нормальным возрастом для брака сделались 17 – 19 лет [9].

/ По книге: Ю.Н. Лотман. «Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий».

Литература

- Грекова О.К. (2012). *Общие и частные проблемы аудирования учебных лекций и принципы создания учебного комплекса по аудированию для иностранных аспирантов-лингвистов*. Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. №3. Москва. Изд-во «МГУ». С.36-41.
- Грекова О.К., Кузьмина Е.А. (2010). *Я слышу и понимаю. Учебное пособие по аудированию с CD-MP3*. Москва. Изд-во «Флинта».
- Давлетова Я.А. (2012). *Психологическое исследование особенностей понимания библейских текстов. Дис...канд. филол. наук*. Уфа. www.dissers.ru. 13.07.15
- Жинкин Н.И. (1982). *Речь как проводник информации*. Москва. Изд-во «Наука».
- Кирсанова И.В. (2007). *Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. Автореф. Дис...канд. филол. наук*. Уфа. Изд-во «БашГУ».
- Леонтьев А.А. (2005). *Основы психолингвистики*. Москва. Изд-во «Смысл».
- Милорадова Н.Г. (2000). *Мышление в дискуссиях и решениях задач*. Москва. Изд-во «Ассоциации строительных вузов».
- Новиков А.И. (2003). *Текст и контекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики*. №1. С.64-76.
- Пешкова Н.П. (2013). *Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов)*. Вестник Томского государственного университета. Филология. №5 (25). С.48-53.

Русский язык и культура в современном мире: Магистерская программа (2015). Под ред. М.Л. Ремнёвой, Л.В. Красильниковой, Е.А. Кузьминовой. Москва. Изд-во «МАКС Пресс». 2015.

Bibliography

- Grekova O.K. (2012). *Obshhie i chastnye problemy audirovanija uchebnyh lekcij i principy sozdanija uchebnogo kompleksa po audirovaniju dlja inostrannyh aspirantov-lingvistov*. Vestnik CMO MGU. Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. №3. Moskva. Izd-vo «MGU». S.36-41.
- Grekova O.K., Kuz'minova E.A. (2010). *Ja slyshu i ponimaju. Uchebnoe posobie po audirovaniju s CD-MP3*. Moskva. Izd-vo «Flinta».
- Davletova Ja.A. (2012). *Psichologicheskoe issledovanie osobennostej ponimaniya biblejskih tekstov*. Dis...kand. filol. nauk. Ufa. www.dissers.ru. 13.07.15
- Zhinkin N.I. (1982). *Rech' kak provodnik informacii*. Moskva. Izd-vo «Nauka».
- Kirsanova I.V. (2007). *Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizacija individual'nyh strategij ponimaniya*. Avtoref. Dis...kand. filol. nauk. Ufa. Izd-vo «BashGU».
- Leont'ev A.A. (2005). *Osnovy psicholingvistiki*. Moskva. Izd-vo «Smysl».
- Miloradova N.G. (2000). *Myshlenie v diskussijah i reshenijah zadach*. Moskva. Izd-vo «Associacii stroitel'nyh vuzov».
- Novikov A.I. (2003). *Tekst i kontrtekst: dve storony processa ponimaniya // Voprosy psicholingvistiki*. №1. S.64-76.
- Peshkova N.P. (2013). *Psicholingvisticheskaja interaktivnaja model' ponimaniya teksta (na materiale tekstov razlichnyh tipov)*. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. №5 (25). S.48-53.
- Russkij jazyk i kul'tura v sovremennom mire: Magisterskaja programma* (2015). Pod red. M.L. Remnjovoj, L.V. Krasil'nikovoj, E.A. Kuz'minovoj. Moskva. Izd-vo «MAKS Press». 2015.

**Сравнительный анализ способов терминообразования в
таджикском и русском языках
(на примере «Наводир-ул-вакоеъ» Ахмада Дониша)**

Фатима Асад*

Канд. филологических наук, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

Махдии Мухаммадбегии Косвои**

Канд. филологических наук, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

Ширин Хаитова***

Доцент, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

(дата получения: июль 2015 г.; дата принятия: декабрь 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматриваются взгляды русских и таджикских языковедов, исследовавших проблемы терминологии, история формирования лингвистического направления в исследовании терминологии, история употребления слов «термин» и «профессионализм». Авторы статьи отмечают, что многочисленные исследования, посвященные изучению терминосистем различных языков, обнаруживают черты и специфические моменты, свойственные исследуемой лексике, что огромное количество терминов образованы на основе переосмысления общеупотребительных слов. Опираясь на известных таджикских лингвистов, авторы статьи также отмечают, что на становление и обогащение научной терминологии таджикского языка оказал влияние арабский язык, игравший в тот период роль международного языка. В статье проводится сравнительный анализ терминологических единиц известного произведения великого таджикско-персидского ученого и просветителя Ахмада Дониша «Наводир-ул-вакоеъ». Авторами статьи проведен анализ способов образования терминов различных отраслей: просвещения, истории, астрономии, географии в русском и таджикском языках. В ходе исследования было установлено, что Ахмад Дониш в своем произведении наряду с общеупотребительной лексикой широко использовал и термины, состоящие как из исконно персидских, так и из единиц, заимствованных из арабского языка.

Ключевые слова: таджикский язык, русский язык, терминология, термин, суффикс, префикс.

* E-mail: sh.asad90@yahoo.com

** E-mail: mahdimb@yahoo.com (Ответственный автор)

*** E-mail: haitova@inbox.ru

Введение

Терминоведение – наука, изучающая специальную лексику с точки зрения её типологии, происхождения, формы, содержания (значения) и функционирования, а также использования, упорядочения и создания.

Развитию терминологии, как самостоятельной области науки, способствовала стандартизация, зародившаяся во время первой мировой войны. В это время была проведена огромная работа над различными терминологическими системами.

Исследование терминов в России было начато в начале XX в., когда был создан Комитет научно-технической терминологии АН СССР, первыми руководителями которого были С.А. Чаплыгин и Д.С. Лотте. На становление терминологии, как науки о терминах, в СССР оказали влияние взгляды зарубежных исследователей Е. Вюстера и других, а также основателей русской терминологической школы Г.О. Винокура и А.А. Реформатского.

В середине XX в. было распространено слово «профессионализм», которое русские исследователи переняли у испанского ученого Х. Касареса, назвавшего данной лексемой раздел своей книги «Введение в современную лексикографию».

Н.М. Шанский в книге «Лексикология русского языка» также использует слово «профессионализм», которое, обладая четкой мотивированностью, указывает на определенную сферу функционирования лексемы.

В 20-е гг. XX в. П. Флоренский в статье «Термин» соотносит свойства термина со свойствами языковой единицы. В середине прошлого столетия слово «термин» было заимствовано лингвистикой, появились работы, сформировавшие лингвистическое направление в исследовании терминологии, в них рассматривались собственно лингвистические проблемы термина как языкового знака (Винокур, 1925; Будагов, 1940).

В современной лексикологии стали четко разграничивать слова «профессионализм» и «термин». Как отмечают И. Куликова и Д. Салмина, А.В. Калинин видел разницу между термином и профессионализмом в том,

что «термин – это совершенно официальное, принятое и узаконенное в данной науке <> название какого-то понятия, а профессионализм – полуофициальное слово, распространенное (чаще в разговорной речи) среди людей какой-то профессии, специальности, но не являющееся, в сущности говоря, строгим, научным обозначением понятия» (Куликова, Салмина 2002. 11-12).

Во второй половине XX в. под термином стали понимать «слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим какой-либо области знаний или деятельности» (Гринев 1993. 26).

В настоящее время существуют различные способы (синтаксический, морфологический, семантический) образования терминов.

В современной терминологии встречается значительный пласт терминов, которые образованы на основе переосмысления общеупотребительных слов, процесс терминологизации которых достаточно широко исследован в лингвистике по терминологии.

Еще в 70-е гг. В.П. Даниленко писал: «В современной научно-технической и других терминологиях используется множество семантически переосмысленных слов общелитературного языка, преимущественно отвлеченного значения: «усталость», «хрупкость», «твердость», «стойкость», «выносливость», «темперамент» и т.п.» (Даниленко 1977. 100-101).

Исследуя превращение обычных слов в научно-технический термин, Д.С. Лотте отмечал различные типы изменения значения слов: специализацию слова; расширение семантики слова; изменение семантики слов по аналогии понятий и по смежности понятий (Лотте 1961. 121). В его «трудах был заложен «инженерный» подход к терминологии, когда к термину предъявлялся ряд определенных требований: он должен быть точным, объективным, нейтральным, стандартным» (Алексеева 1990. 3).

Общность процесса семантической деривации, характерный для лексической системы в целом, подчеркивал А.А. Реформатский, который указывал, что при образовании новых терминов из общеупотребительной лексики можно наблюдать все виды семантического изменения слов,

(Реформатский 1994.16). «Деривационный аспект рассмотрения терминологических проблем способствует выяснению характера взаимодействия терминологического понятия и самого термина в тексте, определения роли и места терминологизации в процессе вербализации знания и развития научной мысли» (Алексеева 1990. 9).

Терминосистемы и в частности термины, как целый пласт лексики, были неоднократно рассмотрены как таджикскими, так и в русскими лингвистами, в чьих работах достаточно хорошо освещены лингвистические особенности терминов.

Проблемы лингвистической терминологии рассматривали языковеды Н.Б. Кузьмина (1971), С.Д. Шелов (1976, 1995), А.В. Власов (1984), В.М. Лейчик (1989), В.Н. Немченко (1991), И.Б. Чемерис (1999), Н.М. Локтионова (2001), Д.Салмина, И. Куликова (2002), А.Ш. Давлетукаева (2002), М.В. Косова (2003), О.А. Зяблова (2005) и др.

Сравнительно-сопоставительному исследованию терминологии посвящены работы С. Сулак (2006), И.Ю. Хмелевской (2006), И.Ю. Бережанской (2005), М.В. Оганесян (2003), Е.Е. Мироновой (2001), Л.М. Алексеевой (1990), А.С. Гринева (2004), Д.О. Попова (2003) и мн. др.

Исследованию терминологии таджикского языка, его различных аспектов посвящены научные труды таджикских ученых Т. Бердиевой (1979), Ш. Хаитовой (2010, 2013), Т.С. Шокирова (2011), М.Х. Султонова (2012), С.Г. Сабировой (2013), З.А. Назаровой (2013), Н.С. Назаровой (2014) и др.

Исследование термина традиционно проводилось в трех аспектах:

– тематический (проводилось изучение отдельных тематических групп терминов: предметы и орудия труда, свойства и качества предметов, явлений действительности, наименования лиц различных профессий и т.п. (Денисов, 1965; Шелов, 1982; Шкатова, 1986 и др.);

– структурно-семантический (термин определяли как специальную лексему, подвергались изучению модели терминообразования, структура термина и его семантика (Даниленко, 1967; Алексеенко, 1972; Канделаки,

1977; Реформатский, 1959; Носкова, 1987 и др.);

– диахронический (при котором ставилась цель восстановления авторства термина, либо определение истории возникновения терминосистемы, термина (Деборин, 1957; Боброва, 1981; Кутина, 1966; Костюк, 1986 и др.). Все эти аспекты объединяет то, что: термины исследуются как языковые единицы, они подвергаются анализу после акта терминообразования, и их изучение проводится в рамках лексического уровня.

Системность, или систематичность термина понимается по-разному: как классификационная сущность, как системность словообразовательная, как системность вдвойне: термин как элемент терминологической системы, с одной стороны, и как элемент системы языковой, с другой. Еще А.А. Реформатский указывал на тенденцию систематичности термина.

Анализ трудов крупнейших современных лингвистов, посвятивших свои исследования проблемам терминологии и терминоведения, свидетельствуют о том, что они, безусловно, опирались на знания древних восточных и западных ученых-лингвистов.

Из тех признаков, которыми исследователи терминологии и языка науки наделяют термин, на наш взгляд, важнейшими являются те, которые отвечают следующим требованиям:

а) однозначность (в определенной науке термин выражает одно конкретное научное понятие);

б) четкость (по своим грамматическим параметрам термин должен быть безупречным);

в) компактность (термин должен быть по мере возможности кратким, лаконичным);

г) композитивность (термин обладает качествами словообразования и словопроизводства, чтобы на этой основе образовались новые термины для выражения других понятий);

д) фонетическое соответствие (термин, который выбирается или создается, заимствуется для выражения новых понятий, должен быть по мере

возможности благозвучным и не противоречить звуковым и фонетическим нормам языка).

Мы согласны с Л.В. Морозовой в том, что при использовании различных способов систематизации терминов их можно группировать по разным основаниям: по содержанию, по языковой форме, по функции, внутриязыковым и внеязыковым признакам. Все эти непересекающиеся классификации, очевидно, важны и необходимы. В типологии термины должны быть распределены по некоторым существенным признакам, которые присущи терминам (Морозова 1970. 5).

В настоящее время развиваются области науки и техники, имеющие самостоятельные предмет, объекты, методы и структуру, например, научная область химии с ее разделами, физики с ее разделами, техническая область строительства, техническая область ракетостроения, общественная область социологии и т.д. В этом плане отраслевая терминология отличается от общенаучной и общетехнической терминологии, предмет и объекты которой не имеют строго очерченной сферы. Также она отличается от узкоотраслевых терминологий и многоотраслевой терминологии естественных, технических, общественных наук, к которым в последнее время добавились группа гуманитарных и методологических наук. Понятно, что количество отраслей науки и техники изменяется от эпохи к эпохе. По подсчетам разных ученых, количество наук в последнее десятилетие удвоилось, в связи с этим удвоилось количество отраслевой терминологии. Наряду с научными терминами существуют технические, экономические, медицинские, общественно-политические и гуманитарные термины, что соответствует сложной структуре современной общественной жизни.

Сегодня большинство лингвистов и терминоведов признают присутствие лексического значения в терминах. По мнению подавляющего большинства исследователей, смысл термина заключается в его дефиниции. Из этого следует, что терминами могут быть только те слова, которые обладают «обязательной научной дефиницией» (Мирзоев 1992. 76-78).

Некоторые исследователи указывают на такое свойство термина, как однозначность, то есть отсутствие явления синонимии и омонимии, свойство которое термин приобретает лишь в составе определенной терминологии, о которой А.А. Реформатский писал: «терминология для термина является тем «полем», которое дает ему точность и однозначность, и вне которого слово теряет свою характеристику термина» (Реформатский 1994. 135).

Основная часть

В истории терминологии таджикского языка насчитывается шесть этапов развития. Но процессы терминотворчества на этих этапах протекали с разной интенсивностью и плодотворностью, которые зависели от многих мыслителей, ученых, поэтов, писателей, литераторов, сыгравших огромную роль в становлении и формировании художественной терминологии.

Говоря о терминологии и терминологии в древних персидско-таджикских классических произведениях можно отметить, что основным средством обогащения лексического состава языка является словообразование. Аффиксальный способ образования продуктивен в терминосистемах как русского, так и таджикского языков.

Русский языковед Ю.А. Рубинчик определил четыре основных способа образования существительных и прилагательных:

- 1) словообразование при помощи аффиксов,
- 2) основосложение – соединение именных и глагольных основ,
- 3) лексикализация словосочетаний,
- 4) переход других частей речи в существительные и прилагательные (Рубинчик 1985. 133-140).

Л.С. Пейсиков указывает на пять наиболее употребляемых способов словообразования: аффиксация, полуаффиксация, транспозиция, словосложение и лексикализация словосочетаний.

По словам русского языковеда В.С. Расторгуевой в таджикском языке существует два основных способа словообразования: словосложение и

словопроизводство, как словообразование с помощью вспомогательных языковых элементов – аффиксов.

Авторы почти всех исследований по терминологии и лексикологии выделяют три основных способа именного словообразования: суффиксация, префиксация и сложение основ.

Словообразование в таджикском языке возможно также путем совмещения суффиксации и префиксации; сложения основ и суффиксации; сложения основ и префиксации; сложения основ, суффиксации и префиксации.

Исходя из того, что терминология подчиняется тем же законам, что и обычная лексика любого языка, способы терминообразования и терминопредварения в классических художественных памятниках литературы рассматривались по следующей схеме: морфологический способ с помощью префиксов и суффиксов, играющих важную роль при образовании терминов.

Знаменитый писатель, ученый и просветитель Ахмад Дониш оказал огромное влияние на развитие передовой общественно-политической мысли народов Средней Азии конца XIX и начала XX в., на развитие реалистической литературы.

Исследованию жизни и деятельности Ахмада Дониша посвящены фундаментальные работы А. Богоутдинова, Х. Мирзо-заде, Н. Масуми, А. Мирзоева, С. Улуг-заде, И. Брагинского, Р. Хади-заде, З. Раджабова и других учёных. В отдельности освещением данной тематики более подробно занимались в Таджикистане Носирджон Масуми в своей монографии «Забон ва услуби Ахмади Дониш» (Язык и стиль Ахмада Дониша), автор сборника статей «Калимасозии касби-сохави дар «Наводир-ул-вакоеъ»-и Ахмади Дониш» («Отраслевые словосочетания в «Наводир-ул-вакоеъ» Ахмада Дониша), Раупова Р.Х. и другие.

Особого внимания заслуживает книга М. Шакури «Забони мо – хастии мо», содержащая конкретные суждения о языке прозы А. Дониша, в том числе и его «Наводир-ул-вакоеъ».

Лингвистический анализ лексики произведения подтверждает, что

лексический состав таджикского языка богат терминами: *пазирої кардан*, *кабул кардан*, *пазируфтан* (принимать, соглашаться, допускать, одобрять); *истикбол кардан* (встречать), *шинохтан*, *эйтироф кардан* (признавать). В своем произведении «Наводир-ул-вакоеъ» при изображении жизненных ситуаций Ахмад Дониш использовал многочисленные отраслевые термины, образованные из исконно таджикских слов и словосочетаний, которые приобретают «новую, вторую жизнь»: *аъднома* (соглашение, договор); *армуғон* (дар, гостинец); *бозоргони* (торговля); *бўстонсаро* (резиденция); *гуреза* (беженец); *гуфтуғу* (разговор, беседа); *гуфтушунид* (переговоры); *девон* (министерство), *дуњави* (светское), *савганд* (присяга инаугурация); *сарвар*, *сардор* (правитель, руководитель, глава) и т.п.

Еще одним способом обогащения словарного состава языка является заимствование. Заимствование и калькирование терминов указывают на тесные языковые и культурные контакты носителей таджикского языка с арабами, греками, индийцами, евреями, сирийцами и другими древними народами. Иначе говоря, заимствования из других языков играли важную роль, особенно на начальном этапе формирования научной терминологии на таджикском языке, служили взаимообогащению культур, и, соответственно, обогащению лексического фонда языка.

В связи с распространением ислама и расширением арабского халифата на Ближнем Востоке, в Иране, Центральной Азии и др. арабский язык играл роль международного языка: *сафири фавқуллодда* (чрезвычайный посол), *сафири пазируфташуда* (признанный посол). В течение длительного периода арабский термин «сафир» употреблялся в форме *фиристода*, *расул*, а в период распада (таназул) государства таджиков употреблялась форма *элчи*.

Как отмечает известный таджикский ученый С. Сулаймонов, «Влияние арабского языка особенно ощутимо на лексический фонд таджикского языка и становление его научной терминологии, потому что он способствовал развитию и расширению таджикского языка и сегодня также является важным источником создания новых слов и терминов» (Сулаймонов 1997. 29).

Ахмад Дониш хорошо знал не только таджикский язык, он владел также арабским, русским, узбекским, турецким и другими языками. Органическую часть таджикской научной терминологии составляют заимствования и калькированные переводы терминов, широко использованных автором произведения, например, *сафир* (посол), *фиристода* (посланник), *расул* (посланец), *намоянда* (представитель), *пайк* (курьер), *элчи* (посол, гонец). В своем произведении автор опирался в основном на лексику таджикского языка, где основная роль принадлежит исконным словам: *шаъкоса*, *чалака*, *яхні*, *кунъора*, *латта*, *сим* и т.п. Однако, он широко использует и термины, заимствованные из арабского языка, при толковании которых иногда использует таджикские слова.

Таджикский лингвист Н. Масуми пишет: «Большинство арабских терминов, использованных в произведении в качестве установленной языковой нормы того времени, в современном таджикском языке не нуждаются в пояснении, например: *маъкула*, *доия*, *мутакоид*, *лоъарам*, *тафарруль*, *ильоъ*, *тамъид*, *самои мофилияд*, *инсироф*, *садди рамак* и т.д.» (Масуми 1976. 94).

В своем произведении Ахмад Дониш использовал большое количество арабских однокоренных слов, которые образованы путем внутренней флексии, характерной арабскому словообразованию. Как известно, в арабском словообразовании в качестве производной основы выступает не корень слова в общепринятом значении, а так называемые «корневые буквы», состоящие, в основном, из трех согласных, например, *мударрис* (учитель, преподаватель) – *тадрис* (преподавание, обучение) образованные от слова *дарс* (урок) с корневыми буквами *д*, *р*, *с*, также слова *таълим* и *таалум* (изучение, обучение), образованные от общего корня *илм* (наука, знание). Сюда же можно отнести и другие термины: *муаллим*, *олим*, *маълум* (учитель, ученый, познанный/известный).

Иногда вместо арабских терминов автор использует синонимы, их эквиваленты из таджикского языка, например, вместо арабского *илм* (знание) –

донши, вместо *мударис* (учитель) – *муаллим*, *устод*; вместо *сони* – *дуввум* (второй, во-вторых), *акила* – «*пойбанд*» (раб), *хукамо* – *доншимандон* (мудрецы, ученые), *калам* – *медод* (карандаш), *камар* – *моъ* (месяц), *шамс* – *хуриед* – *офтоб* (солнце), *наъм* – *ситора* (звезда, планета), *арз* – *замин* (земля), *осмон* – *гардун*, *фалак*, *чарх* (небо) и др.

Употребление терминов-синонимов можно встретить и в русском языке: *независимый* – *автокефальный*, *автократический*; *самобытный* – *оригинальный*, *абсолютный*; *соглашение* – *компромисс*, *гешефт*; *содержание* – *сюжет*, *фабула*; *сторож* – *конвойный*, *цербер*; *сходство* – *аналогия*, *аналогичность*; *отказ* – *абдикация* (отречение; отказ от сана и власти правителя); *агент* – *филер*, *провокактор*.

В своем произведении Ахмад Дониш использовал термины, состоящие не только из простых слов (*арз*, *арш*, *фалак*, *офтоб*, *ситора*, *хуриед*, *намал*, *моъ*, *Миррих*, *Саратон*, *Зуъра*, *Кавкаб*, *сипеър*), в произведении встречаются также сложные и производные слова, в том числе форма множественного числа имен, образованных от имен собственных, перешедших в имя нарицательное: «*льабобира*» от «*Льаббор*», «*льабр*» (произвол), «*кайёсира*» от «*Кайсар*» (Цезарь), «*акосира*» от «*Касро*».

В русском языке можно наблюдать употребление «собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального (широко известного по литературе, истории и т.п.) носителя этого имени: *Морфей* в м. *сон*, *Отелло* в м. *ревнивец*» (Ахманова 1966. 50).

В произведении широко используются этнонимы, например: *салтанат* и производные этого слова: *салотин*, *султон*; *мамлакат* – *мулк*, *малик*, *мулук*, *тамлик* и т.п., что можно наблюдать и в русском языке: *синедрион* (совет старейшин в древней Иудее; ареопаг, суд); *самовольство* (суд Линча – отсюда: линчевать).

Большое количество производных слов образуют сложные термины, отдельные компоненты которых обладают самостоятельным лексическим значением, например, термин *тўпхона* «место расположения пушек» –

«тўп»+«хона» – «пушка» и «дом».

Сложные термины можно встретить и в русском терминообразовании, например: *клетомания*, *взаимодействие*, *злоупотребление*, *мировоззрение себестоимость*, *документооборот* и т.п.

В «Наводир-ул-вакоеъ» используются термины, имеющие форму единственного числа со значением множественности (*исмъои льомеъ*). Для усиления значения множественности иногда к ним прибавляются суффиксы множественного числа: *ахборот* (известие, информация), *наботот* (флора), *маъданиёт* (полезные ископаемые), образованные с помощью суффикса –*от/-ёт*.

В русском же языке можно наблюдать процесс лексикализации форм множественного числа: *средства* (деньги), *часы* (настенные), *разводы* (узоры), *леса* (на стройке).

Дефиниции терминов показывают, что в русском языке также возможны случаи употребления формы единственного числа для обозначения одного понятия, хотя чаще в качестве терминов выступают формы множественного числа: *сети* (нейронные), *сообщения* (военные), *крепления* (лыжные).

В терминологии протекают такие же языковые процессы, и здесь весьма трудно избежать явления омонимии. Заимствование, как способ словообразования, способствует наличию одинаково звучащих лексических единиц с различными понятиями в разных отраслях знания, либо употребление одной лексемы для обозначения нескольких понятий.

Анализ языкового материала наряду с синонимами позволил выявить также термины-омонимы (*калимаъои њамгун*, *њамнависаъо*), например, в словах «*рубъ*» и «*рабъ*», которые отличаются по значению, но имеют одинаковую форму написания. Некоторые термины схожи как написанием, так и произношением: *альром* (раздел астрономии) и *альром* (форма мн.ч. от *ч ирм* (небесное тело, звезда) и *ч урм* (грех, преступление)); *вилоят* (править, повелевать, царствовать; любить, родство) – *вилоят* (район, провинция, управляемая одним хакимом); *тибб* (медицина) – *тибб*

(лекарство для тела, для души) – *тибб* (деликатность, любезность, благородство); *китобат* (письмо, писать, ошибки) – *китобат* (секретарь, писарь, переписчик); *сарф* (вращать, возвращать, предотвратить беду, расстроить, свергнуть, использовать, расходовать, тратить время, продукты) – *сарф* (течение времени, смена эпох, день и ночь, смена времени) – *сарф* (разница в цене товара, при размене золотой монеты на серебряные или медные); *арӯз* (самка верблюда) – *арӯз* (метрическая система таджикско-персидского стихосложения; последняя стопа первой строки стиха; метрика, просодия); *тасвир* (изображение, образ; картина; рисунок) – *тасвир* (изображение (в графике, живописи)).

Слова, входящие в терминосистемы одновременно являются и общеизвестными, и специальными: *акт* (*официальный документ*) – *акт* (*действия должностных лиц*); *баланс* (*количественное соотношение, состоящее из двух частей*) – *баланс* (*документ, отчет фирмы*). Для некоторых терминов характерно включение как в терминосистему, так и в общеупотребительный язык: *спутник* (*искусственный*) – *спутник* (*Земли*), *отток* (*воды*) – *отток* (*капитала*).

Ахмад Дониш в своем произведении наряду с терминами-словами использовал и термины-словосочетания, образованные синтаксическим путем, элементы которые соединяются подчинительной связью: согласованием, управлением, примыканием: *мизбони безабон* (молчаливый, немой хозяин дома), *арбоби қалам* (воспитатель, человек, достигший вершин науки), *аҳли қалам*, *аҳли сухан*, *акли қул* (первичный ум), *шеъри муъаррад* (простое стихотворение, простая музыка) (*муъаррад* здесь в значении «один»), *чархи баланд*, *чархи дулобӣ*, *чархи кабуд* и другие, в русском языке также употребляются термины-словосочетания: *соблюсти декорум*; *настройка конфигурации*, *платежное поручение*, *юридическое лицо* и т.п.

Термины-словосочетания в русском языке, будучи в родственных отношениях с терминами, образованными различными способами, противостоят категоричностью и отсутствием каких-либо формальных

признаков, например, *стекловидное тело* (хрусталик), *гусеничная цепь* (гусеница) и т.п.

Арабский язык настолько проник в грамматику таджикского языка, что по его законам строятся сложные слова, словосочетания и языковые конструкции:

1) в составе языка нередко применяются описательные конструкции: (таркибҳои васфӣ): *љавоъироти арзӣ* (драгоценные камни), *арши аъзам* (великое и бесконечное (о небе), *рубъи маскун* (одна четвертая часть), *масоъати маъмура* (заселенная местность, площадь) и т.п.

2) изафетные конструкции: *маволиди сулса* (рождение), *маволиди сало* (рождение тройни, намек на минерал, вещество, животное), *матлаи хамал* (точка восхода солнца), *мағриби мизон* (точка восхода луны), *шаи љиъат* (шесть сторон света, шесть направлений), *куравияти арз* (форма земли), *ахбороти осмонӣ* (информация о космосе, о небесных телах), *кавокиби сабъа* (семь планет), *њадиси кудсӣ* (божественный хадис), *дабирии доруссалтанат* (дворцовый писатель).

Анализ языкового материала показал, что и в таджикском, и в русском языке, наиболее продуктивными оказались префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный способы образования слов, а также заимствование.

Как в таджикском, так и в русском языке широко представлена префиксация. В таджикском языке наиболее продуктивными являются префиксы: *абар-*, *андар-дар-*, *бар-*, *ба-*, *боз-*, *бе-*, *фаро-*, *хам-* и др., в русском – префиксы *вы-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *по-*, *при-*, *про-* и т.д.

В рассматриваемых языках широко представлена и суффиксация. В таджикском языке наиболее употребительными оказались суффиксы: *-а*, *-ак*, *-анда* (*янда*), *-а*; *-ал*, *-ан* (*-ган*, *-ян*), *-ана* (*-гона*, *-яна*), *-ам*, *-аванд* (*-ванд*), *-бар*, *-да*, *-фас*, *-сир* и др.

В русском языке это чаще всего встречаются суффиксы *-ье*, *-ин(а)*, *-ник*, реже – суффиксы *-ка*, *-ец*, *-ность*, *-ок*, *-ик*. При помощи суффикса *-ин(а)* в

зависимости от характера мотивирующего слова передаются разные значения: «носитель процессуального признака» и «носитель предметного признака». Также могут обозначать пространство, место, участки, территории, названия объектов и т.д. Существительные, образованные с помощью суффикса *-be* обозначают пространство, место, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом.

Заключение

Таким образом, состояние литературного языка, включая систему художественной терминологии, является фактическим показателем уровня интеллектуального развития того или иного этноса на определённом отрезке истории человеческой цивилизации. Иными словами, термин – это зеркало, отражающее результат мышления говорящего, который является индивидом общества. Более того, развитая система терминов способствует подготовке соответствующей почвы для появления новых отраслей знаний, подготавливает язык и мышление к восприятию новых понятий, поднимает на новые ступени уровень их интеллектуальной пригодности. Поэтому подготовленность любого языка к сложным интеллектуальным начинаниям проявляется при изложении научной мысли. С этой точки зрения произведение Ахмада Дониша «Наводир-ул-вакоеъ» является кладезем богатого лексического материала, на основе анализа которого раскрывается потенциал и неиспользованные возможности таджикского языка. Исследование лексики произведения внесет весомый вклад в определение основ и факторов становления и развития таджикской терминологии, как в синхронном, так и в диахронном аспектах ее развития.

Анализ терминологических единиц «Наводир-ул-вакоеъ» Ахмада Дониша свидетельствует о том, что основными особенностями терминологии данного периода являются использование традиционных норм словообразования таджикского языка, перевод новых терминов на таджикский язык с

использованием исконно персидских и арабских слов и словосочетаний, с соблюдением фонетических особенностей таджикского языка, перевод и комментариев этих терминов.

В ходе анализа было выяснено, что большинство терминов, использованных в произведении, относятся и к исконно арабской лексике. Это еще раз указывает на особенность системы образования персоязычных народов классического периода, где в научной сфере жизни наиболее ярко выражено влияние арабского языка. Благодаря обильному заимствованию арабизмов в языке того периода постепенно вышли из употребления их таджикские эквиваленты. В современный период развития таджикского языка наблюдается процесс вытеснения арабских терминов исконно таджикскими словами или вновь образованными терминами на основе словообразования таджикского языка.

Литература

- Алексеева Л.М. (1990). *Деривационный аспект исследования термина и процессов терминообразования (на материале научно-технической терминологии русского и английского языков)*: Автореф. ... к. ф. н. Пермь.
- Асад Фатима (2014). *Семантические особенности отраслевых терминов в «Наводир-ул-вакоъ» Ахмада Дониша*; Автореф. ... к.ф.н. Душанбе, Таджикистан.
- Ахманова О.С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. Москва. Изд-во «Сов. Энциклопедия».
- Гринев С.В. (1993). *Введение в терминоведение*; Москва. Изд-во «Московский лицей».
- Даниленко, В.П. (1977). *Русская терминология. Опыт лингвистического описания*. Москва. Изд-во «Наука».
- Куликова И. Салмина Д. (2002). *Введение в металингвистику*. Санкт-Петербург. Изд-во «Сага».
- Лотте, Д.С. (1961). *Основы построения научно-технической терминологии*. Москва. Изд-во «АН СССР».
- Масуми, Н. (1976). *Язык и стиль Ахмада Дониша*. Душанбе. Изд-во «Дониш». (на тадж. языке).

- Мирзоев А. (1992). *Краткая история Бухарских мангитов*. Душанбе. Изд-во «Сарват».
- Морозова Л.А. (2004). *Терминознание: основы и методы*; Москва. Изд-во «Прометей».
- Пейсиков Л.С. (1975). *Очерки по словообразованию персидского языка*. Москва. Изд-во «МГУ».
- Реформатский А.А. (1994). *О некоторых вопросах терминологии. История отечественного терминоведения. Хрестоматия. Т.1.* Москва. Изд-во «РоссТерм».
- Реформатский А.А. (1994). *Термин как член лексической системы языка, История отечественного терминоведения. Хрестоматия. Т.1.* Москва. Изд-во «РоссТерм».
- Рубинчик Ю.А. (1985). *Новая лексика персидского языка и пути ее пополнения, Иранское языкознание*. Москва. Изд-во «Наука». С. 133-140
- Сулаймонов С. (1997). *Формирование терминологии таджикской философии (на материале «Донишнома» Ибн Сины)*. Душанбе. Изд-во «Допиш».

Bibliography

- Alekseeva L.M. (1990). *Derivacionnyj aspekt issledovanija termina i processov terminoobrazovanija (na materiale nauchno-tehnicheskoi terminologii russkogo i anglijskogo jazykov)*. Avtoref. ... k. f. n. Perm'.
- Asad Fatima (2014). *Semanticheskie osobennosti otraslevykh terminov v «Navodir-ul-vakoe#» Ahmada Donisha*. Avtoref. ... k.f.n. Dushanbe, Tadjhikistan.
- Ahmanova O.S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva. Izd-vo «Sov. Jenciklopedija».
- Grinev S.V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie*. Moskva. Izd-vo «Moskovskij licej».
- Danilenko, V.P. (1977). *Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisanija*. Moskva. Izd-vo «Nauka».
- Kulikova I. Salmira D. (2002). *Vvedenie v metalingvistiku*. Sankt-Peterburg. Izd-vo «Saga».
- Lotte, D.S. (1961). *Osnovy postroenija nauchno- tehniceskoi terminologii*. Moskva. Izd-vo «AN SSSR».
- Masumi, N. (1976). *Jazyk i stil' Ahmada Donisha*. Dushanbe. Izd-vo «Donish». (na tadjh. jazyke).
- Mirzoev A. (1992). *Kratkaja istorija Buharskih mangitov*. Dushanbe. Izd-vo «Sarvat».
- Morozova L.A. (2004). *Terminoznanie: osnovy i metody*. Moskva. Izd-vo «Prometej».

- Pejsikov L.S. (1975). *Očerki po slovoobrazovaniju persidskogo jazyka*. Moskva. Izd-vo «MGU».
- Reformatskij A.A. (1994). *O nekotoryh voprosah terminologii. Istorija otechestvennogo terminovedenija. Hrestomatija. T. I.* Moskva. Izd-vo «RossTerm».
- Reformatskij A.A. (1994). *Termin kak chlen leksicheskoj sistemy jazyka, Istorija otechestvennogo terminovedenija. Hrestomatija. T. I.* Moskva. Izd-vo «RossTerm».
- Rubinčik Ju.A. (1985). *Novaja leksika persidskogo jazyka i puti ee popolnenija, Iranskoe jazykoznanie*. Moskva. Izd-vo «Nauka». S. 133-140
- Sulajmonov S. (1997). *Formirovanie terminologii tadzhikskoj filosofii (na materiale «Donishnoma» Ibn Siny)*. Dushanbe. Izd-vo «Dopish».

Прямое и косвенное выражение речевого акта «прощание» в русской культурной среде

Марьям Шафаги*

Старший преподаватель русского языка университета им. Алламе Табатабаи,
Тегеран, Иран.

(дата получения: сентябрь 2015 г.; дата принятия: ноябрь 2015 г.)

Краткое содержание

В данной работе мы рассматриваем речевой акт «прощание» в прямом и косвенном употреблении. Гипотеза работы обоснована тем, что прямой речевой акт «прощание» реже реализуется, чем косвенный речевой акт «прощание». Он специфичен либо в кругу «своих», либо в конфликтной ситуации. Косвенный речевой акт «прощание» включает большое количество формул прощания и содержит более вежливую тональность. Мы уточняем, какие косвенные речевые акты используются в официальной ситуации, а какие — в неофициальной? Какие формулы имеют конвенциональный характер, и какие имеют контекстуально-ситуативный характер? «Прощание» выполняет контактоподдерживающую функцию, передает вежливое отношение к ситуативному коммуниканту. Вежливость может выражаться при помощи таких речевых актов как «разрешение», «благодарность», «пожелание», «извинение». Материалом для анализа послужили более 200 примеров актуализации речевого акта «прощание».

Ключевые слова: речевой акт «прощание», косвенное выражение, разрешение, пожелание, извинение, благодарность.

* E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

Введение

Характерной чертой современной коммуникативной лингвистики является интерес к значению и функционированию языковых единиц в процессе речевого общения, их коммуникативной функции. В поле зрения ученых находятся те, кто пользуется языком, те, для кого язык и существует. Ю.Н. Караулов считает, что нельзя познать и сам по себе язык, если не выйти за его пределы и не обратиться к его носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности (Караулов 1987. 3).

В статье рассматривается речевой акт «прощание» и виды его прямого и косвенного выражения в русскоязычной культурной среде. Определяется к каким косвенным речевым актам относятся формулы «прощание»: к конвенциональным или к контекстуально-ситуативным? Каково соотношение прямых и косвенных речевых актов прощания? Какие формулы прощания ориентированы на прошлые действия и какие – на будущие?

Речевые акты изучались во второй половине XX в. в работах В.Г. Костомарова, Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, А.Г. Балакая, Т.Г. Михальчука и др. В статье «Типология речевых актов в коммуникативно-прагматической ситуации немецкого прощания (Abschied)» Т.В. Кравец (2015) исследует речевые акты в ситуации прощания в немецком языке. Л.М. Шатилова (2015) и Ардалан Носрати (2013, 2014) рассматривают речевые акты пожеланий при прощании на материале русского языка.

Материалами для изучения речевого акта «прощание» в работе послужили «Толковый словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая (Балакай 2004. 654-656), «Речевой этикет в русском общении» Н.И. Формановской (Формановская 2009. 194-206) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Эта статья является результатом анализа более 200 примеров речевого акта «прощание» в русском языке.

Актуальность исследования данной темы заключается в том, что речевой акт «прощание» в коммуникативно-прагматическом аспекте одна из наиболее значимых для регулирования речевого взаимодействия коммуникантов.

Изучаемый речевой акт находится в тесной связи с принципом вежливости Дж. Лича.

Новизна исследования заключается в том что, в работе рассматривается сфера употребления того или иного косвенного речевого акта прощания: уточняется какие из них используются в неофициальной, бытовой сфере общения и какие – в официальной обстановке общения.

Основная часть

Прямые и косвенные речевые акты

Речевые акты классифицируются на прямые и косвенные (Серль 1986). Прямым речевым актом является речевое действие, при котором используемые языковые единицы соответствуют коммуникативным намерениям говорящего и достигаемому результату. В косвенных речевых актах иллокутивная сила выражается имплицитно. Важную роль играет коммуникативная компетенция адресата и его умение распознавать интенцию речевого действия. «Использование косвенного речевого акта свидетельствует о том, что «говорящий рассчитывает на коммуникативную компетенцию слушающего» (Маслова 2008. 63), а также на «установки, принятые в данном сообществе» (Формановская 2002. 118).

При актуализации прямого речевого акта форма и значение соответственно передают один и тот же смысл, а при косвенном речевом акте нет. В языке часто употребляются высказывания, на фоне которых проявляется эксплицированная иллокутивная сила (Маслова 2008. 61-62) (Формановская 2007. 267-169).

Лингвисты выделяют два основных вида косвенных речевых актов:

а) «конвенциональные косвенные речевые акты» и б) «контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты» (Формановская 2007. 278) (Маслова 2008. 64).

Классическим примером конвенционального косвенного речевого акта является употребление вопросительного предложения в функции просьбы, а

также распространенные этикетно-закрепленные формы общения (Маслова 2008. 64).

«Контекстуально-ситуативным косвенным речевым актом является речевой акт, который в изолированном от контекста виде не распознается носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого произведен речевой акт» (Маслова 2008. 64-65).

Речевой акт «прощание» в русском языке

Теория речевых актов впервые была предложена в работах Дж. Остина («Слово как действие») и Дж. Серля («Что такое речевой акт?»). Их исследования стали началом для изучения слова как действия. Роль прагмалингвистики заключается в изучении высказываний, с помощью которых говорящий выполняет то или иное действия (Формановская 2007. 256). Лингвисты на основе передаваемого значения представляют следующие ситуации речевых актов: «обращение», «знакомство», «приветствие», «прощание», «поздравление», «пожелание», «благодарность», «извинение», «просьба», «приглашение», «предложение» и т.п. В их формировании главную роль играют ряд признаков коммуникантов: «языковая компетенция, социально-культурный статус, национальная принадлежность, биолого-физиологические данные, психологический тип коммуниканта, степень знакомства с собеседником, внешний вид и др.» (Викулова. Шарунов 2008. 166). В настоящем исследовании мы рассматриваем речевой акт «прощание» как один из основных речевых актов.

«Прощание:

1. Наименование финальной этикетной ситуации, когда собеседники заканчивают общение и расстаются.
2. Сумма выражений – стереотипов общения, составляющих коммуникативно-семантическую группу единиц речевого этикета со значением прощания.
3. Каждое из выражений, с помощью которых осуществляется действие

(акт) прощания» (Формановская 2009. 194).

«Прощание содержательно противопоставлено приветствию» Оно является таким речевым актом, при котором происходит прерывание контакта на время. Об этом свидетельствуют формулы: *Я (с Вами) не прощаюсь! / Мы ещё увидимся! / Я ещё увижусь с Вами!* и т.п. (Формановская 2009. 194).

Обороты, которые используются в русской культурной среде в функции речевого акта «прощание» на основе передаваемого значения и их отнесения к тому или иному речевому акту можно разделить на две основные группы: прямой речевой акт и косвенный речевой акт. Косвенное выражение речевого акта «прощание» количественно составляет большую группу по сравнению с его прямым выражением.

1. Прямой речевой акт «прощание»

Прямой речевой акт «прощание» представляет формулы, фиксирующие это значение: передается информация об уходе говорящего. Они не содержат другие коннотативные значения. Количество единиц данной группы ограничено несколькими формулами. Сюда относятся: *(Ну), я пошёл (-ла)/ пойду/ побежал (-ла) / (Ну) (К сожалению), мне пора*. Вышеуказанные формулы характерны для фамильярной среды общения. Языковые единицы, с помощью которых создаются такие формы (в том числе частица «ну» и употребление дейксиса «ты») придают указанным формулам разговорную тональность. Например:

— *Мне пора, — натянуто сказал он, целуя ее в лоб* (Муравьева, НКРЯ).

— *Вопрос стоял так: ты разденешься или сразу уйдешь? — Я пойду домой, — ответила Ирина. — Уже поздно* («Новый мир», НКРЯ).

— *Нет? ... Ну, я побежал! У меня деловая свиданка* (Трифонов, НКРЯ).

Л.М. Шатилова относит указанные формы прощания к благопожеланиям (*Ступай/те, Иди/те, Поезжай/те* и т. д.). Одновременно она относит их к формулам речевого акта разрешения (Шатилова 2008. 208).

В данном случае ответная реплика прощания должна была иметь форму

«Уходи!» (разрешение на уход), однако, по правилам этикета, такое прямое выражение прощания демонстрирует в коммуникативной ситуации невежливую тональность в адрес слушающего. Данная форма по содержанию воспринимается как ругательная и является показателем конфликтной ситуации общения (неудачной коммуникации), поэтому в ответ на прощание часто используются косвенные формы. Косвенное выражение прощания, особенно в ответной реплике, придает речи вежливую тональность, выполняет контактоподдерживающую функцию в сохранении и продолжении отношений между коммуникантами. Они соответствуют принципу вежливости Дж. Лича и содержат значения добропожелания, чувства уважения и вежливого отношения к собеседнику.

В современной русскоязычной среде, особенно в речи молодежи, встречаются формы прощания, заимствованные из английского языка: *Гуд бай! Бай-бай! (Баю-бай!)*. Указанные формы свойственны дружеской, фамильярной обстановке общения (Балакай 2004. 120, 35). Например:

— *Мы вам еще позвоним. Гуд бай. В трубке зазвучали короткие гудки* (Грачев, НКРЯ).

— *Он показал на часы. – Бай-бай пора... – Подождите здесь, – ответила фигура и исчезла за боковой дверью надстройки («Звезда», НКРЯ).*

Форма прощания *Бай-бай! (Баю-бай!)* характерна также для детской литературы, для колыбельной, и в обращении взрослых к младшим (например, к детям):

— *Баю, баюшки, баю, Детки с мамочкой в раю! Бай-бай, бай-бай, Сти, сыночек, засытай! Дети успокоились, еще несколько раз пососали и заснули* (Львов, НКРЯ) (колыбельная).

— *Я уж, так и быть, сам разденусь. Ну, детки, бай-бай... Подробности завтра, а теперь идите спать* (Чехов, НКРЯ) (адресат – нижестоящий по возрасту / дети).

В русской культурной среде широким применением обладают прямые выражения речевого акта прощания, одновременно выступающие в ситуациях

приветствия и прощания: *Привет!! Чао! / Салют!* Данные формы являются омонимами и их значение уточняется только в контексте. При указанных формах информация об адресанте выражается имплицитно («я» — говорящий). Адресат актуализируется при помощи речевого акта «обращение». Дейксис адресата в формулах *Привет!* и *Салют!* эксплицирован в «ты»- или «Вы»-формах: *тебе / Вам: Привет Вам (тебе)! / Мой (наш) (дружеский) салют (кому-л.)* (Балакай 2004.363, 413). Данная группа характерна для горизонтальной иерархии общения, в неофициальной обстановке и является показателем искренней коммуникативной ситуации.

А.Г. Балакай выделяет для русского выражения *Привет!* три смысловые составляющие: 1) приветствие, 2) прощание, 3) несогласие, возражение. По его словам, данная форма допустима только в дружеской, неофициальной обстановке общения, среди «равных или младших по возрасту, положению». Он отмечает, что данная форма в русском речевом этикете «получила распространение в советский период преимущественно в молодежной среде». Например: [*Куцак:*] *Виктор!... Мм... Могу я с тобой поговорить?* [*Кузаков:*] *Можете, можете. Я с ним уже наговорился. (Зилону) До свидания, Витя. [Зилов:] Привет, Коля (Кузаков уходит.)* (Вампилов) (Балакай 2004. 364).

Чао! [итал. *Ciao* – «Привет!»] имеет просторечную, шутливо-фамильярную тональность, употребляется в молодежной речи. Например: — *Подозвал официанта. Мы расплатились, вышли. Я говорю: «Ну-с, был счастлив лицезреть вас, мадам». «Чао, Джонни!» (...)* (Довлатов) (Балакай 2004. 510).

Формула прощания *Салют!* выполняет две функции. По содержанию *Салют!* одновременно выступает в функции речевых актов приветствия и прощания. Для нее характерно значение речевого акта пожелания в функции прощания: «*Салют!* В знач. междом. [франц. *salut* < лат. *salus* (*salutis*) – пожелание здоровья, приветствие. (...) разг. Форма дружеского или фамильярного приветствия или прощания; то же, что *Привет!* (...)]» (Балакай

2004. 413). *Салют* – это «военное приветствие или отдача почестей ружейными или артиллерийскими залпами, ракетами, спуском и поднятием флага (на корабле), поднятием обнаженной сабли и т.п., а также стрельба и фейерверк в ознаменование торжественной даты» (Захаренко 2008. 748). Например: (...) *Перехожу к поцелуям. А еще кланяюсь любезной супружнице, в вере и благочестии хранящей тепло домашнего очага, и деточек любезных целую и чаю встречи, хоть и не скорой, но желанной. Салют!* (Куприн) (речевой акт «прощание»).

2. Косвенный речевой акт «прощание»

Коннотативное значение прощания соотносится с речевыми актами пожелания, благодарности, извинения, просьбы, приглашения, разрешения. Данная группа составляет большое количество форм в русском языке. При этом ситуации просьбы и приглашения синонимичны. «Благодарность», «извинение» и «разрешение» — три речевых акта, которые могут соответственно входить в формулу прощания. Употребление каждого из вышеуказанных речевых актов факультативно.

Если формулы прощания разделить на группы, которые относятся к прошлым событиями и к будущим событиям, то коннотативное значение прощания в формулах пожелания, просьбы, приглашения, разрешения относится к будущим событиям, а в формулах благодарности и извинения — к прошлым.

Речевые акты приглашения, разрешения, благодарности, извинения в функции прощания специфичны для официальной, деловой обстановки общения. При этом адресант – нижестоящий по возрасту / по положению, а адресат – вышестоящий. Речевые акты пожелания, просьбы характерны как для официальной обстановки общения, так для семейной.

Если коммуникантов классифицировать на «хозяина / хозяйку» и «гостя / слушающего», то в косвенном прощании «извинение», «разрешение» и «благодарность» являются речевыми актами «гостя / слушающего»

(уходящего)», а «пожелание», «просьба» и «приглашение» являются речевыми актами «хозяина / хозяйки».

1) «Пожелание» в функции речевого акта прощания

Прежде чем, приступить к рассмотрению формулы «пожелания» в роли речевого акта прощания надо отметить, что в данной работе нет возможности перечислить все указанные формулы. Они представлены в следующих работах: (Формановская 2009. с.: 218-229) и (Балакай 2004. с. 632-640).

Коннотативное значение прощания широко применяется при речевом акте пожелания. Говорящий при прощании выражает свое благопожелание относительно ситуативного адресата. «Пожелания при прощании – это формулы пожелания счастья, благополучия, удачи уходящему, отправляющемуся в путь. (...) Данные пожелания можно распределить на три тематические группы: «благополучие», «удача в дороге» и «удача на отдыхе» (Шатилова 2008. 217).

Ардалан Носрати в статье «Речевые акты, комбинирующие в себе разные экспрессивные интенции» пишет: «Речевой акт «прощание» может сочетать в себе интенции пожелания и просьбы (Носрати 2013. 129).

Данное коннотативное значение пожелания в русском языке образуется при помощи предлога «до» и формы родительного падежа имени существительного. При этом они выражают значения пожелания говорящего встретиться с коммуникантом «до» определенного времени, указанного в формуле прощания. Существительными, которые используются для образования этих форм являются названиями дней недели (*До субботы!*), месяцев года (*До октября!*), части дня (*До утра!*), времена года (*До зимы!*) и таких слов как «встреча» (*До встречи!*), «свидание» (*До свидания!*) и т.п. Например: — *До свидания в том мире, в который ты первый вновь заставил меня веровать* (Тынянов, НКРЯ). Данные формы прощания составляют конвенциональные косвенные речевые акты.

Коннотативное значение пожелания при прощании может выражаться в

надежде на встречу с коммуникантами. Надежда на повторную встречу с адресатом реализуется при помощи следующих форм пожелания: *Свидимся ещё / Увидимся / Надеюсь скоро увидимся / Пока!* Данные формулы прощания подтверждают временность разлуки между коммуникантами и выражают желание говорящего встретиться с собеседником в скором будущем. Они являются конвенциональными косвенными формами прощания. Все указанные формы, кроме *Пока!*, характерны для официальной, деловой обстановки общения. При этом дейксис адресата выражается в «Вы»-форме общения. Выражение *Пока!*, наоборот, специфично для употребления в горизонтальной оси, в среде «своих» (в кругу знакомых, друзей). Его нельзя употреблять в вертикальной иерархии. Такое неуместное употребление нарушает принцип вежливости по отношению к ситуативному коммуниканту. Дейксис адресата при этом актуализируется в «ты-форме» и демонстрирует существующую искренность между коммуникантами. Например: — *Мы идет здороваться к брату. Надеюсь, скоро увидимся! Мери, ты с нами?* (Григорович, НКРЯ).

— *Когда закурю – тогда и угощу. Пока, Тимошка, я побежал... – К Олечке торопиться? – он распылся в улыбке* (Белоусова, НКРЯ).

Другая конвенциональная форма прощания в русском языке — выражение радости говорящего от встречи со слушающим: *(Я) рад (-а) был (-а) повидаться (встретиться) с Вами.* Данная форма используется и в речевом акте приветствия. Отличие данной формы заключается в том, что в первом случае глагол употребляется в настоящем времени, а во втором случае — в прошедшем времени.

(Я) рад (-а) встретиться с Вами. / (Я) рад (-а) Вас (тебя) видеть (приветствие)

(Я) рад (-а) был (-а) повидаться (встретиться) с Вами. / (Я) рад (-а) был Вас (тебя) видеть (прощание)

Например: *-Как бы я рад был встретиться с тобой еще в этой жизни* (Л.Толстой, Письма, НКРЯ).

Формулы пожелания крепкого, хорошего здоровья (*Будь здоров, не кашляй. / Не болей (-ей)! / Выздоровливай (-те)! / Доброго здоровья! / Оставайтесь живы-здоровы.* и т.п.) относятся к контекстуально-ситуативному косвенному речевому акту. Пожелание хорошей поездки (*Счастливо доехать! / Приятного путешествия! / Удачной поездки! / Мягкой посадки! / (Дай Бог) в добрый путь!* и т.п.) не соответствуют ситуации «поздравление». Они играют роль конвенционального косвенного речевого акта «прощания». Например: — *Счастливо доехать, — замерзшим голосом сказала Лидия и опустила трубку, чтобы не мучить ни его, ни себя* (Некрасова, НКРЯ).

Пожелания успеха (*Желаю Вам удачи! / Дай (пошли) Вам (тебе) Бог (Господь) всех благ!* и т.п.), а также пожелания хорошо, радостно, весело провести время (*Оставайтесь с Богом / Ветра в паруса* и т.п.), как правило, употребляются в ситуации конвенционального косвенного речевого акта прощания. Например:

— *Ведь вопрос-то об их шкурах! Будьте здоровы, всего доброго! Он пошёл в дом, с неожиданной лёгкостью неся своё могучее тело, (...)* (Шолохов, НКРЯ).

— *Желаю вам успеха, — сказала я, освобождая свою руку из-под её руки* (Чуковская, НКРЯ).

Косвенное пожелание добра (*Желаю*) (*Вам, тебе Ни пуха, ни пера!* тоже характерно для коннотативного значения «прощание». Чтобы предотвратить сглаз, пожелание в данной форме выражено в конвенциональном косвенном речевом акте. Пожелание удачи характерно для ситуативного коммуниканта перед его работой (Балакай 2004. 293). Например: — *Беги. Желаю удачи. — Ни пуха ни пера!* (Крапивин, НКРЯ).

Конструкции пожелания в сочетании с глагольными формами «желаю», «хочу пожелать» выражают перформативную формулу «я, ты, здесь, сейчас»: *Желаю Вам (тебе) всего доброго! (всего хорошего! / всего наилучшего!).* При этом, формулы не ограничиваются только ситуациями прощания, возможно их

употребление и в конкретном значении в ситуации речевого акта пожелания. Например: — *Я хочу пожелать всего доброго вашим читателям* (Путин, НКРЯ). Есть исключения, когда данные формулы пожелания без или с перформативным глаголом находятся в постпозиции или в препозиции к другим формулам пожелания / прощания. В этом случае они приобретают то значение, которое содержится в предложении: приобретают либо значение пожелания, либо коннотативное контекстуально-ситуативное значение прощания. Например:

— *Я хочу пожелать всем вам удачи, хочу пожелать всем вам счастья. Всего Доброго!* (Путин, НКРЯ). В данном дискурсе фраза *Всего доброго!* в постпозиции к формам пожелания не в ситуации прощания, приобрело значение пожелания коммуниканту.

— *Все свое незнание употребляй для стихов и песен, которых тебе желаю. Желаю тебе всего доброго. Всегда к тебе расположенный Д. Самойлов* (Городницкий, НКРЯ). В данном дискурсе перформативный глагол «*желаю*», перед подписью адресанта приобретает значение прощания.

Формулы пожелания, использующиеся в функции прощания перед сном (*Спокойной ночи!* / *Доброй ночи!*) также используются в роли конвенционального косвенного акта прощания. Например: *Притом же я, кажется, вам всё сказал, что хотел; вероятно, и вам хочется спать. Желаю вам доброй ночи. Рассказчик с лихорадочной быстротой отвернулся и зарыл голову в подушки* (Тургенев, НКРЯ).

2) «Благодарность» в функции речевого акта «прощания»

При прощании адресант может благодарить адресата за то, что он сделал ему во время встречи. При этом речевой акт «благодарность» может относиться к занятому времени у адресата: *Спасибо (благодарю, выражаю благодарность за ценные советы / за то, что выслушали меня / за то, что согласились встретиться со мной / за прекрасный вечер / за доставленное удовольствие / за всё / за внимание* (Формановская 2009. 203). Например: —

Ну, я – ухожу. Спасибо... за внимание. Родился я до того, как отец стал трактирщиком, он был грузчиком на вагонном дворе, когда я родился (Горький, НКРЯ).

Благодарность может выступать либо в функции конвенционального косвенного речевого акта (*Спасибо за внимание!*), либо в функции контекстуально-ситуативного косвенного речевого акта (*Спасибо за совет!*).

3) «Извинение» в функции речевого акта «прощания»

«Извинение как слово и как действие в культуре разных народов и стран занимает заметное место, так как касается социальных, этических, психологических отношений людей». (...). «В речевом акте извинения два значения: снятие вины и просьба снять вину: *Я вас прощаю* и *Простите меня*» (Формановская 2007. 437). Семантические ряды речевого акта извинения в контексте также могут получать коннотативное значение, связанное лишь с понятием формальной вежливости (Шафаги 2011. 43). Формулы речевого акта извинения при прощании относятся к ритуалам проявления вежливости. Их можно разделить на две основные группы:

1) Извинение в значении «просьба простить». Сюда относится формула прощания *Прощай (-те)!* Данная форма может указывать на длительное время разрыва отношений между коммуникантами или навсегда (Формановская 2009. 195). Оно составляет контекстуально-ситуативной речевой акт. Например: — *Прощайте, прощайте, дай бог вам счастья, чинов, крестов, всего доброго я хорошего, всякого добра и имущества!* (Гончаров, НКРЯ).

2) Извинение за отнятое у коммуниканта время. Оно характерно для официальной, неформальной, деловой обстановки общения. Здесь господствует вертикальная иерархия: речевой акт «извинение» реализуется со стороны нижестоящего по социальному положению по отношению к вышестоящему. Дейксис адресата эксплицитован в «Вы»-форме общения. Степень проявления вежливости высока.

Указанное значение речевого акта извинения в роли «прощание» может

выражаться либо имплицитно, либо эксплицитно:

При эксплицитном выражении извинения в начале формул появляются выражения *Извините!* / *Простите!*, а далее идет причина (за отнятое у адресата время): *Извините, не буду больше отнимать у вас время.*

При имплицитном выражении акт извинения выражается в речи косвенно, при помощи перформативных форм глаголов «задерживать», «отнимать», «мешать», «обременять» с отрицательной частицей «не»: *(Я) (больше) (более) не задерживаю Вас. / Не будем вас больше (более) задерживать! / Не смею больше (более) Вас задерживать. / Не буду больше (более) отнимать у вас время. / Не буду (больше) (более) Вам мешать. / К сожалению, я отнял (-а) у Вас столько времени. / Не смею Вас дольше обременять* т.п. (См. подробнее: Формановская 2009. 204). Например: – *Не смею задерживать более ваше величество!* – *сказал я, поднимаясь со стула* (Горький, НКРЯ). Указанные формы составляют конвенциональные косвенные речевые акты прощания.

4) «Просьба» в функции речевого акта прощания

К широко употребляемым формулам просьбы в значении косвенного речевого акта прощания относятся выражения, содержащие:

а) значения о хорошем воспоминании об адресанте. Они могут стоять либо в роли конвенционального косвенного речевого акта, либо в роли контекстуально-ситуативного косвенного речевого акта:

– конвенциональный косвенный речевой акт: *Не поминайте лихом (худом)!;*

– контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт: *Не забывай (-те) (нас)!.*

б) надежду говорящего о продолжении контактов с собеседником. Данное значение формируется при помощи речевого акта «приглашение». При этом реализуется приглашение адресата к адресанту – «домой». В этом случае речевые акты «просьба» и «приглашение» становятся синонимами:

– конвенциональный косвенный речевой акт: *Приходи (-те)! / Приезжай*

(-те)! / Заходи (-те)! / Дай (-те) о себе знать! / Милости просим к нам ещё раз!;

– контекстуально-ситуативный косвенный речевой акт: *Звони (-те)! / Пиши (-те)!.*

Например:

– *Прощайте, прошептал Гоголь, оборотив лицо к согражданам. – Не поминайте лихом! – и махнул рукой* (Липскеров, НКРЯ).

– *Тюменцев взял папиросы. – Будешь в Москве – заходи. звони. Вот тебе адрес, телефон* (Грекова, НКРЯ).

– *В случае чего дай знать о себе* (Велтистов, НКРЯ).

– *Приходите к нам ещё, не забывайте нас!* (Попов, НКРЯ).

Рассматриваемая группа («просьба» в роли речевого акта «прощания») свойственна для бытовой среды общения.

5) «Приглашение» в функции речевого акта прощания

Речевой акт приглашения при прощании может употребляться с целью приглашения адресата «еще раз» к себе в гости. Данное приглашение – широко употребительная форма при конвенциональном косвенном речевом акте прощания. Оно характерно в горизонтальной оси общения в круг «своих» (знакомых, друзей). Распространенной формой в русском языке является *Приходи (-те) к нам (в гости) (ещё раз)!* Например: *–До свидания, Миш. Приходите к нас в гости. (...)* (Устинова, НКРЯ).

6) «Разрешение» в функции речевого акта прощания

Формулы разрешения широко используются при образовании конвенционального косвенного речевого акта прощания. Данные формулы характерны для официальной, деловой обстановки общения и их применение соответствует соблюдению принципа вежливости Дж.Лича.

«Разрешение» в ситуации прощания в русскоязычной культурной среде используется либо со стороны нижестоящего по возрасту / положению к

вышестоящему, либо наблюдается в речи пожилых людей, особенно мужчин. В последнем случае просьба разрешения, скорее всего, выражает высокую степень проявления вежливости самого говорящего (самоуважение).

Одна и та же формула разрешения в функции прощания может формироваться в рамках вопросительного или изъявительного предложений:

Разрешите идти. / Разрешите идти?

Например: – *Гайдуков выровнялся молодцеватым броском: – Разрешите идти, товарищ лейтенант? – Идите* (Солженицын, НКРЯ) (вопросительное наклонение).

Разрешите (позвольте) откланяться. / Разрешите (позвольте) откланяться?

Например: – *Нет, что вы, я турок провожаю. Благодарю вас и позвольте откланяться. – Всего доброго* (Васильев, НКРЯ) (изъявительное наклонение).

Разрешите (позвольте) попрощаться. / Разрешите (позвольте) попрощаться?

Например: – *Ну вот, – Баумвейс встал, – за мной приехали. Позвольте попрощаться с вами. Куда вы?* (Паустовский, НКРЯ) (вопросительное наклонение).

Разрешите (позвольте) удалиться. / Разрешите (позвольте) удалиться?

Например: – *А посему разрешите удалиться для исполнения командировских обязанностей* (Васильев, НКРЯ) (изъявительное наклонение).

Часто наречия «А сейчас» / «А теперь» входят в начало формул «разрешения» при «прощании»: *А теперь, разрешите идти. / А теперь, разрешите идти?*) Например: – *А сейчас разрешите откланяться: я уезжаю сегодня в Смоленск и...* (Васильев, НКРЯ).

При прощании речевой акт разрешения нередко реализуется в постпозиции к речевому акту извинения. Например: – *Извиняюсь, товарищ генерал. Разрешите идти? – Что же делать с вами* (Грекова, НКРЯ) (вопросительное наклонение).

Заключение

Прямые формы речевого акта прощания характерны в горизонтальной иерархии общения, в кругу «своих». К ним относятся и омонимичные формулы «приветствия» – «прощания»: *Привет!*, *Салют!*, *Чао!* В прямом речевом акте прощания общение происходит обычно в «ты»-форме адресата. Формулы прямого выражения прощания вносят в коммуникативную ситуацию компонент искренности.

Косвенные формы речевого акта прощания более специфичны в официальной, деловой обстановке общения, в вертикальной иерархии между коммуникантами. При этом более употребительны "Вы"-формы адресата. Ритуал этикета диктует в ответной реплике речевого акта прощания употребление только косвенных форм прощания.

Формулы речевых актов «пожелание», «просьба», «приглашение», «разрешение» в речевом акте «прощание» охватывают будущие действия коммуниканта, выполняют побудительную функцию. А формулы «благодарность» и «извинение» охватывают прошлые действия коммуниканта. В них отсутствует побудительная функция.

Общая характеристика косвенных речевых актов прощания заключается в том, что они поддерживают ритуалы вежливости в коммуникативной среде.

Косвенные речевые акты разрешения и благодарности специфичны для официальной деловой обстановки общения, а косвенные речевые акты «просьба», «приглашение» и «пожелание» характерны для бытовой, фамиллярной обстановки общения.

Литература

Андрейчина К., Формановская Н.И. (1980) *Пособие по русскому речевому этикету для учителя болгарской средней школы*. София. Изд-во «Народна просвета».

Балакай А.Г. (2004) *Толковый словарь русского речевого этикета. Свыше 4000 этикетных слов и выражений*. Москва. Изд-во «Астрель. АСТ. Транзиткнига». 681 с.

- Викулова Л.Г., Шарунов А.И. (2008) *Основы теории коммуникации. Практикум*. Москва. Изд-во «Восток-Запад». 316 с.
- Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В., (2008) *Новый словарь иностранных слов*. Москва. Изд-во «Азбуковник». 1040 с.
- Караулов Ю.Н. (1987) *Русский язык и языковая личность*. Москва. Изд-во «Наука». 264 с.
- Кравец Т.В. (2015) *Типология речевых актов в коммуникативно-прагматической ситуации немецкого прощания (Abschied)*. «Теоретическая и прикладная лингвистика» Амурского государственного университета. Изд-во «Амурский государственный университет». с. 54-63.
- Маслова А.Ю. (2008) *Введение в прагмалингвистику*. Москва. Изд-во «Флинта», «Наука». 152 с.
- Носрати А. (2013) *Место (благо) пожелания в системе речевых актов русского языка*. Минск. Изд-во «Вестник БДУ». сер. 4. № 2. с. 49-52.
- Носрати А. (2013) *Речевые акты, комбинирующие в себе разные экспрессивные интенции*. Минск. Изд-во «Белорусский Дом печати». с.128-130.
- Носрати А. (2014) *Речевой акт пожеланий в свете фатической функции. Проблемы лингвистической интерпретации текста*.-Минск. Изд-во «БГУ». с. 215-219.
- Трофимова Н.А. (2008) *Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический и грамматический анализ*. СПб., Изд-во «ВВМ». 376 с.
- Формановская Н.И. (2002) *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход...* Москва. Изд-во «Русский язык». 216 с.
- Формановская Н.И. (2007) *Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика*. Москва. Изд-во «ИКАР». 480 с.
- Формановская Н.И. (2009) *Речевой этикет в русском общении. Теория и практика*. Москва. Изд-во «ВК». 334 с.
- Чаушев А.С. (2008) *Коммуникативно-прагматические особенности речевого этикета в различных лингвокультурах: на материале карачаево-балгарского, русского и английского языков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград. 194 с.
- Шатилова Л.М. (2015) *Речевые акты пожеланий при прощании в современных интернет-источниках (на материале немецкого и русского языков)*. «Вопросы теории и практики». Тамбов: Грамота, № 5. Ч. 2. с. 207-211.
- Шафаги Марьям. (2011) *Извинение в русском речевом поведении (с позиции носителя персидского языка)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. ГИРЯ им. А.С.Пушкина. Москва. 216 с.

Bibliography

- Andrejchina K., Formanovskaja N.I. (1980) *Posobie po russkomu rechevomu jetiketu dlja uchitelja bolgarskoj srednej shkoly*. Sofija. Izd-vo «Narodna prosveta».
- Balakaj A.G. (2004) *Tolkovyy slovar' russkogo rechevogo jetiketa. Syvshe 4000 jetiketnyh slov i vyrazhenij*. Moskva. Izd-vo «Astrel'. AST. Tranzitkniga». 681 s.
- Vikulova L.G., Sharunov A.I. (2008) *Osnovy teorii kommunikacii. Praktikum*. Moskva. Izd-vo «Vostok-Zapad». 316 s.
- Zaharen'ko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V., (2008) *Novyj slovar' inostrannyh slov*. Moskva. Izd-vo «Azbukovnik». 1040 s.
- Karaulov Ju.N. (1987) *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'*. Moskva. Izd-vo «Nauka». 264 s.
- Kravec T.V. (2015) *Tipologija rechevyh aktov v kommunikativno-pragmaticheskoj situacii nemeckogo proshhanija (Abschied)*. «Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika» Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Izd-vo «Amurskij gosudarstvennyj universitet». s. 54-63.
- Maslova A.Ju. (2008) *Vvedenie v pragmalingvistiku*. Moskva. Izd-vo «Flinta», «Nauka». 152 s.
- Nosrati A. (2013) *Mesto (blago) pozhelanija v sisteme rechevyh aktov russkogo jazyka*. Minsk. Izd-vo «Vestnik BDU». ser. 4. № 2. s. 49-52.
- Nosrati A. (2013) *Rechevye akty, kombinirujushhie v sebe raznye jekspressivnye intencii*. Minsk. Izd-vo «Belorusskij Dom pečati». s.128-130.
- Nosrati A. (2014) *Rechevoj akt pozhelanij v svete faticheskoi funkcii*. Problemy lingvisticheskoi interpretacii teksta.-Minsk. Izd-vo «BGU». s. 215-219.
- Trofimova N.A. (2008) *Jekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse*. Semanticheskij, pragmaticheskij i grammaticheskij analiz. SPb., Izd-vo «VVM». 376 s.
- Formanovskaja N.I. (2002) *Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod...* Moskva. Izd-vo «Russkij jazyk». 216 s.
- Formanovskaja N.I. (2007) *Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikacija i pragmatika*. Moskva. Izd-vo «IKAR». 480 s.
- Formanovskaja N.I. (2009) *Rechevoj jetiket v russkom obshhenii. Teorija i praktika*. Moskva. Izd-vo «VK». 334 s.
- Chaushev A.S. (2008) *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti rechevogo jetiketa v razlichnyh lingvokul'turah: na materiale karachaevo-balgarskogo, russkogo i anglijskogo jazykov*. Dissertacija na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd. 194 s.

Shatilova L.M. (2015) *Rechevye akty pozhelanij pri proshhanii v sovremennyh internet-istochnikah (na materiale nemeckogo i russkogo jazykov)*. «Voprosy teorii i praktiki». Tambov: Gramota, № 5. Ch. 2. s. 207-211.

Shafagi Mar'jam. (2011) *Izvinenie v russkom rechevom povedenii (s pozicii nositelja persidskogo jazyka)*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. GIRJa im. A.S.Pushkina. Moskva. 216 s.

Abstracts

The works of L.F. Zurov and Russian religious-philosophical thought of the nineteenth and twentieth centuries.

Victoria Zakharova*

Professor, Nizhny Novgorod state pedagogical University. K. Minin,
Nizhny Novgorod, Russia.

(Received: June 2015; Accepted: August 2015)

The article discusses the works of L.F. Zurov, representative of Russian emigration of the first wave, from the point of view of the relationship of his art with the ideas of the Russian religious-philosophical thought of the XIX-XX centuries. In the context of the idea of contemplation prose L.F. Zurov is investigated from the perspective of the works of Vl. Soloviev, S. Bulgakov, I. Ilyin. From the standpoint of inclusion of his work in the artistic comprehension of the spiritual traditions of family education as the basis of national life in Russia – from the perspective of the work N. Lossky, N. Arseniev. The object of research is the novel "Cadet" (1926), novels "the Ancient way" (1934) and "Field" (1936). The beginning of contemplative prose by L.F. Zurov contributed to the comprehension of the author of the ontological essence of being, the deep foundations of the Christian worldview. Identifying spiritual potential of the family in the upbringing of an individual testified that the foundations of Evangelical piety, unselfish help a neighbor, active mercy, high demands of himself which were laid in a Russian family, regardless of social affiliation, – have led to the formation of spiritual and moral riches of Russia. In the person of L.F. Zurov Russian literature of the twentieth century acquired an original, talented writer Orthodox.

Keywords: Prose, L.F. Zurov, Religious and Philosophical Ideas, National Spiritual Traditions.

* E-mail: victoriatz@rambler.ru; victoriazaharova95@gmail.com.

Poet's Flight
(Russian poets-futurists and an aviation)

Vladimir Kotelnikov*

DPh, professor, main scientific worker, Institute of the Russian Literature
(Pushkinskij Dom) of The Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(Received: September 2015; Accepted: October 2015)

The intensive development of an aviation in the beginning of the XX century was reflected in many spheres of life: a space of human dwelling considerably widened, a rate of movement increased extremely, new cognitive horizons cleared. At that time an aviation became one of the most showy manifestations of the technological progress. Futurists as active enthusiasts of this progress put forward the theme of aviation in their creative work and some of them used in working-out of this theme the personal experience of the flights. In their poetry the new image of the world was bounded up with the theme of aviation, the new aspects of often tragic relations between man and machine were revealed. Futurist Vasilij Kamenskij was the most outstanding figure in the rank of poets-aviators. He became a professional pilot and displayed the theme of the flight in ont's poetical works of buoyant tone. Kamenskij created the rich vocabulary of the thematic neologisms, which were notable for striking expression owing to unusual morphosemantics and phonetic system. Velemir Khlebnikov dramatized the "aerial ways" of man, when he depicted them against a background of the world catastrophes. Such subject was worked out by Blok in some poems of the aviation.

Keywords: Futurism, Aviation, Futurist-Aviator's Poetical Language, New Image Of The World, Man And Machine.

* E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

**Literaturnye context of the story by A.P. Chekhov "the Steppe"
(ancient sources, N.V. Gogol, V.S. Soloviev)**

Svetlana Nikolaeva *

Professor of Tver state University,
Tver, Russia.

(Received: July 2015; Accepted: October 2015)

Software novel by A.P. Chekhov "the Steppe" is deeply rooted in Russian literature and philosophy. For an adequate reading of its moral and philosophical sense, it is necessary to identify and comment on the range of sources relied on by A.P. Chekhov, to explore the philosophical context in which formed the idea of the story "Steppe". In particular, the deciphering of the phrase "What is substance? The substance is a thing distinctive without requiring the other to its execution", said by one of the heroes of the story, leads to the conclusion that Chekhov has influenced both ancient sources and works by N.V. Gogol – author of "the Chosen places from correspondence with friends", V.S. Solovyov, philosopher, and poet, the author of works: "Faith, reason, and experience", "Spiritual foundations of life", "Three speeches in memory of Dostoevsky". Philosophical category that operated on N.V. Gogol and V.S. Solovyov, was in tune with the Chekhov's artistic thinking were used by A.P. Chekhov as a means characteristics of his characters. The views of A. P. Chekhov were not limited to positivism, the writer paid tribute to the philosophical idealism that religious philosophy.

Keywords: A.P. Chekhov, N.V. Gogol, V.S. Solovyov, Old Russian Literature, Positivism, Idealism

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru

The study was performed within the framework of the Russian Foundation for Humanities and Government of the Tver region research project No. 14-14-69005 ("the Problem of literary relations by A.P. Chekhov: the story "the Steppe" in the historical-literary process. A monographic study").

Features of mythopoetics by Velimir Khlebnikov

Valery Redkin *

Professor of Tver state University,
Tver, Russia.

(Received: July 2015; Accepted: October 2015)

The article discusses the features of mytho-poetic style of V. Khlebnikov, the emphasis is on an epic and national-historical character of his poetry, the art, the diversity of sounds, and his artistic thinking. The peculiarity of the artistic consciousness of V. Khlebnikov is his apparent addiction to Russian national-historical time and national space. But national V. Khlebnikov expands to the entire globe spiritually, including Catholicism and Protestantism, paganism and Orthodoxy, Buddhism and Islam. While Polish culture is perceived as the Russian poet V. Khlebnikov something very near and dear, so in your world an epic poet included Poland, which is becoming one of the myths that helped him in different structural levels to assert the Russian national idea of unity. Velimir Khlebnikov gives the floor to the poles with their idea of freedom and independence, promoting understanding of the peoples and the overcoming of the accumulated in historical time offense and misunderstandings.

Keywords: V. Khlebnikov, Mythopoetics, Neo-Romanticism, The Russian Idea, Unity.

* E-mail: foidid-red@rambler.ru

**Oncoming Text method as a resource for students' written, oral
speech and associative reasoning development**

Olga Grekova*

Associated Professor of Russian for Foreigners Department
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia.

(Received: July 2015; Accepted: September 2015)

The paper concerns the use of Oncoming Text (countertext) method for teaching foreign postgraduates-philologists academic commenting and essay writing. The types of the psychological reaction (both substantial and relative) of the reading person to the written text are considered within the trend for the dialogization of RFF teaching nowadays. The most widespread psychological reactions of evaluation and opinion are analyzed as well as the reactions of argumentation, free response, orientation, statement, complication, conclusion, generalization, visualization, translation, paraphrasing, association, infixation, supposition, "intertext", forecast, sense substitution. Qualification and interpretation of an event, displayed in an exposed written text, as well as the desirable diverse personal psychological reactions to it, often makes foreign students in their foreign language course feel at a loss. That is why the enumerated reaction types are being put into practice. This teaching course is founded on the development of so called associative reasoning (understood as a skill of linking both close and remote facts), conducted in two directions – Logical and Grammatical. Numerous patterns of the concrete training tasks, aimed at it, and the necessary material for creating the Oncoming Text are represented.

Keywords: Exposed Written Text – Oncoming Text – Psychological Reaction Types – Associative Reasoning Development.

* E-mail: olggre@list.ru

**Comparative Analysis of Term Formation in Tajik and Russian
Languages ("Navader-ul-Vaghaye" Ahmad Danish)**

Fatemeh Asad*

PhD, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

Mahdi Mohammad Beygi Kasvai**

PhD, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

Shirin Haitova***

Assistant professor, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

(Received: July 2015; Accepted: December 2015)

The article discusses opinions of Russian and Tajik linguists, who have studied the problem of terminology, history of the formation of linguistic areas about terminology and the usage of word "term" and "professionalism". Authors point out that numerous studies dedicated to studying in different languages to terminological systems, which show features and specific aspects inherent in the study of vocabulary that a huge number of terms are formed on the basis of a rethinking about common words. Based on the Tajik-known linguists, authors also point out that the formation and enrichment of the scientific terminology of the Tajik language were influenced by Arabic, which on that time was an international language. The article presents a comparative analysis of terminology units of the well-known works of the great Tajik-Persian scientist, preceptor Ahmad Danish "Navader-ul-vaghaye." Authors analyzed various methods of term formation (industries education, history, astronomy, geography) in Russian and Tajik languages. The study showed that Ahmad Danish in his work, among other common lexicon and terminology which was widely used, consisting of both native Persian words and some borrowed words from Arabic language.

Keywords: Tajik Language, Russian Language, Terminology, Term, Suffix, Prefix.

* E-mail: sh.asad90@yahoo.com

** E-mail: mahdimb@yahoo.com

*** E-mail: haitova@inbox.ru

Direct and Indirect Expression of the Speech Act of Farewell in the Russian Cultural Environment

Maryam Shafaghi*

Assistant Professor of Russian Language at Allameh Tabataba'i University,
Tehran, Iran.

(Received: September 2015; Accepted: November 2015)

This study was an attempt to investigate the direct and indirect expression of the speech act of 'farewell'. The basic assumption is that the direct expression of the speech act of 'farewell' is less frequently used than the indirect expression. This form is common in personal settings or speech events characterized by conflict. The indirect speech act of farewell, on the other hand, covers a wide range of formulas used to say goodbye, and is more respectful and polite. The study aimed to answer the following questions. Which indirect speech acts are used in formal situations and which ones are used in informal situations? Which formulas are conventional (конвенциональный) and which ones are contextual-situational (контекстуально-ситуативный)? The speech act of 'farewell' has the role of maintaining relationships and demonstrates a respectful relationship to the situational addressee. Politeness can be conveyed through speech acts of "requesting permission", "thanking", "wishing" and "apologizing". To answer the above-mentioned questions, over 200 usage samples of the speech act of 'farewell' were analyzed in the study.

Keywords: Speech Act of Farewell, Indirect Expression, Requesting Permission, Wishing, Apologizing, Thanking.

* E-mail: shafaghi@atu.ac.ir

بیان مستقیم و غیرمستقیم کنش گفتاری «خداحافظی» در محیط فرهنگی روسی

مریم شفق^{*}

استادیار دانشگاه علامه طباطبایی،

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۵)

در پژوهش حاضر کنش گفتاری «خداحافظی» در کاربرد مستقیم و غیرمستقیم آن بررسی می‌شود. این تحقیق بر آن است که کنش گفتاری مستقیم «خداحافظی» در مقایسه با کنش گفتاری غیرمستقیم «خداحافظی» پدیده نادرتری است. این نوع از خداحافظی در محیط‌های خودمانی و محیط‌هایی کاربرد دارد که بین دو طرف گفتگو اختلاف وجود دارد. برخلاف آن، کنش گفتاری غیرمستقیم «خداحافظی» تعداد بیشتری از فرمول‌های خداحافظی را در برمی‌گیرد و بار معنایی احترام‌آمیز بیشتری دارد. در این پژوهش مشخص می‌شود کدام‌یک از این فرمول‌ها در موقعیت رسمی و کدام در موقعیت غیررسمی کاربرد دارند و کدام فرمول‌ها ویژگی تشخیص در شرایط خارج از متن و کدام‌یک ویژگی تشخیص وابسته به متن را دارا هستند. خداحافظی دارای نقش حفظ ارتباط است و حس ادب و احترام را به مخاطب القا می‌کند. این نوع احترام به کمک کنش‌های گفتاری «اجازه»، «سپاسگزاری»، «آرزو»، «معذرت‌خواهی» بیان می‌شود. روش تحقیق در این مقاله تحلیل زبانی بیش از ۲۰۰ موقعیت ایجاب‌کننده استفاده از کنش‌های گفتاری خداحافظی است.

واژگان کلیدی: کنش گفتاری «خداحافظی»، بیان غیرمستقیم، درخواست، اجازه، آرزو، معذرت‌خواهی، سپاسگزاری.

تجزیه و تحلیل مقایسه‌ای شیوه‌های اصطلاح‌سازی در زبان‌های تاجیکی و روسی

(بر اساس کتاب نوادرالوقایع اثر احمد دانش)

فاطمه اسد*

دکترای زبان‌شناسی، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان.

مهدی محمدبیگی کاسوائی**

دکترای زبان‌شناسی، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان.

شیرین حایتووا***

دانشیار، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۱۵)

در این مقاله به دیدگاه زبان‌شناسان روس و تاجیک در بررسی مسئله اصطلاح‌شناسی و تاریخچه شکل‌گیری روش‌های زبان‌شناسی در پژوهش اصطلاحات و تاریخچه کاربرد واژه «اصطلاح» و «کلمات تخصصی» پرداخته شده است. نویسندگان مقاله با بیان اینکه مطالعات متعددی در زبان‌های گوناگون به بررسی سیستم‌های اصطلاحات و درک ویژگی‌ها و جنبه‌های خاص آن‌ها اختصاص یافته است، معتقدند که تعداد زیادی از اصطلاحات بر اساس تغییر نقش کلمات رایج تشکیل شده است. با تکیه به نظر زبان‌شناسان معروف تاجیک، نویسندگان مقاله به این نکته اشاره می‌کنند که زبان عربی به‌عنوان زبانی بین‌المللی در آن دوره در روند شکل‌گیری و غنی‌سازی اصطلاحات علمی زبان تاجیکی نقش عمده‌ای داشته است. این مقاله بر مبنای تجزیه و تحلیل تطبیقی اصطلاحات کتاب «نوادرالوقایع» اثر احمد دانش، دانشمند بزرگ فارس و تاجیک نگاشته شده است. نویسندگان به تجزیه و تحلیل شیوه‌های گوناگون ساخت اصطلاحات (در زمینه آموزش، تاریخ، نجوم، جغرافیا) در زبان‌های روسی و تاجیکی پرداخته‌اند. نتایج بررسی متون نشان می‌دهد که احمد دانش در آثارش در کنار واژه‌های رایج، به‌طور گسترده از مجموعه‌ای از اصطلاحات فارسی و همچنین وام‌واژه‌هایی از سایر زبان‌ها استفاده می‌کرده است.

واژگان کلیدی: زبان تاجیکی، زبان روسی، اصطلاح‌شناسی، اصطلاح، پسوند، پیشوند، احمد دانش.

* E-mail: sh.asad90@yahoo.com

** E-mail: mahdimb@yahoo.com (نویسنده مسئول)

*** E-mail: haitova@inbox.ru

روش متن متقابل: منبعی برای رشد نوشتار، گفتار و تفکر تداعی‌گرای زبان‌آموز

اولگا گرکووا*

دانشیار گروه زبان روسی برای غیرروسی زبان‌های دانشگاه دولتی مسکو (لامانوسوف)،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۵)

این مقاله به بررسی استفاده از روش متن متقابل (تقابل با متن)، برای آموزش خلاصه‌نویسی و تفسیر به دانشجویان دکتری رشته‌های زبان می‌پردازد. در این پژوهش انواع واکنش‌های روانی خواننده (چه محتوایی و چه نسبی) به متن نوشتار، در شیوه کلی مکالمه‌محور تدریس زبان روسی به غیرروسی زبان‌ها بررسی می‌شود. در کنار ارزیابی‌ها و نظرات شخصی که از جمله متداول‌ترین واکنش‌ها به شمار می‌روند، واکنش‌های دیگری نیز تحلیل می‌شوند؛ واکنش‌هایی نظیر استدلال، پاسخ آزاد، تعیین جهت سخن، تصدیق، پیچیده‌سازی، نتیجه‌گیری، تعمیم، تصویرسازی، ترجمه، بیان متن با جملات دیگر، تجسم، تثبیت، فرض، بینامتنیت، پیش‌بینی و جایگزین‌سازی معنا. گاهی اوقات ارزیابی و تفسیر پدیده‌ای که در نوشتار ارائه می‌شود، همانند واکنش‌های شخصی و روانی متنوع به آن، دشواری‌هایی را طی دوره آموزشی زبان روسی برای زبان‌آموزان خارجی ایجاد می‌کند. به همین دلیل، واکنش‌های گفته‌شده، به گفتار روزمره آن‌ها وارد می‌شود. مبنای این مسئله رشد به اصطلاح تفکر تداعی‌گرا (که به مفهوم توانایی برقراری ارتباط بین واقعیت‌های نزدیک و یا کاملاً دور از ذهن است) در دو بستر منطق و دستور است. در این مقاله نمونه‌ای از تمرینات معین که زبان‌آموز را به سوی این هدف رهنمون می‌سازند و همچنین موادی جهت ساخت متن متقابل به پیوست ارائه می‌شوند.

واژگان کلیدی: نوشتار، متن متقابل، انواع واکنش‌های روانی، رشد تفکر تداعی‌گرا.

ویژگی‌های بوطیق‌ای اسطوره‌ای ویلیمیر خلبنیکوف

والری ردکین*

استاد دانشگاه دولتی تور،

تور، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۵)

در مقاله حاضر، ویژگی‌های بوطیق‌ای اسطوره‌ای محور ویلیمیر خلبنیکوف بررسی و به‌ویژه بر ماهیت حماسی و ملی-تاریخی شعر وی، کاسمیزم و فلسفی بودن تفکر ادبی شاعر تأکید می‌شود. کاسمیزم به تعدادی از جریانات مذهبی-فلسفی، ادبی-زیبایی‌شناسیک و همچنین علوم طبیعی اطلاق می‌شود که اساس ایده خود را بر کائنات به‌عنوان جهان دارای ساختار منظم قرار می‌دهند و انسان را شهروند جهان در نظر می‌گیرند. یکی از مهم‌ترین ویژگی‌های ذهنیت ادبی خلبنیکوف، علاقه و تمایل آشکار وی به زمان ملی-تاریخی و مکان ملی روسی است اما به لحاظ معنوی، ملیت در ذهن خلبنیکوف گویی همه‌کره زمین را در برمی‌گیرد و کاتولیک و پروتستان، بت‌پرستی و ارتدکس، بوداییسم و اسلام را شامل می‌شود. در ضمن، خلبنیکوف فرهنگ لهستانی را بسیار نزدیک و خویشاوند می‌یابد و به‌همین دلیل او لهستان را هم در دنیای حماسی خویش وارد می‌کند: لهستان به یکی از اسطوره‌هایی بدل می‌شود که به شاعر اجازه می‌دهند در سطوح گوناگون ایده ملی روسی «وحدت همگانی» را تبیین کند. ویلیمیر خلبنیکوف به لهستانی‌ها و ایده آزادی‌خواهی و استقلال‌طلبی‌شان، امکان ابراز و اظهار عقیده می‌دهد و بدین ترتیب به درک متقابل میان دو ملت و از بین بردن رنجش‌ها و سوء تفاهماتی که در طول تاریخ میان آن‌ها انباشته شده، کمک می‌کند.

واژگان کلیدی: و. خلبنیکوف، بوطیق‌ای اسطوره‌ای، نئورومانتیسم، ایده روسی، وحدت همگانی.

ارتباطات ادبی در داستان «استپ» آنتون پاولویچ چخوف (منابع روسی باستان: ن. و. گوگول، و. س. سالایوف)^۱

سوتلانا نیکالایوا*

استاد دانشگاه دولتی تور،

تور، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۵)

داستان نظام‌مند «استپ» نوشته چخوف، ریشه‌ای عمیق در ادبیات و فلسفه روسی دارد. برای درک درست معنای اخلاقی و فلسفی این داستان، لازم است منابعی را که چخوف در نوشتن بر آن‌ها تکیه کرده کشف و تجزیه و تحلیل نمود و پس زمینه فلسفی‌ای را که فکر اولیه داستان در آن فضا شکل گرفت، بررسی کرد. از جمله، کشف رمز این عبارت - که از زبان یکی از قهرمانان چخوف بیان می‌شود - «موجود چیست؟ موجود شیئی خودکفاست که برای ارائه خود احتیاج به شیء دیگری ندارد» به ما این امکان را می‌دهد چنین نتیجه‌گیری کنیم که هم منابع روسی باستان، هم آثار ن. و. گوگول، نویسنده «گزیده‌ای از مکاتبات با دوستان»، و هم و. س. سالایوف، فیلسوف، شاعر و نویسنده کتاب‌هایی چون «ایمان، عقل و تجربه»، «اصول معنوی زندگی»، «سه گفتار به یاد داستایوسکی» بر آنتون چخوف تأثیر گذاشتند. معیارهای فلسفی‌ای که ن. و. گوگول و و. س. سالایوف در آثار خویش به کار گرفتند، با تفکر ادبی - هنری چخوف همخوانی دارد و وی از این معیارها برای معرفی شخصیت‌هایش بهره می‌جوید. دیدگاه‌های چخوف به مواضع پوزیتیویستی محدود نمی‌شود و او هم به ایدئالیسم فلسفی و هم به فلسفه دینی توجه نشان می‌دهد.

واژگان کلیدی: آ. پ. چخوف، ن. و. گوگول، و. س. سالایوف، ادبیات روسی باستان،

پوزیتیویسم، ایدئالیسم.

۱. تحقیق حاضر با استفاده از گرت اعطایی بنیاد علوم انسانی روسیه و منطقه تور به شماره ۱۶-۱۴-۶۹۰۰۵ انجام گرفته است.

* E-mail: synikolaeva@rambler.ru

پرواز شاعر

(شاعران فوتوریست روس و صنایع هوایی)

ولادیمیر کاتلنیکوف*

استاد انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین» آکادمی علوم روسیه،

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۵)

رشد و گسترش بی سابقه صنایع هوایی در آغاز سده بیستم در بسیاری از عرصه‌های زندگی نمود پیدا کرد و فضای زندگی انسان به شدت توسعه یافت؛ سرعت جابه‌جایی از مکانی به مکان دیگر چندین برابر افزایش پیدا کرد و افق‌های جدید دانش پیش روی بشر گشوده شد. صنایع هوایی به یکی از مؤثرترین جلوه‌های پیشرفت فناوری بدل شد. موضوع صنایع هوایی و پرواز در میان شاعران فوتوریست که از مدافعان رشد و پیشرفت این صنعت به‌شمار می‌آمدند، انعکاس گسترده‌ای یافت. آن‌ها گاهی به تجربه شخصی پرواز خویش تکیه می‌کردند. در این اشعار، موضوع پرواز و هوا با جهان نوین عجین و جوانب جدید و اغلب تراژیکی از روابط متقابل انسان و ماشین نمایانده شده‌است. مهم‌ترین چهره در میان شاعران پروازنگار فوتوریست، واسیلی کامنسکی است. او حتی به شکل حرفه‌ای خلبان شد و در آثار منظوم خویش به‌طور گسترده به موضوع پرواز پرداخت. در این آثار، وی مجموعه‌ای غنی از واژگان نو ایجاد کرد که به‌واسطه ساخت غیرعادی صرفی و معناشناختی و همچنین نظام آوایی خاص خود، قابلیت بیان شدیدترین احساسات را داشتند. ویلیمیر خلبنیکوف با توصیف سوانح هوایی که در آن زمان بسیار اتفاق می‌افتاد، «راه‌های آسمانی» انسان را به‌شدت دراماتیک جلوه می‌دهد. بلوک نیز در بعضی از اشعار مرتبط با پروازش، با خلبنیکوف هم‌عقیده است.

واژگان کلیدی: فوتوریسم، صنایع هوایی، زبان شعر، پروازنگاری، شیوه زندگی نوین، انسان و ماشین.

* E-mail: vladiko@VK9485.spb.edu

چکیده‌های فارسی

آثار ل. ف. زورف و تفکر مذهبی - فلسفی روسی در سده‌های نوزدهم و بیستم

ویکتوریا زاخارووا*

استاد دانشگاه تربیت معلم ک. مینین نیژنی نووگورود،

نیژنی نووگورود، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۱۵؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۱۵)

در مقاله حاضر، آثار ل. ف. زورف، نماینده موج اول نویسندگان مهاجر روس از منظر تطابق آن با ایده‌های تفکر مذهبی - فلسفی روسی در سده‌های نوزدهم و بیستم بررسی می‌شود. داستان «دانشجوی دانشکده افسری» و رمان‌های «راه باستانی» و «میدان» ماده تحقیق این پژوهش هستند. نثر زورف، از نقطه نظر ایده مکاشفه در پرتو تحقیقات ولادیمیر سالایوف، و. س. بولگاکوف، و آ. ایلین بررسی می‌شود. نثر او به لحاظ ارتباط با حوزه تجسم ادبی سنت‌های معنوی و مذهبی تربیت خانوادگی، به عنوان پایه‌های ملی زندگی روسی در کنار کاوش‌های ن. لوسکی و ن. آرسنیف جای می‌گیرد. سرمنشأ مکاشفه نثر زورف، به درک ماهیت هستی‌شناسانه جهان و عمیق‌ترین مفاهیم جهان‌بینی مسیحی کمک شایانی نمود. تعیین میزان قابلیت معنوی خانواده در کار تربیت و پرورش شخصیت گواه آن است که اصول تقوایی انجیل، کمک‌رسانی بدون چشمداشت به نزدیکان، خیرخواهی فعالانه، توقع و انتظار زیاد از خویش، که در نظام خانواده روسی صرف‌نظر از تعلقات طبقاتی، نهادینه شده، موجبات غنای معنوی و اخلاقی روسیه را فراهم آورده است. ل. ف. زورف نویسنده‌ای مستقل، منحصر به فرد، با استعداد و مذهبی در ادبیات سده بیستم روسیه به شمار می‌رود.

واژگان کلیدی: ایده‌های مذهبی - فلسفی، سنت‌های معنوی ملی، ل. ف. زورف، نثر.

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۲۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵
بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی
زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست
الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:

myahya@ut.ac.ir

✂-----

 <p>انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی The Iranian Association of Russian Language and Literature</p>	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3> <p>نام و نام خانوادگی / مؤسسه:</p> <p>شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:</p> <p>نشانی:</p> <p>تلفن:</p> <p>کد پستی: صندوق پستی:</p> <p>شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره تعداد</p> <p>درخواستی از هر شماره: تاریخ:</p> <p>امضاء</p>
---	--

بر اساس نامه شماره ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل
محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم،
تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ **کمیسیون**
بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات
روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک
اعتبار علمی- پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه
استنادی علوم جهان اسلام) و SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد
دانشگاهی) نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتيانا آلکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نقریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی
نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی
(دو فصلنامه علمی-پژوهشی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاوالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: زینب صادقی سهل‌آباد

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مه‌بود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۱۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- آثار ل. ف. زورف و تفکر مذهبی - فلسفی روسی در سده‌های نوزدهم و بیستم ویکتوریا زاخارووا ۷
- پرواز شاعر (شاعران فوتوریست روس و صنایع هوایی) ولادیمیر کاتلنیکوف ۲۵
- ارتباطات ادبی در داستان «استپ» آنتون پاولویچ چخوف (منابع روسی باستان: ن. و. گوگول، و. س. سالایوف) ۴۹
- سوتلانا نیکالایوا ۴۹
- ویژگی‌های بوطیقای اسطوره‌ای ویلیمیر خلبنیکوف والری ردکین ۶۳
- روش متن متقابل: منبعی برای رشد نوشتار، گفتار و تفکر تداعی‌گرای زبان‌آموز اولگا گرکوا ۷۹
- تجزیه و تحلیل مقایسه‌ای شیوه‌های اصطلاح‌سازی در زبان‌های تاجیکی و روسی (بر اساس کتاب نوادرالوقایع اثر احمد دانش) فاطمه اسد / مهدی محمدبیگی کاسوائی / شیرین حایتووا ۹۵
- بیان مستقیم و غیرمستقیم کنش گفتاری «خداحافظی» در محیط فرهنگی روسی مریم شفق ۱۱۳
-
- چکیده‌های انگلیسی ۱۳۹
- چکیده‌های فارسی ۷